

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. Ангерман, д-р наук, проф. (Гамбургский университет, Германия)

Й. Бэкман, д-р наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

С. Г. Веригин, д-р ист. наук, проф. (директор Петрозаводского Института истории, политических и социальных наук)

Р. Жерелик, д-р ист. наук, проф. (директор Института истории Вроцлава, Польша)

Н. Кент, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

М. Клементи, д-р наук (исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук университета Калабрии, Италия)

А. В. Лихоманов, канд. ист. наук, доцент (зав. отделом РНБ)

Д. Ливен, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

Д. Мэтлок, д-р наук, проф. (Принстонский и Колумбийский университеты, США)

М. Ниендорф, д-р наук, проф. (Институт истории, Грайфсвальд, Германия)

Г. Оселиус, д-р наук (Шведский национальный военный колледж)

М. Пауэлл, д-р наук, проф. (Фредерик Коммьюнити Колледж, США)

М. Рио-Сарсе, д-р наук, проф. (Университет Париж VIII, Франция)

В. В. Рогинский, д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН)

В. В. Сергеев, д-р ист. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Э. Чапевский, д-р ист. наук, проф. (Институт по вопросам безопасности и международных прав, Университет Нижней Силезии во Вроцлаве, Польша)

А. Г. Шкваров, канд. ист. наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Барышников (председатель), д-р ист. наук, проф.

О. Ю. Пленков, д-р ист. наук, проф.

А. А. Петрова, канд. ист. наук, доцент

В. Н. Борисенко, канд. ист. наук, доцент

Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. ист. наук, доцент

Л. В. Сидоренко (дизайн), канд. ист. наук, ст. преп.

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ**

23 (1)

St-Petersburg State University
Institute of History
Department of Modern and Contemporary history

**PROCEEDINGS OF THE DEPARTMENT
OF MODERN AND CONTEMPORARY
HISTORY**

23 (1)

2023

ББК 63.3(0)

Т 78

Редколлегия выпуска: д-р ист. наук, проф. *В. Н. Барышников* (председатель); канд. ист. наук, доцент *Т. Н. Гончарова* (отв. ред.); канд. ист. наук, ст. преп. *Л. В. Сидоренко*.

Рецензенты: д-р философ. наук, проф. *А. Л. Вассоевич* (РИСИ)

д-р ист. наук, проф. *А. В. Смолин* (СПбГУ)

**Т 78 Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Т. 23.
№ 1 / Сост. Т. Н. Гончарова. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2023. – 142 с.**

ISSN 2227-3824

В Трудах представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. Среди них научные статьи, доклады, историографические обзоры, публикации источников, рецензии и др. Труды адресованы специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

The collection contains research materials prepared by the Department of Modern and Contemporary history of the Institute of History of St. Petersburg State University. It includes scientific articles, reports, historiography, source publications, reviews of books etc. The collection is addressed both to experts and anyone interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

ISSN 2227-3824

© Авторы статей, 2023

© Институт истории СПбГУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

- Демичева Т. М.* Представление о королевской власти во французской повседневной культуре XVIII века (на примере некоторых настольных игр). .7
- Гончарова Т. Н.* Когда Крымская война знакомит французков с украинскими казаками: исторический очерк П. Мериме26

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

- Барышников В. Н.* США и советско-финляндские переговоры в Москве в 1939 г. (глазами дипломатов из Финляндии)47
- Кочеткова В. Е.* Отражение дипломатии СССР и США в журнале “Time” за май 1945 – май 1946 гг.67
- Chepik V. N.* The Soviet attitudes towards European integration during the beginning of the Cold War and the first détente (1946–1959)78

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Sheldon-Duplaix A.* A Baltic information network: perceptions and War reports from French naval attachés in Scandinavia and their impact (1914–21 and 1939–43) . .104

РЕЦЕНЗИИ

- Аранович А. В., Лукирский А. Н., Тучапский А. К.* Новые размышления о жизни и сражениях «Русского Марса» (А. В. Суворова)119
- Чепик В. Н.* Современная интерпретация «молодежной революции» 1968 года127
- Требования к подаче материалов в журнал*138

CONTENTS

MODERN HISTORY OF WESTERN EUROPE AND AMERICA

- Demicheva T. M.* The idea of royal power in the French everyday life history of the 18th century (based on some board games) 7
- Goncharova T. N.* How the French public got acquainted with the Ukrainian Cossacks at the time of the Crimean War. A historical essay by P. Mérimée. 26

CONTEMPORARY HISTORY OF WESTERN COUNTRIES

- Baryshnikov V. N.* USA and Soviet-Finnish negotiations in Moscow in 1939 (view of diplomats from Finland) 47
- Kochetkova V. E.* A review of Soviet and U. S. diplomacy in “Time” May 1945–May 1946 67
- Chepik V. N.* The Soviet attitudes towards European integration during the beginning of the Cold War and the first détente (1946–1959) 78

HISTORIOGRAPHY, CRITICAL STUDY OF SOURCES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- Sheldon-Duplaix A.* A Baltic information network: perceptions and War reports from French naval attachés in Scandinavia and their impact (1914–21 and 1939–43) . . 104

REVIEWS

- Aranovich A. V., Lukirsky A. N., Tuchapsky A. K.* New thoughts on life and battles of “Russian Mars” (A. V. Suvorov) 119
- Chepik V. N.* A modern interpretation of the “Youth revolution” of 1968 127
- Requirements for submitting materials to the journal* 138

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Т. М. Демичева

Демичева Таисия Максимовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Институт Истории, Санкт-Петербургский государственный университет
Email: t.demicheva@spbu.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ НАСТОЛЬНЫХ ИГР)¹

В статье на примере двух настольных игр, выполненных в форме гравюр, — Новой исторической и хронологической игры французских королей 1745/1775 гг. и Хронологической и исторической таблицы основных событий, произошедших во Франции с момента установления монархии до наших дней 1775 г., будет проанализировано представление о королевской власти в Новое время. Данные источники в игровой форме иллюстрировали историю становления и развития королевской власти от Фарамонда до Людовика XV. Для нас они являются важным материалом при изучении повседневной культуры Старого порядка. В данной статье наша цель будет состоять в том, чтобы выявить, какие события и аспекты правления того или иного монарха считались в XVIII веке ценными и необходимыми для донесения до французской общественности.

В ходе исследования на основании созданного этими настольными играми нарратива будет проанализировано, с помощью каких концептов продвигалось представление о власти французского монарха. В заключении будет показано, что среди выявленных концептов, включавших право, религиозный вопрос, военные события, отношения подданных и правителя, нравственные и этические качества монарха, политические решения, культурную деятельность и экономику в основном при пропаганде образа королевской власти использовались военные и политические события в ущерб экономическим и правовым.

Ключевые слова: история настольных игр, история Франции, эпоха Просвещения, Старый порядок, французские короли, антропология власти, история повседневной культуры, XVIII век.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00106, <https://rscf.ru/project/22-78-00106/>.

Demicheva T.M., PhD in History, Senior Lecturer, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
Email: t.demicheva@spbu.ru

THE IDEA OF ROYAL POWER IN THE FRENCH EVERYDAY LIFE HISTORY OF THE 18TH CENTURY (BASED ON SOME BOARD GAMES)²

In the article, on the basis of two board games, executed in the form of engravings - the New historical and chronological game of the French kings 1745/1775 and the Chronological and historical table of the main events that took place in France from the moment the monarchy was established to the present day 1775, the idea of royal power in Modern time. These sources in a playful way illustrated the history of the development of royal power from Pharamond to Louis XV. For us, they are an important material in the study of the everyday culture of the Old Order. In this article, our goal will be to identify what events and aspects of the reign of a particular monarch were considered valuable and necessary to convey to the French public in the 18th century.

In the course of the study, based on the narrative created by these board games, it will be analyzed with the help of which concepts the idea of the power of the French monarch was promoted. In conclusion, it will be shown that among the identified concepts, including law, the religious issue, military events, relations between subjects and the ruler, the moral and ethical qualities of the monarch, political decisions, cultural activities and the economy, military and political events in economic and legal damage.

Keywords: history of board games, history of France, Enlightenment, Old Order, French kings, anthropology of power, history of everyday culture, 18th century.

К проблеме осмысления феномена королевской власти во Франции обращались многие знаменитые мыслители Нового времени. Ж.-Б. Боссюэ³, Ж.-Н. Моро⁴ и другие поднимали вопросы функционирования государства, идеальной модели государства, феномена абсолютной власти монархи и т.д. Осмысление их наследия находило отражение как в трудах французских, так и отечественных историков⁵. Вместе с тем, на наш взгляд незаслуженно

² The research was supported by the Russian Science Foundation № 22-78-00106, <https://rscf.ru/project/22-78-00106/>

³ *Bossuet J.-B.* La Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte. Paris: chez Pierre Cot, 1709. 733 p.

⁴ *Moreau J.-N.* Les Devoirs du Prince, réduits à un seul principe, ou Discours sur la justice. Dédié au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. Paris: Impr. de Monsieur, 1782. 498 p.

⁵ *Пименова Л.А.* Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка. Сборник научных статей. М.:Исторический факультет МГУ, 2018. 410 с.: *Bluche F.* L'Ancien

забытыми являются явления, связанные с восприятием королевской власти в рамках повседневной культуры, предметы которой, с одной стороны, могли использоваться как средства пропаганды, с другой — как источники, позволяющие нам судить об установках и приоритетах изучаемого общества. В данном исследовании нам близки подходы Роберта Дарнтона⁶, которые он предлагал использовать в рамках изучения истории повседневной культуры и новой культурной истории.

В годы Французской революции издавались настольные игры, которые носили пропагандистский характер — они рассказывали французским гражданам о новом устройстве общества и объясняли идею политического прогресса⁷. Но подобные подходы были известны и ранее. В настоящем исследовании мы постараемся проанализировать политический дискурс Старого порядка на примере двух настольных игр *Nouveau Jeu Historique et Cronologique des Rois de France* (Новая историческая и хронологическая игра французских королей) 1745/1775 г. и *Tableau Chronologique et Historique des Principaux Evenements arrivées en France depuis l'établissement de la Monarchie jusqu'à present. Dressé en forme de Jeu. Histoire Chronologique des Rois de France depuis le Roy Pharamond jusqu'au Roy Louis XV. Dressé en forme de jeu.* 1775 (Хронологическая и историческая таблица основных событий, произошедших во Франции с момента установления монархии до наших дней. Исполнена в форме игры. Хронологическая история королей Франции от короля Фарамонда до короля Людовика XV. Исполнена в форме игры. 1775 г.). Изучая их как источники по истории культуры и повседневности XVIII века, наш интерес сфокусируется на том, какие события и аспекты правления того или иного монарха считались важными в середине XVIII века, чтобы донести это до французской публики. Игры данного вида, или игры «в гуся», были очень популярны в Новое время. Однако среди известных нам игр, изданных в XVIII веке, только эти две транслировали образы королевской власти во Франции.

Nouveau Jeu Historique et Cronologique des Rois de France (Новая историческая и хронологическая игра французских королей) была создана в Париже анонимным автором. Она состояла из 66 пронумерованных квадратов, расположенных против часовой стрелки и иллюстрировала историю королей Франции от Фарамонда до Людовика XV. Каждому королю был посвящен

régime: institutions et société. Paris, Fallois, 1993. 222 p.: *Milliot V., Minard Ph.* La France d'Ancien Régime: Pouvoirs et société. Paris: Armand Colin, 2018. 238 p.

⁶ Дарнтон Р. Поэзия и полиция: коммуникационное пространство в XVIII в. в Париже. Москва: НЛО, 2016. 192 с.

⁷ *Jeu de la Revolution française : tracé sur le plan du d'oye renouvelé des Grecs : [estampe].* [Paris ?] : [s.n.], [1790-1791]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6943965b> (the date of access: 19.04.2023).

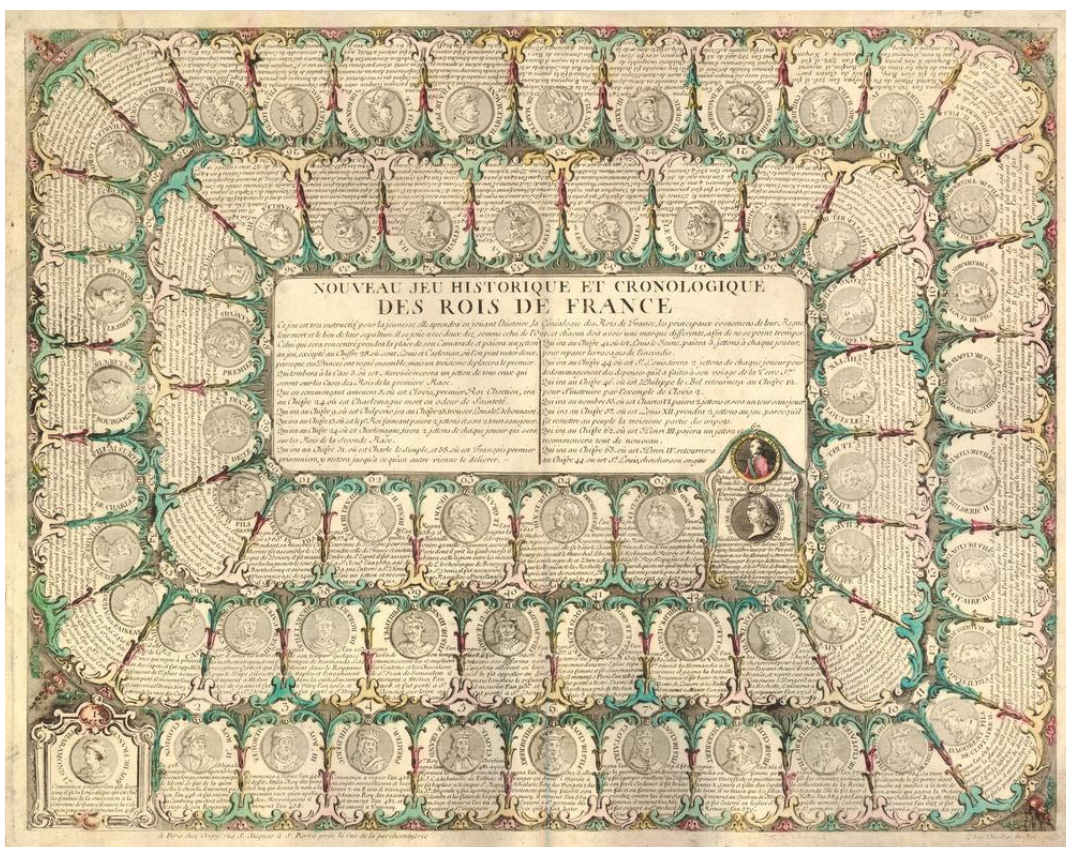
медальон с гравировкой, где содержались основные события его правления, обстоятельства смерти и места захоронения, был указан факт насильственной или ненасильственной смерти правителя. Согласно правилам, Новая историческая и хронологическая игра французских королей, как и ряд других игр XVIII века⁸, ставила своей целью воспитание молодежи.

В 1745 году были изданы две версии игры, незначительно отличавшиеся друг от друга иконографией игрового поля — *La Récréation Française ou Nouveau Jeu Historique et Cronologique des Rois de France* (Французский Отдых или Новая историческая и хронологическая игра французских королей) и *Nouveau Jeu Historique et Cronologique des Rois de France* (Новая историческая и хронологическая игра французских королей). В 1775 году эти гравюры были выпущены повторно с аналогичными названиями.

В поздних версиях игры был добавлен 67-й элемент — Людовик XVI, в 1774 году ставший королем. Сами игры отличались только некоторыми иконографическими аспектами, орнаментальными мотивами. Поскольку в нашем исследовании интерес представляет нарратив настольной игры, а не ее иконография, эти незначительные расхождения не существенны. В данном исследовании наш анализ будет основан на издании игры 1775 г., которое хранится в Британском музее⁹.

⁸ Демичева Т.М. Французские игры «в гуся» середины XVIII века как источники по изучению антропологии власти Нового времени (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа) // *Метаморфозы истории*. 2023. Вып. 27. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023856-1-1/>. DOI: 10.37490/S230861810023856-1 (дата обращения 19.04.2023)

⁹ *Crépy J.-B.* Nouveau jeu historique et cronologique des Rois de France. A Paris Chez Crépy, [1775]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1893-0331-111 (дата обращения 19.04.2023)

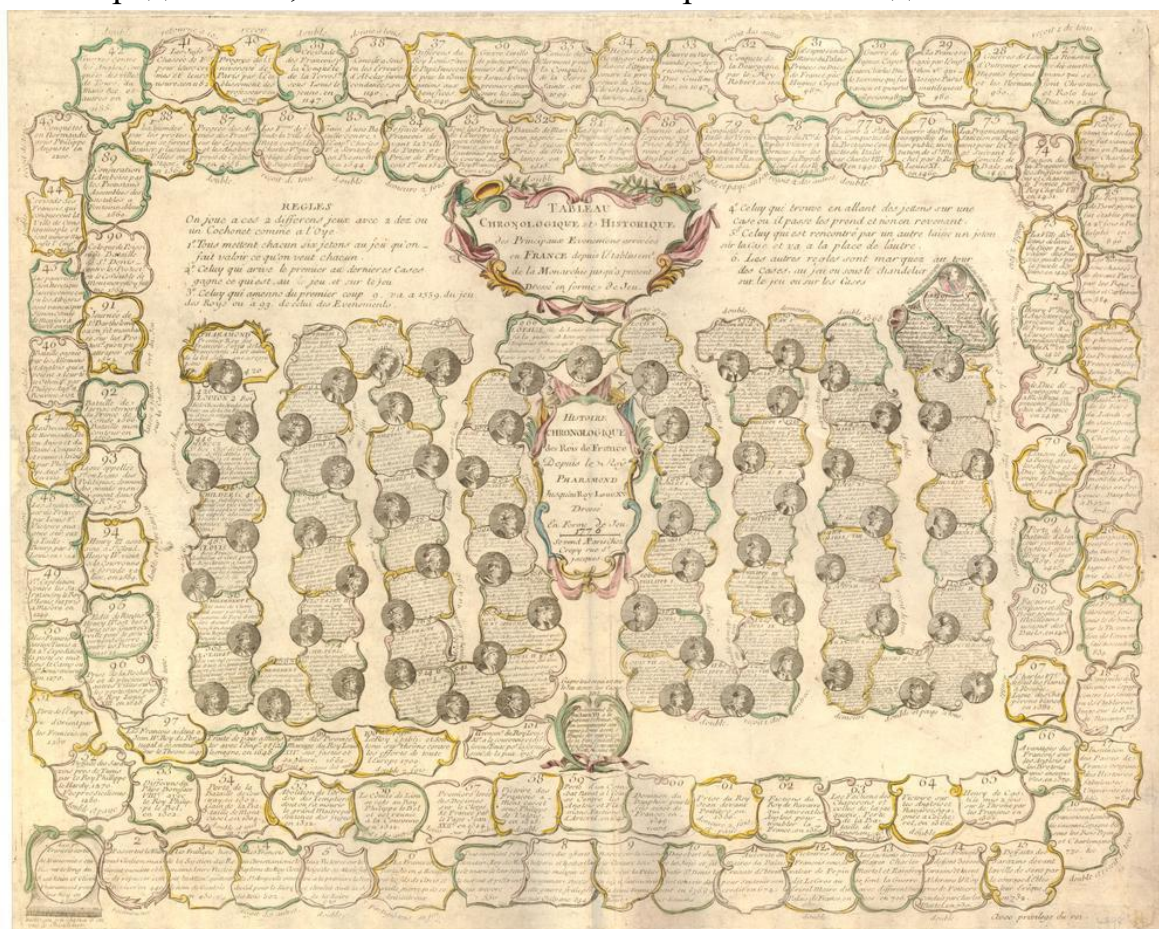
Илл. 1. Новая историческая и хронологическая игра французских королей.

Другой важный в настоящем исследовании источник — *Tableau Chronologique et Historique des Principaux Evenements arrivées en France depuis l'établissement de la Monarchie jusqu'à present. Dressé en forme de Jeu. Histoire Chronologique des Rois de France depuis le Roy Pharamond jusqu'au Roy Louis XV. Dressé en forme de jeu. 1775*¹⁰ (Хронологическая и историческая таблица основных событий, произошедших во Франции с момента установления монархии до наших дней. Исполнена в форме игры. Хронологическая история королей Франции от короля Фарамонда до короля Людовика XV. Исполнена в форме игры. 1775 г.) — был издан 1775 г.

Эта игра также в хронологическом порядке показывает историю становления королевской власти во Франции. Нарратив этой игры являлся более многоплановым, поскольку игровое поле насчитывало две параллельные линии: линию королей (66 ячеек) и линию событий (102 ячейки). Как и в случае с Новой исторической и хронологической игрой французских королей, 66 медальонов позволяли раскрыть значимость короля, однако в них отсутствовали моменты, связанные с тем, когда и как правитель

¹⁰ *Crépy J.-B.* *Tableau chronologique et historique des Principaux Evenements arrivées en France.* A Paris Chez Crépy, [1775]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1893-0331-110 (дата обращения 19.04.2023)

умер и где был похоронен. Вокруг медальонов по спирали были расположены 102 пронумерованные ячейки, каждая из которых содержала год и события французской истории с 420 г. н.э. по 1774 г. Согласно правилам, игроку следовало определить, с какой линией он собирался взаимодействовать.

Илл. 2. Хронологическая и историческая таблица основных событий, произошедших во Франции с момента установления монархии до наших дней.

Оба источника, как это уже было отмечено выше, иллюстрировали историю развития французской государственности в виде линии от легендарного короля Фарамонда, мифического предка Меровингов, до Возлюбленного короля Людовика XV. В версиях 1775 года был добавлен Людовик XVI. В этом плане мы можем наблюдать некое разночтение, поскольку ряд трудов XVIII века показывал историю королевской власти от Хлодвига до Людовика XV¹¹. Несмотря, на первый взгляд, схожий путь, показанный в этих двух источниках, имелись и некоторые расхождения.

¹¹ Millot Cl.-Fr. *Éléments de l'histoire de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XV*. Paris : Durand neveu, 1768. 2 vol. (XVIII-[2]-445-[3] ; 477-[2] p.

В Новая исторической и хронологической игре французских королей были перечислены: Фарамонд I, Хлодион II, Мервей III, Хильдерик I, Великий Хлодвиг, Хильдеберт сын Хлодвига, Хлотарь сын Хлодвига, Хариберт сын Хлотаря, Хильперик сын Хлотаря, Хлотарь II сын Хильперика, Дагоберт сын Хлотаря II, Хлодвиг II сын Дагоберта, Хлотарь III сын Хлодвига II, Хильдерик II сын Хлодвига II, Теодорих, или Тьерри I сын Хлодвига II, Хлодвиг III сын Теодориха, Хильдеберт II сын Теодориха I, Дагоберт II сын Хильдеберта, Хлотарь IV, Хильперик II сын Хильдерика II, Теодорих II сын Дагоберта II, Хильдерик III 22-ой король, Пипин сын Мартелла, Карломан сын Пипина, Людовик I Благочестивый, Карл Лысый сын Людовика I, Людовик II Заика, Людовик III сын Людовика II, Карл Толстый, Эд XXX король, Карл Простоватый, Рауль герцог Бургундский, Людовик IV сын Карла, Лотарь сын Людовика IV, Людовик V Ленивый, Гуго Капет, Роберт сын Гуго Капета, Генрих I сын Роберта, Филипп I сын Генриха, Людовик Толстый сын Филиппа I, Людовик Молодой сын Людовика Толстого, Филипп Август сын Людовика Молодого, Людовик VIII Лев, Людовик Святой, Филипп Смелый, Филипп Красивый, Людовик Сварливый, Филипп Длинный второй сын, Карл Красивый третий сын, Филипп Валуа сын Филиппа Смелого, Иоанн Добрый, Карл V Мудрый, Карл VI, Карл VII, Людовик XI, Карл VIII, Людовик XII, Франциск I, Генрих II, Франциск II сын Генриха, Карл IX сын Генриха, Генрих III сын Генриха, Генрих Великий, Людовик XIII сын Генриха IV, Людовик Великий, Людовик XV Возлюбленный, Людовик XVI Благодетель¹².

В Хронологической и исторической таблице основных событий, произошедших во Франции с момента установления монархии до наших дней, отсутствовал Хлотарь IV: после Дагоберта следовал Хильперик II. Людовик III и Карломан были показаны, как один государь, поскольку они вместе управляли государством. В предыдущей игре акцент был сделан исключительно на Людовике III, упоминание Карломана шло лишь в рамках особенностей его правления¹³. Более того, в Хронологической и исторической таблице было отмечено, что их считали нелегитимными сыновьями. Также Иоанн Добрый был назван Иоанном I, хотя он являлся Иоанном II. Таким образом игнорировался Иоанн Посмертный, сын Людовика Сварливого, который прожил пять дней после рождения и умер во младенчестве.

¹² *Crépy J.-B.* Nouveau jeu historique et cronologique des Rois de France. A Paris Chez Crépy, [1775]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1893-0331-111 (дата обращения 19.04.2023)

¹³ *Crépy J.-B.* Tableau chronologique et historique des Principaux Evenements arrivées en France. A Paris Chez Crépy, [1775]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1893-0331-110 (дата обращения 19.04.2023)

Кроме определенного пропагандистского дискурса эти источники позволяют нам судить об уровне исторического знания во Франции эпохи Просвещения. В задачи нашего исследования не входит детальный анализ ошибок в историческом знании XVIII века, но мы не можем не обратить внимание на ряд моментов. Везде в источниках Теодорих III был назван Теодорихом I, Дагоберт III — Дагобертом II, Хильдеберт III — Хильдебертом II. Это несоответствие продолжалось дальше — Теодорих IV сын Дагоберта III ошибочно был назван Теодорихом II сыном Дагоберта II. В Новой исторической и хронологической игре французских королей Филипп VI, основатель династии Валуа, был обозначен как сын Филиппа III Смелого. На самом деле Филипп был сыном Карла, графа Валуа, от 1-го брака с Маргаритой Анжу-Сицилийской. Филипп III Смелый, в свою очередь, был отцом Карла, т.е. приходился основателю династии Валуа дедушкой. Также были представлены противоречивые сведения о происхождении Карла Мартелла; будто Альпаида родила его от Дагоберта II, а не Пипина Геристальского. В Хронологической и исторической таблице сведения о происхождении монархов не были упомянуты. В данном исследовании мы приводим имена королей так, как они были упомянуты в источнике.

В Новой исторической и хронологической игре французских королей государи часто именовались с указанием отцовства — Хильдеберт сын Хлодвига, Хлотарь сын Хлодвига, Хариберт сын Хлотаря и т.д. В этом плане в Хронологической и исторической таблице основных событий, произошедших во Франции, короли были представлены более официально — Хильдеберт I, Хлотарь III или Хариберт I. Также можно проследить, какие правители считались наиболее значимыми для французского общества Нового времени. Основываясь на информации с Новой исторической и хронологической игры, мы видим, что прозвище «Великий» носили трое монархов — Хлодвиг, Генрих IV и Людовик XIV.

Далее, в Новой исторической и хронологической игре не делались различия относительно территорий Нейстрии, Бургундии, Австразии, Восточно-Франкского и Западно-Франкского государства и их правителей. Иными словами, не было показано, что территории, составлявшие в XVIII веке Францию, ранее были разрозненны. В источнике действовал характерный для игр «в гуся» принцип прогресса, который воплощался в линейном формате передачи знания, свойственном эпохе Просвещения¹⁴. Это видно в линейном характере представления информации о французских королях, поскольку в

¹⁴ Демичева Т.М. Библиотека и библиотекарь в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера // Библиотековедение. Т. 69. №2. 2020. С. 165.

игре отсутствовали вожди (малые короли) франков в Кёльне, Камбре, Тонгерене, Ле-Мане. Факт нелинейности развития французского государства был учтен в Хронологической и исторической таблице, но только в той в линии, которая в 102 действиях рассказывала о важнейших в истории страны событиях. Так, были упомянуты королевства Нейстрии, Прованса, Бургонского королевства и т.д. Однако в линии, посвященной королям, этот принцип не действовал.

Концепты, которые использовались для пропаганды и популяризации наследия французских государей, будут разобраны на примере Новой исторической и хронологической игры, как более раннего по времени создания источника. В ней можно найти такие проблемные вопросы, как право, религия, военные события, отношения подданных и правителя, нравственные и этические качества монарха, политические решения, культурная деятельность, экономика.

Военные события — как победы, так и поражения — составляли значимую долю информации, которая транслировалась в игре. Среди них было отмечено, что Мероверей победил Агтиллу, Хильдерик I — короля саксов Одоакра, Хлотарь I воевал в Бургундии 21 раз. Отдельно был сделан акцент на важности битвы при Тоблиаке, после которой Хлодвиг принял крещение. Также были упомянуты битва при Пуатье, изгнание сарацин Пипином Коротким из Нарбонны и его войны с Айстульфом, битва при Бувине Филиппа Августа, победа Филиппа Валуа над фламандскими мятежниками при Мон-Касселе, пленение Иоанна Доброго после битвы при Пуатье, сокращение французской армии при Карле VI Простоватом, деятельность Жанны Д'Арк при Карле VII, присоединение Бретани при Карле VIII, первая итальянская война Карла VIII, завоевание Милана и Неаполя Людовиком XII, пленение Франциска I в битве при Павии, осада Парижа и победа Генриха IV в битве при Арке, взятие Ля-Рошели при Людовике XIII, выигранные битвы при Норлинге, Рокруа и Лансе в эпоху Людовика XIV. Правление Людовика XV было отмечено победами в битвах при Парме, Гуасталле, Фонтенуа, осада Менина, Ипра, Фрибура, Турне.

Другой пласт вопросов составляли политические решения правителей. Среди них важны были как сам факт бездеятельности ряда королей, в основном, т.н. «ленивых королей», так и их активные действия, среди которых наличие статуса императора у Карла Великого, Карла Лысого, Людовика Заики, признание Карлом Лысым правителей Бретани королями, совместное управление и дальнейшее разделение государства между братьями Людовиком III и Карломаном II, начало деятельности рыцарей Тевтонского ордена, тамплиеров и госпитальеров при Филиппе I, присоединение

Нормандии к Франции при Филиппе II Августе, избрание англичанами Людовика VIII Льва королем, отвоевание у англичан Перигора и Лимузена Людовиком Львом, присвоение титула дофина Карлу V Мудрому, завещание французской короны Карлом VI Простоватым английскому королю, поступление шотландцев на королевскую службу к Карлу VII, женитьба Людовика XII на вдове предшественника Анне Бретонской, заключение конкордата Франциском I, подписание Генрихом II невыгодного мирного договора после проигрыша в битве при Сен-Кантене, Варфоломеевская ночь при Карле IX, отказ от польской короны Генриха III, заговор против Кончино Кончини и регентство Марии Медичи, официальное заявление короля Испании о превосходстве Франции при Людовике XIV, присоединение Лотарингии при Людовике XV¹⁵.

С политическими решениями королей был тесно связан такой блок вопросов, как экономика. Подчеркивались такие моменты, что при Филиппе Красивом парламент обосновался в Париже и были введены тяжелые налоги, при Людовике Сварливом Ангерран де Мариньи был предан суду за налоги, которыми тот обложил народ, а при Филиппе II Длинном евреи были изгнаны из королевства и была впервые введена десятина.

В сфере права можно выделить только введение салического закона Фарамондом, который исключал женщин из порядка наследования французской короны.

Отношение к религии и важность религиозного вопроса проявлялись в указании факта, был ли король язычником или христианином. Так, например, у Хлодвига было отмечено, что он являлся первым христианским королем, которому Бог помог выиграть сражение при Толбиаке. Среди религиозных дел выделялись сражения за Святую Землю Людовиком Святым, крестовые походы Филиппа Августа, прозвание защитником церкви Гуго Капета, уход Людовика Благочестивого в монастырь, разорение папских земель и сожжение людей в церкви Людовиком VII, упразднение ордена тамплиеров и канонизация Людовика IX при Филиппе Красивом, отречение от протестантизма и переход в католичество Генриха IV.

Нравственные и этические качества правителя также занимали определенное место в дискурсе Новой исторической и хронологической игры. Так, делался акцент на особой жесткости Хлотаря I по отношению к семье брата в бургундских войнах, на преступлениях Хильдерика II и раскаяниях Карла Великого в своих прежних грехах. Отмечалось, что Хариберт покинул

¹⁵ *Crépy J.-B.* Nouveau jeu historique et cronologique des Rois de France. A Paris Chez Crépy, [1775]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1893-0331-111 (дата обращения 19.04.2023)

свою жену ради других женщин, Хильперик совершал жестокости по просьбе своей жены Фредегонды, а Людовик Благочестивый простил детей, которые подняли против него бунт. Были отмечены простота Карла Простоватого, которой пользовался герцог Бургундский Рауль, вероломство Лотаря, отречение Людовика VII от своей жены, неверность и коварство Людовика XI. Как видим, в основном отмечались негативные качества, было очень мало приведено качеств, описывавших правителя с положительной стороны. Как правило, успех государя оценивался в военных победах и присоединении земель.

С личными качествами королей связаны отношения подданных и правителя. В этом плане подчеркивалось, что подданные отправили Хильдерика I в ссылку на 7-8 лет, отмечались любовь и доверие поданных к Карлу Великому, изгнание Карла Толстого, влияние герцогов Гизов на Франциска II, приведшее к большим волнениям в стране.

Отдельно можно сделать акцент на культурной деятельности королей, которая в ряде случаев была смежна с религиозной составляющей. В этом плане оказались важны основание Дагобертом аббатства Сен-Дени, Теодорихом — аббатства Св. Вестада, постройка Нотр-Дама, Лувра и рынка Ле-Аль при Филиппе II Августе, постройка Сен-Шапель и основание госпиталей Людовиком Святым, создание рыцарского ордена Звезды Иоанном Добрым, постройка Сен-Жерменского замка и Бастилии Карлом V Мудрым, учреждение ордена Святого Михаила при Людовике XI, участие Генриха II на турнире, на котором он получил смертельное ранение, учреждение ордена Святого Духа Генрихом III, строительство Люксембургского дворца в эпоху регентства Марии Медичи.

Как мы видим, в основном, акцент делался на политической составляющей и военных делах. Для иллюстрации вышесказанного приведем илл. 3, сформированный при помощи программы анализа текстов «Voyant tools». На нем видно, что в основном акцент был сделан на таких лексемах, как «битва», «королевство», «Франция». Таким категориям, как право и экономика практически не уделялось внимания.

Илл. 3. Частота употребления слов в Новой исторической и хронологической игре.

Более того, можно задаться вопросом относительно критериев отбора деяний королей. Так, примечательно, что у Людовика VII не были указаны крестовые походы, в которых тот принимал участие. При этом в Хронологической и исторической таблице эта информация содержалась. Также вызывает удивление, что в обоих играх отсутствовало упоминание о строительстве Версаля Людовиком XIV. На наш взгляд, данный факт важен, поскольку это позволило поставить дворянство под контроль государства, т.е. фактически послужило важным этапом становления Франции как административной монархии. При этом у ряда других государей было упомянуто строительство менее значимых сооружений, как Люксембургский дворец при регентстве Марии Медичи. Отдельно вызывает удивление, что у Людовика XV было перечислено намного больше побед, чем у его предшественников, хотя данного монарха сложно назвать выдающимся полководцем. Наше предположение состоит в том, что на это повлияло первое издание игры, сделанное при Людовике XV. Примечательно, что борьба с парламентской оппозицией, которая имела место в годы его правления, никак не была отражена в источнике. Вероятно, этот факт скорее дискредитировал образ монархии, нежели способствовал ее пропаганде. Данный аспект

правления Людовика XV не оказался существенным в отличие от указания побед в битвах при Парме, Гуасталле, Фонтенуа, осады Менина, Ипра, Фрибура, Турне.

В Хронологической и исторической таблице основных событий, произошедших во Франции, также, как и в Новой исторической и хронологической игре французских королей, можно проследить такие аспекты, как право, религиозный вопрос, военные события, отношения подданных и правителя, нравственные и этические качества монарха, политические решения, культурная деятельность, экономика.

Для нас отдельный интерес представляет наличие изменений в представлении государей в этих двух источниках. При сравнении Новой исторической и хронологической игры и Хронологической и исторической таблицы основных событий, произошедших во Франции, мы видим, как в последней по-иному были расставлены акценты.

В ряде случаев информация о монархах была представлена схожим образом. Это справедливо по отношению к сведениям относительно Хлотаря I, Хариберта, Хильперика, Хлодвига II, Хлотаря III, Хильдерика III, Теодориха I, Хлодвига III, Людовика I, Карла Лысого, Карла Простоватого, Карла Толстого, Теодориха II, Рауля I, Людовика IV, Лотаря I, Людовика V, Филиппа Смелого, Карла Красивого, Карла VII, Людовика XI, Людовика XII, Франциска II, Карла IX, Людовика XIV, Людовика XV.

Однако некоторые сведения о королях были представлены иначе в Хронологической и исторической таблице основных событий, произошедших во Франции. Внимание уделялось географическому аспекту, так как было показано, каким образом франки оказались на территории Франции: Фарамонд вывел франков с территории Франконии, а Хлодион — расширил территории франков вдоль Рейна.

При совпадении ряда моментов встречались ситуации, когда некоторые важные события были упущены. Так, например, у Хильдерика I не было отмечено, что он победил короля саксов Одоакра, Эд — норманнов, или что Людовика VIII англичане избрали своим королем. Не было указано такое событие, как постройка Сен-Шапель Людовиком Святым. Впрочем, упоминание того, что при Филиппе Красивом Людовик Святой был канонизирован, также отсутствовало. Не было информации, что Филипп Длинный преследовал евреев и был первым, кто ввел десятину или, что Иоанн Добрый учредил орден Звезды.

Вместе с тем, в Хронологической и исторической таблице появились новые моменты: Мервей вывел франков из-под римского подчинения, Хильдеберт I получил Парижское королевство, а Хильперик II отличался

отсутствием политической хватки, поскольку был посажен на престол Карлом Мартеллом. У Пипина Короткого добавлена информация, что он был коронован папой Бонифацием и победил саксонцев в 755 году, а у Людовика Сварливого — сведения про измену королевы Маргариты и его действия против евреев¹⁶.

В целом, мы наблюдаем в Хронологической и исторической таблице определенный перекоп в сторону нравственной характеристики монарха. Так, у Хлодвига нет упоминания битвы при Толбиаке, а акцент был сделан на жесткости и амбициозности короля. Данная ситуация повторяется в случае с Хлотарем II, когда вновь был сделан фокус на жесткости государя в ущерб точным данным о битвах (победы над королем Хильдебертом). В случае с Дагобертом I было отмечено, что король покинул первую жену, в то время как в Новой исторической и хронологической игре содержалась просто информация о дебошах короля. Образ Карла Великого чуть отличался, несмотря на, в целом, его положительную характеристику. Если в Новой исторической и хронологической игре французских королей упоминались дебоши правителя, то в Хронологической и исторической таблице их не было, император был показан как защитник церкви, науки и славы армии. Удивительно, что там не содержалось такой казалось бы важной информации, как присвоение титула императора Запада.

По-разному были проиллюстрированы правовые моменты: в Хронологической и исторической таблице Гуго Капет был отмечен как король, избранный Генеральными штатами, в то время как в Новой исторической и хронологической игре этого не было, а основное внимание уделялось тому, что он был защитником церкви. Факт избрания короля Генеральными штатами также содержался в медальоне, посвященном Филиппу Валуа, в то время как информация о его победе над фламандскими мятежниками при Мон-Касселе была пропущена.

В Новой исторической и хронологической игре при раскрытии деятельности Филиппа I больше внимания уделялось деятельности духовных орденов (тевтонцев, тамплиеров, госпитальеров), а в Хронологической и исторической таблице только то, что король рос под опекуном Балдуина. Касательно Филиппа Августа также по-разному была представлена информация. Если в первом случае считалось важным показать, что монарх принимал участие в крестовых походах, присоединил к Франции Нормандию

¹⁶ *Crépy J.-B.* Tableau chronologique et historique des Principaux Evenements arrivées en France. A Paris Chez Crépy, [1775]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1893-0331-110 (дата обращения 19.04.2023)

и победил в битве при Бувине, то во втором исключительно, что он преследовал евреев и комедиантов.

У Карла V Мудрого в Хронологической и исторической таблице была убрана информация о его заслугах в культурно-строительной деятельности (постройка Бастилии и церкви Сен-Жермен-ан Ле) и добавлен факт о вмешательстве в дела Кастилии. Представление его сына Карла VI Безумного также претерпело изменения — упоминание безумия короля было заменено информацией о том, что он правил при поддержке своих дядей герцога Беррийского и герцога Бургонского. У Карла VIII в Хронологической и исторической таблице более подробно прописаны мотивы женитьбы на Анне Бретонской: что это привело к присоединению Бретани к Франции, также были добавлены сведения о завоевании Неаполя; в то время как в первой игре лишь отмечено, что он потерял Неаполитанское королевство, а о самом факте победы не было упомянуто. Несмотря на ожидаемый акцент, сделанный в обеих играх на битве при Павии, в Хронологической и исторической таблице был убран момент, что Франциск I два раза терял Милан и заключил конкордат, однако была показана его борьба с императором Священной Римской империи Карлом V. В этой игре у Генриха II отсутствовали сведения о проигранной битве при Сен-Кантене, вместо нее речь шла о короле, который выступал как защитник религии против протестантов. У Генриха III везде шла речь о бегстве из Польши, однако в Хронологической и исторической таблице также говорилось о гражданских войнах, которые проходили в его царствование и роли в них Гизов, ничего не было указано про учреждение ордена Святого Духа. Также по-разному были проставлены акценты касательно Генриха IV. Так, при создании Новой исторической и хронологической игры ее создателям были важны конкретные победы короля, то в Хронологической и исторической таблице внимание больше шло на борьбу с Католической лигой. У Людовика XIII в первом случае больше говорилось о культурной деятельности в эпоху регентства Марии Медичи, в то время как во втором — на внешнеполитических моментах, как, например, женитьба на дочери испанского короля.

Иными словами, чем ближе тот или иной король был к XVIII веку, тем больше в Хронологической и исторической таблице мы можем наблюдать информации, которая должна была укреплять престиж монарха, воспевать единство Франции и показывать королевскую власть в выгодном свете.

Как это часто бывало в подобных настольных играх, механика перемещения с ячейки на ячейку содержала определенный смысл¹⁷, который вкладывался в роль того или иного государя во французской истории. Соответственно, при создании Новой исторической и хронологической игры французских королей в правилах был прописан и применялся определенный исторический контекст, связанный с особенностями правления некоторых монархов. В Хронологической и исторической таблице такое на поле не было прописано.

Так, особые действия в Новой исторической и хронологической игре были связаны с фигурами Людовика III и Карломана, Меровея, Хлодвига, Хильперика I, Людовика Благочестивого, Теодориха I, Карла Великого, Карла Простоватого, Франциска I, Людовика Молодого, Людовика Святого, Карла VI, Людовика XII, Генриха III, Генриха IV.

Поскольку Людовик III правил вместе с Карломаном, то в случае, если двое игроков встречались на одной ячейке, они могли на ней остаться вдвоем. В остальных случаях правилами запрещалось нахождение двух игроков на одной номере.

Определенным образом подчеркивалось значение первой и второй королевских династий — Меровингов и Каролингов: при попадании на ячейку с Меровеем, игрок получал жетоны со всех игроков, чьи фишки стояли на иных представителях первой династии, династии Меровингов. Наряду со значением династии Меровингов сходным образом уделялось внимание династии Каролингов. При попадании на ячейку с Карлом Великим, игрок должен был взять по два жетона у игроков, чьи фишки располагались на королях второй династии.

Также особое внимание уделялось концепту святости и его взаимосвязи с королевской властью. В этом плане фигуры Хлодвига, бывшего первым христианским королем Франкского государства, и Карлом Великим, умершим в святости, были соединены таким образом, что попав на ячейку с Хлодвигом, игрок моментально перемещался к Карлу Великому. От Хильперика I игрок перемещался к Людовику Благочестивому.

Обыгрывались некоторые случаи из жизни королей. Например, это касалось известных королей-узников — Карла Простоватого, который во время мятежа феодалов был взят в плен графом Вермандуа и умер в плену, и Франциска I, которого пленили после битвы при Павии. Соответственно,

¹⁷ *Seville A. The Cultural Legacy of the Royal Game of the Goose: 400 years of Printed Board Games, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. 392 p.*

учитывая исторические события, игрок должен был остаться на ячейке и ждать вызволения, иначе говоря, прихода другого игрока на ту же ячейку.

При попадании на ячейку с Теодорихом I, который был известен как первый «ленивый король», игроку было необходимо заплатить два жетона и два тура быть вне игры. Таким образом воплощался концепт ленивости и пассивности правителя. Схожий механизм символизировал безумие Карла VI. Оно было показано тем, что игроку, попавшему на ячейку, было необходимо заплатить два жетона и пропустить один ход.

Также было уделено внимание событию, которое очень сильно скомпрометировало Людовика Молодого, когда при взятии города Витри 1300 человек, запершихся в церкви, погибли от огня. Предполагалось, что при попадании на ячейку с Людовиком Молодым надо было заплатить три жетона каждому игроку за устранение последствий пожара.

Однако данный механизм работал и в обратную сторону. Игрок, попавшийся на номер с Людовиком Святым, получал по два жетона от каждого игрока в качестве компенсации за расходы, которые король понес на своем пути из Святой Земли. Людовик XII прославлялся как король, который облегчил народу налоговое бремя. Поэтому игрок должен был взять два жетона из кассы.

Интересным образом транслировался вопрос о праве на престол. Так, попав на ячейку с королем Генрихом IV, игроку надо было вернуться к Людовику Святому, чтобы подтвердить происхождение. Отсылку к бегству Генриха III из Польши, когда он ради французской короны отказался от польской, можно также было найти в дискурсе игры. Это выражалось в том, что игроку следовало уплатить жетон в кассу и начать заново игру.

Подходя к выводу, мы видим, какие аспекты были важными для пропаганды идеи о королевской власти и как менялось само представление о королевской власти на протяжении 1745-1775 гг. Для продвижения образа королевской власти было характерно обращение к таким сферам, как политические действия монарха, военные события, право, экономические меры, нравственные качества, религиозный вопрос, культурные дела. В основном акцент делался на политических делах, военных победах, присоединении земель, т.е. всему тому, что вело к укреплению государства. Практически не затрагивались такие сферы, как право и экономические вопросы. При этом многие рассмотренные области были связаны с религиозной составляющей. Вместе с тем, нравственные качества в основном были представлены в негативном ключе — в настольных играх мы видим акцент на жесткости и зверствах ряда королей, особенно первых династий. В Хронологической и исторической таблице, изданной в 1775 году, мы

наблюдаем стремление сконструировать и представить королевскую власть более престижной, чем она была показана в Новой исторической и хронологической игре, которая первоначально была опубликована в 1745 году. В Таблице была убрана информация про безумие Карла VI, про ряд проигранных королями битв, сделан акцент на диалоге власти с церковью и сакральности власти монарха, что позволяло сконструировать более выигрышный образ правителя.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Akademicheskij slovar' teorii i istorii imperij [Academic dictionary of the theory and history of Empires]. St-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. 728 p. (In Russian)

Академический словарь теории и истории империй. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 728 с.

Baryshnikov V. N., Goncharova T. N., Kipnis B. G., Sidorenko L. V., Steckeovich E. S., Steckeovich M. S., Plenkov O. Ju., Chepik V. N. *Fenomen kontrrevoljucii v istorii: Sravnitel'nyj analiz postrevoljucionnyh praktik v Evrope Novogo i novejshego vremeni [The phenomenon of counter-revolution in history: Comparative analysis of post-revolutionary practices in Europe of Modern and Contemporary times]*. St-Petersburg: Izd-vo RHGA, 2021. 521 p. (In Russian)

Барышников В. Н., Гончарова Т. Н., Кипнис Б. Г., Сидоренко Л. В., Стецкевич Е. С., Стецкевич М. С., Пленков О. Ю., Чепик В. Н. Феномен контрреволюции в истории: Сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2021. 521 с.

Bluche F. *L'Ancien régime: institutions et société*. Paris : Fallois, 1993. 222 p.

Bossuet J.-B. *La Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte*. Paris : chez Pierre Cot, 1709. 733 p.

Crépy J.-B. *Nouveau jeu historique et cronologique des Rois de France*. Paris : Chez Crépy, [1775]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1893-0331-111 (дата обращения 19.04.2023)

Crépy J.-B. *Tableau chronologique et historique des Principaux Evenements arrivées en France*. Paris : Chez Crépy, [1775].

URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1893-0331-110 (дата обращения 19.04.2023)

Darnton R. *Poetry and the police: communication networks in the Eighteenth-Century Paris*. Cambridge (Mass.); L.: the Belknap press of Harvard Univ. Press, 2010. 240 p.

Дарнтон Р. Поэзия и полиция: коммуникационное пространство в XVIII В. В Париже. Москва: НЛЮ, 2016. 192 с.

Demicheva T.M. Biblioteka i bibliotekar' v «Jenciklopedii» D. Didro i Zh. D'Alambера [Library and librarian in the "Encyclopedia" by D. Diderot and J. D'Alembert], in *Bibliotekovedenie*. 2020. T. 69. № 2. P. 158-165. (In Russian)

Демичева Т.М. Библиотека и библиотекарь в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера// Библиотековедение. 2020. Т. 69. № 2. С. 158-165.

Demicheva T.M. Francuzskie igry «v gusja» sere diny XVIII veka kak istochniki po izucheniju antropologii vlasti Novogo vremeni (po materialam iz sobranija Gosudarstvennogo Jermitazha) [French Goose Games of the Middle of the 18th Century as Sources for the Study of the Anthropology of Power in Modern Times (Based on Materials from the Collection of the State Hermitage Museum)], in *Metamorfozy istorii*. 2023. V. 27. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023856-1-1/>. DOI: 10.37490/S230861810023856-1 (accessed: 19.04.2023). (In Russian)

Демичева Т.М. Французские игры «в гуся» середины XVIII века как источники по изучению антропологии власти Нового времени (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа) // *Метаморфозы истории*. 2023. Вып. 27. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023856-1-1/>. DOI: 10.37490/S230861810023856-1 (дата обращения 19.04.2023).

Jeu de la Revolution française : tracé sur le plan du d'oye renouvelé des Grecs : [estampe]. [Paris ?] : [s.n.], [1790-1791]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6943965b> (the date of access: 19.04.2023).

Millot Cl.-Fr. *Éléments de l'histoire de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XV*. Paris : Durand neveu, 1768. 2 vol. (XVIII-[2]-445-[3] ; 477-[2] p.

Milliot V., Minard Ph. *La France d'Ancien Régime : Pouvoirs et société*. Paris : Armand Colin, 2018. 238 p.

Moreau J.-N. *Les Devoirs du Prince, réduits à un seul principe, ou Discours sur la justice. Dédié au Roi*. Par M. Moreau, Historiographe de France. Paris: Impr. de Monsieur, 1782. 498 p.

Pimenova L.A. *Monarhija i pridvornoe obshhestvo vo Francii v konce Starogo porjadka. Sbornik nauchnyh statej. [Monarchy and court society in France at the end of the Ancien Regime]*. Moscow: MSU Publ., 2018. 410 p. (In Russian)

Пименова Л.А. *Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка. Сборник научных статей*. Москва: Исторический факультет МГУ, 2018. 410 с.

Seville A. *The Cultural Legacy of the Royal Game of the Goose: 400 years of Printed Board Games*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. 392 p.

Т. Н. Гончарова

Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

КОГДА КРЫМСКАЯ ВОЙНА ЗНАКОМИТ ФРАНЦУЗОВ С УКРАИНСКИМИ КАЗАКАМИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК П. МЕРИМЕ¹

В июне 1854 г. в трех номерах официальной газеты Второй империи «Le Moniteur Universel» появился исторический очерк Проспера Мериме «Украинские казаки и их последние атаманы». Написанный в разгар Крымской войны 1853–1856 гг., в ходе которой Франция выступила на стороне Турции против России, очерк вписывался в общую тенденцию эпохи, которая состояла в повышенном интересе к русской теме. Впрочем, его автор, мастер французской новеллы, уже с конца 1840-х гг. переводил русских литераторов и писал рецензии на их произведения. Тема казачества присутствовала в рецензии Мериме на повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в «Revue des Deux Mondes» (1851). Почерпнутые им тогда сведения пригодились при написании очерка, где главное внимание уделялось двум фигурам казачьих атаманов – Богдану Хмельницкому и Ивану Мазепе.

Автор статьи задается вопросом, удалось ли Мериме сохранить беспристрастный подход историка в условиях военного противостояния Франции с Россией. Сделанный по итогам исследования вывод позволяет утверждать, что очерк Мериме выделяется на фоне русофобских публикаций эпохи Крымской войны своим стремлением к исторической правде. Ценив в запорожцах свободолюбие, писатель особое внимание обращал на то, что их помыслы о независимом государстве всякий раз терпели фиаско. Окруженные могущественными соседями, они вынуждены были искать у них покровительство. Однако даже после вхождения Левобережной Украины в состав Русского царства в 1654 г. строптивые запорожцы сохранили в себе вольный дух.

Ключевые слова: П. Мериме, история России, запорожские казаки, атаманы, «Le Moniteur Universel».

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00615, <https://rscf.ru/project/23-28-00615>.

T. N. Goncharova

Goncharova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Docent, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

**HOW THE FRENCH PUBLIC GOT ACQUAINTED WITH
THE UKRAINIAN COSSACKS AT THE TIME
OF THE CRIMEAN WAR.
A HISTORICAL ESSAY BY P. MÉRIMÉE²**

In June 1854, a historical essay by Prosper Mérimée «Ukrainian Cossacks and their last atamans» appeared in three issues of the official newspaper of the Second Empire “Le Moniteur Universel”. Written at the height of the Crimean War of 1853–1856, during which France took the side of Turkey against Russia, the essay fit into the general trend of increased interest in the Russian theme. However, its author, a master of the French short story, has been translating Russian writers and writing reviews on their works since the late 1840s. The theme of the Cossacks was present in Mérimée’s review of N. V. Gogol’s story «Taras Bulba» in the «Revue des Deux Mondes» (1851). The information he gleaned then was useful when writing an essay, where the main attention was paid to two figures of the Cossack atamans – Bogdan Khmelnytsky and Ivan Mazepa.

The author of the article wonders whether Mérimée managed to maintain the historian’s impartial approach in the context of the military confrontation between France and Russia. The conclusion drawn from the research suggests that Mérimée’s essay stands out against the backdrop of Russophobe publications from the Crimean War era for its desire for historical truth. Appreciating the love of freedom in the Cossacks, the writer paid special attention to the fact that their thoughts about an independent state failed every time. Surrounded by powerful neighbors they were forced to seek their protection. However, even after the Left Bank Ukraine became part of the Tsardom of Russia in 1654, the obstinate Cossacks retained their free spirit.

Key words: P. Mérimée, history of Russia, Ukrainian Cossacks, atamans, «Le Moniteur Universel».

Проспер Мери́ме (1803–1870), мастер французской новеллы, известен эклектичностью своих интересов. Среди них большое место занимала история, интерес к которой поддерживался и официальной должностью, которую Мери́ме занимал с 1834 г. – генеральный инспектор исторических

² The research was supported by the Russian Science Foundation № 23-28-00615, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00615>.

памятников³. Изучение русского языка открыло перед ним мир русской литературы и истории. Ознакомление с исторической драмой А. С. Пушкина «Борис Годунов» внушило Мериме интерес к истории Смутного времени, подвигнув на написание «Эпизода русской истории. Лжедмитрии», изданного в 1852 г.⁴ Самозванец Лжедмитрий I в толковании Мериме – авантюрист, казак⁵. Так в творчестве писателя-историка появляется тема казачества, которая присутствовала в его подсознании с детства, с той поры, когда ему довелось увидеть казаков на Елисейских полях после вступления русских войск в Париж 30 марта 1814 г.

Обустройству казачьих войск на излюбленной парижанами аллее для прогулок предшествовала дурная слава, которая с момента Русской кампании 1812 г. стала еще более отвратительной. В воображении французов казаки рисовались воплощением дикости и необузданности нравов. Утверждали, что они предстают в образе «получеловека-полузверя», ходят «в заплатанной овчине», носят «ожерелья из человеческих ушей», «пожирают сальные свечи», грабят и поджигают дома направо и налево⁶. Однако любопытство пересиливало страх, и парижане ходили посмотреть на косматых всадников примерно так, как ходят в зоопарк.

«Мы, имевшие несчастье видеть в нашем детстве казаков на Елисейских полях, представляем их себе как бородачей, одетых на восточный манер, едущих верхом на маленьких лошадях и вооруженных длинными копьями»⁷, – так Мериме описывал свои детские впечатления от степных разбойников в историческом очерке «Украинские казаки и их последние атаманы», который вышел из печати в 1854 г. в трех номерах официальной газеты Второй империи «Le Moniteur Universel» 21, 22 и 23 июня⁸. «Несчастье», о котором упоминает Мериме, связано с самим фактом присутствия казачьих войск в Париже. Известно, что «северные варвары», прибывшие на берега Сены с Дона, из степей Тартарии и окрестностей Каспийского моря, действительно, далеко не

³ См.: Prosper Mérimée, écrivain, archéologue, historien. Sous la dir. d'A. Fonyi. Genève, 1999. 266 p.

⁴ Mérimée P. L'Épisode de l'histoire de Russie, le faux Démétrius. Paris: Michel Lévy, 1853. 455p.

⁵ Petitier P. Mérimée et la vérité des impostures // Écrire l'histoire. Histoire, Littérature, Esthétique. 2012. № 10. URL: <https://journals.openedition.org/elh/283?lang=en> (дата обращения 02.08.2023).

⁶ Quand les cosaques saccageaient les Champs-Élysées - Le Parisien URL: <https://www.leparisien.fr/politique/quand-les-cosaques-saccageaient-les-champs-elysees-24-03-2019> (дата обращения 02.08.2023).

⁷ Mérimée P. Les Cosaques de l'Ukraine et leurs derniers atamans // Le Moniteur Universel. 1854. № 172.

⁸ Ibid. № 172, 173, 174.

всегда соблюдали правила цивилизованного общежития. Так, они вырубали большое количество вязов, обрамлявших Елисейские поля, чтобы пустить их на обогрев и приготовление пищи, чем вызвали протесты парижского префекта полиции⁹. Однако со временем беспокойство улеглось. Что же до предубеждений, то они если и не рассеялись, стали менее тревожными.

Упомянутый выше очерк П. Мериме «Украинские казаки и их последние атаманы» был воспроизведен в сборнике «Историческая и литературная смесь» в 1855 г. вместе с другими сочинениями писателя. Этот довольно короткий текст стал пробным шаром, предварившим две последующие работы Мериме на тему казачества – «Стенька Разин» и «Богдан Хмельницкий», которые вышли сначала в «Journal des savants» 1861 и 1863 гг., а впоследствии были изданы под названием «Казаки былых времен» в 1865 г.¹⁰

В середине XIX столетия Российская империя воспринималась как воплощение реакции, оплот Священного союза в Европе, главный враг революции, прогресса, демократии. Причиной тому был ряд факторов, в том числе прямая угроза николаевской России, нависшая над режимом Июльской монархии в самом начале его существования, суровое подавление Польского восстания 1830–1831 гг., интервенция русской армии для помощи австрийцам в подавлении Венгерской революции в июне–августе 1849 г. Распространяемые посредством периодических изданий слухи о невероятной мощи Российской империи внушали страх французским обывателям и подпитывали открытую русофобию левых политических сил при Второй республике. Информация о вступлении русских воинских контингентов в объятые революционным брожением Дунайские княжества в 1848 г.¹¹ имела следствием гневные отклики либеральной и социалистической прессы.

«La Démocratie pacifique» Прудона писала 30 марта 1849 г. следующее: «Россия продвигается медленными шагами <...> и в то время как враг не дремлет у наших ворот, мы спим. Наша непостижимая апатия перед варварским наплывом, который нарастает, не просто ошибка, но преступление. Потомство потребует от нас отчета за казачье наводнение, которое потопит Запад, наводнение, которое мы не сумели и не захотели

⁹ Quand les cosaques saccageaient les Champs-Élysées - Le Parisien...

¹⁰ Mérimée P. Les Cosaques de l'Ukraine et leurs derniers atamans // Mélanges historiques et littéraires. Paris: Michel Lévy, 1855. P. 61–89; *Idem*. Stenka Razine // Journal des savants. 1861; *Idem*. Bogdan Chmielnicki // Journal des savants. 1863; *Idem*. Les Cosaques d'autrefois. Paris: Michel Lévy, 1865.

¹¹ См.: *Стыкалин А. С.* Дунайские княжества и Трансильвания глазами русских военных наблюдателей (1848–1849 гг.) (По документам Российского государственного военно-исторического архива). С. 193, 196–197, 205–206. URL: cyberleninka.ru (дата обращения 03.07.2023).

предупредить, и которому завтра будет уже слишком поздно пытаться противопоставить преграду»¹². Отметим, что во французском воображении, как и более глобально в западном восприятии, население Российской империи представлялось как конгломерат диких, свирепых и необузданных племен – казаков, калмыков, бурятов и т.п. Отсюда расхожая идентификация русских как казаков или калмыков.

Вступление русской армии в Дунайские княжества казалось первым шагом на пути к завоеванию Константинополя. А. Тьер делал тревожные предупреждения в «Истории Консульства и Империи», восьмой том которой вышел в 1849 г.: «Когда Россия встанет одной ногой на Зунде, другой в Константинополе, старый свет будет порабощен, свобода сбежит в Америку...»¹³. В июне того же года в ходе дебатов в Национальном собрании один из депутатов цитировал пророчество Наполеона, сделанное в изгнании на острове Святой Елены: «Не пройдет и десяти лет, как вся Европа станет республиканской или казацкой»¹⁴. Для либеральных депутатов не представляло сомнения, что за «усмирением» Венгрии русскими войсками придет черед Франции. России приписывали стремление к мировому господству и монархическому образу правления повсеместно: «Россия хочет Константинополь! Но она знает, что ключи к Константинополю находятся в Париже. Поэтому Россия намеревается направить все свои войска против Парижа»¹⁵.

Тревожный интеллектуальный климат эпохи с неизбежностью отражался на образе мыслей П. Мериме, который в письме к литератору Л. Г. де Лаверню от 21 июля 1849 г. утверждал следующее: «...нужно научиться говорить и понимать тонкости русского языка, чтобы в 1855 г. вас не избili кнутом. Думаю, что тогда фамилия парижского губернатора будет оканчиваться на –ов или на –ин, а журнал Ревю будет проходить цензуру какого-нибудь калмыка»¹⁶. Примерно те же самые мысли он выражал в письме к филологу-медиевисту Франсиску Мишелю несколькими месяцами ранее: «Мы сумасшедшие, которые шумят, ожидая прихода казаков для того, чтобы сказать нам стоп! Что касается меня, то я надеюсь быть готовым к их приходу

¹² *Sturdza M. D. Bibliographie d'un réquisitoire [La Russie vue par la presse parisienne, juillet 1848–juillet 1859] // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Juillet–Décembre. Vol. 9. № 3–4. P. 387.*

¹³ Цит. по: *Ibid.* P. 388.

¹⁴ Цит. по: *Sturdza M. D. Bibliographie d'un réquisitoire [La Russie vue par la presse parisienne, juillet 1848–juillet 1859] // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968 (Juillet–Décembre). Vol. 9. № 3–4. P. 388.*

¹⁵ Цит. по: *Ibid.*

¹⁶ *Мериме П.* Полное собрание сочинений в 6-ти томах. Москва, 1963. Т. 6. С. 89.

и знать три русских спряжения. Это только меня и заботит»¹⁷. Под «приходом казаков» подразумевалось, разумеется, в более глобальном масштабе нашествие русских.

Отметим, что с 1847 г. Мериме с усердием изучал русский язык, который называл «самым выразительным из европейских языков»¹⁸. В течение ряда лет он брал уроки русского языка у мадам де Лагрене, супруги французского дипломата Теодора де Лагрене. Урожденная Варвара Ивановна Дубенская, она была бывшей фрейлиной великой княгини Марии, дочери Николая I. Для разговорной практики писатель посещал «Cercle des arts» на улице Шуазель в Париже, где имел возможность беседовать с русскими в эмиграции или проездом. Надо полагать, что Мериме предстал бы во всеоружии владения русским языком на случай, если бы сбылось пророчество казацкой Европы.

После своего избрания во Французскую академию в 1844 г., писатель стал реже писать новеллы, принявшись за переводы, литературную критику и исторические очерки. В 1851 г. в «Revue des Deux Mondes» появилась его рецензия на первый французский перевод повестей Гоголя, выполненный Луи Виардо в сотрудничестве с И. С. Тургеневым и С. А. Геденовым в 1845 г. Повесть «Тарас Бульба» из цикла «Миргород» открывала сборник, занимая две трети его объема. Вот какую оценку дал ей Мериме: «...это живая и, насколько могу судить, точная картина нравов запорожцев...»¹⁹.

В этой же статье Мериме дает ключ к пониманию своего интереса к казакам, которые ассоциировались во французском общественном сознании с дикими нравами и разбоем. «Наши флибустьеры XVII века имеют много общего с запорожцами, и история одних, как и других, содержит воспоминания о чудесах дерзости и отвратительной жестокости... Я из тех, кто имеет склонность к бандитам, не то чтобы мне нравилось встречать их на своем пути; но, вопреки самому себе, энергия этих людей в их борьбе против целого общества вызывает у меня восхищение, которого стыжусь»²⁰. По признанию Мериме, приключения пирата Моргана, флибустьера л'Олоннэ и буканьера «Монбара Истребителя», промышлявших в Карибском море, составляли его излюбленное чтение. Что же до казачьих нравов, описанных Гоголем, то они не показались рецензенту достаточно правдоподобными. Фабула, названная «тривиальной и слишком романтической», подверглась

¹⁷ *Mérimée P.* Lettre du 20 janvier 1849 à Francisque Michel // *Mérimée P.* Correspondance générale. T. V: 1847–1849. Paris, 1946. P. 485.

¹⁸ *Mérimée P.* Nicolas Gogol // *Revue des Deux Mondes.* 1851. T. 12. P. 628.

¹⁹ *Ibid.* P. 630.

²⁰ *Ibid.*

резкой критике²¹. Мелодрама, по мнению Мериме, только навредила тексту там, где была бы уместна реалистическая манера изображения образа жизни казаков. Ироничный стиль показался неуместным.

Вероятно, для того, чтобы исправить упущения Гоголя, Мериме решил в самой что ни на есть реалистичной манере снабдить читателей информацией о запорожских казаках. Интересно отметить, что впоследствии приведенные им сведения будут воспроизведены, хотя и в других выражениях, в очерке «Украинские казаки и их последние атаманы».

Мериме-рецензент заострял внимание на том, что запорожцы сыграли большую роль в анналах истории России и Польши в XVI и XVII веках, подчиняясь то польским королям, то великим князьям московским, а иногда и турецкому султану. Однако его заметки не были свободны от ошибок. Упомянув о казачьей вольнице, Мериме ошибся с обозначением ее расположения, указав в качестве такового «острова Дона» вместо островов Днепра южнее труднопроходимых порогов. Чуть ниже он повторил свой промах, рассуждая об абсолютном равенстве между казаками в «низовьях Дона»²² вместо низовьев Днепра. Допущенная писателем географическая ошибка явно свидетельствовала о том, что в 1851 г. он еще в недостаточной степени освоился с темой казачества.

Казачья вольница определялась им как «солдатская или флибустьерская республика». Мериме акцентировал внимание на отсутствии женщин в казачьих лагерях, а также на жесткой субординации. В то время как на отдыхе «главари или *атаманы* разговаривали со своими подчиненными не иначе, как держа шапку в руке», то в походе «непослушание командиру (*кошевому атаману*) воспринималось как самое большое преступление». Стремление прославиться и захватить богатую добычу побуждало казаков на все новые и новые рейды. «В сущности, чрезвычайно независимые бандиты, они распространяли свое разрушительное действие без всякого разбора на всех своих соседей»²³.

В 1850-е гг., как и в 1814 г., казаки внушали страх французам. Достоверных сведений о них было очень мало, несмотря на то, что история Украины, именуемой также Малороссией, не была обойдена вниманием французских авторов. Первые книги, посвященные Украине и ее жителям, появились во Франции еще в XVII веке. Г. Л. де Боплан, французский инженер и картограф, который провел на Украине 17 лет между 1630 и 1647 гг., по

²¹ Ibid. P. 631.

²² Ibid. P. 630.

²³ Ibid.

возвращении на родину издал «Описание Украины» (1-е изд. 1650 г., 2-е изд. 1660 г.)²⁴. В нем акцентировалось внимание на географии, этнографии, социальной организации украинской земли до восстания Войска Запорожского под предводительством Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой 1648–1654 гг., в результате которого Гетманщина добровольно перешла в подданство Русского царства посредством заключения Переяславского договора. Подчеркивалась роль казаков в украинском обществе, освещались их воровские походы, отмечался свойственный им бунтарский дух. В 1663 г. труд Боплана оказался дополнен «Историей войны казаков против Польши», автором которого был Пьер Шевалье, побывавший на Украине накануне судьбоносного восстания в 1645 г.²⁵

В первой половине XVII века Украина являлась составной частью Речи Посполитой, которая воспринималась Францией как союзница так же, как и Турция и Швеция, в ее борьбе против Габсбургов. Однако, начиная с 1654 г. Украина перекочевала во враждебный лагерь. Неудивительно поэтому, что уже в XVIII веке, когда реформы Петра I сделали из России полноценного актора европейской политики, Франция стремилась использовать украинских казаков в своей борьбе против российских амбиций. Отметим, что в XVII и XVIII веках слово «казак» имело региональное наполнение и ассоциировалось с Украиной. Не делалось практически никакого различия между «украинцами» и «казаками». Свидетельством тому определение украинцев из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера (статья «Украина»): «Украинцы, называемые казаками, являют собой сборище бывших рокселанов, сарматов, татар вместе взятых»²⁶.

Общепризнанно, что полное подчинение Украины России произошло в царствование Петра I. Гетман Иван Мазепа и его преемник Филипп Орлик были объектом французских симпатий, вследствие борьбы, которую они вели против российской власти в период с 1708 по 1714 гг. Французская пресса открыто осуждала террор и массовые убийства, учиненные русскими на Украине. Французская дипломатия при всяком удобном случае стремилась прийти на помощь «казачьей нации» против России, союзницы Вены,

²⁴ *Beauplan G. L. de. Description d'Ukraine qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne continues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transylvanie, ensemble leurs moeurs, façons de vivre et de faire la guerre. 2e éd. Rouen, 1660. 112 p.*

²⁵ *Chevalier P. Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. 2e éd. Paris, 1668. 220 p.*

²⁶ L'Encyclopédie de Diderot sur la Russie et l'Ukraine. URL: <https://agauche.org/2023/04/10/lencyclopedie-de-diderot-sur-la-russie-et-lukraine> (дата обращения 25.07.2023).

планируя, в частности, создание на украинской территории отдельного государства под покровительством Турции²⁷.

Вольтер посвятил запорожским казакам несколько строк в «Истории Карла XII», первое прижизненное издание которой вышло в 1761 г., а последнее в 1768 г.: «Украина всегда стремилась к свободе, но, будучи окруженной Московией, государствами Великого Сеньора и Польшей, ей пришлось искать покровителя... Сначала она поместила себя под покровительство Польши, которая обращалась с ней как подданной; с тех пор она отдалась москвиту, который управлял ею как рабыней, насколько это было возможно»²⁸. Позднее Ш.-Ф. Массон, автор «Секретных мемуаров о России» (1780) утверждал, что «казачья нация» полностью порабощена русскими, что порождало среди ее представителей недовольство и сопротивление²⁹. В эпоху Французской революции 1789–1799 гг. с трибуны Национального конвента раздавались призывы поднять украинских казаков на борьбу против своего поработителя, России³⁰.

При Первой империи, после 1805 г., появилось некоторое количество брошюр и книг, посвященных Украине. Среди них работа Н.-Л. Писсо с говорящим названием «Исторический очерк о казаках, нации под гнетом русских»³¹. Газета «Публицист», известная близостью своих позиций к точке зрения правительства, писала 7 декабря 1807 г.: «Рядом с Польшей находится старинная страна казаков, Украина, одна из наиболее плодородных земель в мире, которая в силу своих богатств в высшей степени достойна интереса империи. Поскольку польский вопрос уже решен, нам остается разрешить вопрос плодородной земли Мазепы»³². Под решением польского вопроса имелось в виду создание по условиям Тильзитского мира 1807 г. Великого герцогства Варшавского из польских и литовских территорий, отошедших к Пруссии по итогам второго раздела Речи Посполитой.

Мемуар графа д'Отрива, политического директора министерства иностранных дел, дает представление о том, как Наполеон собирался

²⁷ Kosyk W. La politique de la France à l'égard de l'Ukraine. Mars 1917–Février 1918. Paris, 1982. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/53613?lang=fr> (дата обращения 13.08.2023).

²⁸ Voltaire. Histoire de Charles XII, Roi de Suède. Genève, 1768. P. 123–124.

²⁹ Borschak E. L'Ukraine dans la littérature de l'Europe occidentale. Paris, 1935. P. 73.

³⁰ Borschak E. Napoléon et l'Ukraine // Revue des études napoléoniennes. 1922. T. XIX. Juillet-Décembre. P. 24–40.

³¹ Pissot N.-L. Précis historique sur les Cosaques, nation sous la domination des Russes; leur origine, établissement et accroissement; leur grandeur et abaissement; leurs moeurs et usages. Paris, 1812.

³² Цит. по: Kosyk W. La politique de la France à l'égard de l'Ukraine. Mars 1917–Février 1918. Paris, 1982. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/53613?lang=fr> (дата обращения 13.08.2023).

разрешить украинский вопрос. Этот мемуар был подготовлен д'Отривом для Наполеона в 1812 г. В. Козик полагает, что император французов самолично внушил идею его создания политическому директору. Мемуар предлагал «создание на Украине независимого государства, инвестиру которого император оставлял только за собой». Это государство, которое предполагалось назвать «Наполеонид» («Napoléonide»), должно было сформировать «одну из самых сильных преград амбициозным проектам России и ее претензиям на Черное море и на Босфор»³³.

В 1812 г. Наполеон поручил Ш. Лезюру написать «Историю казаков», которая вышла в свет в 1813 г.³⁴ Автор во многом опирался в ней на «Анналы Малороссии или историю запорожских казаков» за авторством Ж.-Б. Шерера (1788)³⁵. Ш. Корбе комментирует следующим образом внезапный интерес императора французов к истории казачества: «Пораженный пользой идеи д'Отрива, которая состояла в образовании независимого государства Украины, для своей пропаганды и торопясь задействовать эту угрозу перед лицом Александра, Наполеон поручил Ш. Лезюру, чья четкость выражения вызывала его восхищение, подготовить «Историю казаков», первые версии которой он прочитал непосредственно во время Русской кампании»³⁶. Таким образом, Наполеон рассчитывал использовать для давления на императора Александра I в целях скорейшего заключения мира не только проект восстановления Речи Посполитой, но и идею «казачьей нации».

Во всяком случае, после Русской кампании 1812 г. образ казака во французском восприятии претерпел очень существенные изменения. Не ассоциируясь более с Украиной, он приобрел чрезвычайно негативную коннотацию как определенный тип воина с длинным копьём, одетый в овечьи шкуры и идущий в атаку с громкими воплями.

Впоследствии, особенно при Июльской монархии, Второй республике и Второй империи Наполеона III Франция продолжала афишировать свои симпатии по отношению к Украине. Время первой публикации очерка П. Мериме «Украинские казаки...» совпало с Крымской войной, в ходе которой Франция Второй империи в коалиции с Англией, Турцией и Сардинским королевством противостояла Российской империи. В период с 1853 по 1856 гг.

³³ Kosyk W. La politique de la France à l'égard de l'Ukraine... См. также: Borschak E. Napoléon et l'Ukraine // Revue des études napoléoniennes. 1922. Juillet–Décembre. Т. XIX. P. 24–40.

³⁴ Lesur Ch.-L. Histoire des Cosaques, précédée d'une introduction ou coup d'oeil sur les peuples qui ont habité le pays des Cosaques, avant l'invasion de Tartares. En 2 t. Paris: Nicolle, Fantin, Arthus-Bertrand, 1814. Т. 1. 405 p. Т. 2. 420 p.

³⁵ Cherer J.-B. Annales de la Petite-Russie ou histoire des Cosaques zaporogues et des Cosaques de l'Ukraine. Paris, 1788.

³⁶ Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe, 1799–1899. Paris, 1967. P. 80.

французские пропагандисты размахивали как красной тряпкой «московской опасностью» для Европы, намекая на то, что европейцев ждет участь покоренных Россией народов. Цель таких пропагандистских усилий вполне очевидна – посеять раздоры в рядах противника для того, чтобы извлечь из них для себя максимум выгоды.

В 1854 г., за исключением «L'Assemblée Nationale», выходившей под русским патронажем, все газеты и журналы Второй империи извергали диатрибы против русского колосса и злобных великанов-казаков. Театральные постановки следовали общей русофобской тенденции. В качестве примера можно привести поставленную в театре La Gaîté пьесу за авторством Альфонса Арно «Казачки», имевшую ошеломительный успех в 1853 г.³⁷ Казачки были выставлены в ней в самом неблагоприятном виде. Не отделяя актеров от персонажей, которых они воплощали на сцене, публика освистывала их, глумилась, закидывала нечистотами³⁸. Не приходится сомневаться, что казаки ассоциировались у зрителей с русскими.

Именно в такой русофобской атмосфере правительственная газета «Le Moniteur Universel» опубликовала в 1854 г. очерк Мериме «Украинские казаки и их бывшие атаманы». Означенный печатный орган, который бесплатно рассылался всем чиновникам, отличался разносторонними интересами. В нем публиковались не только материалы на злобу дня и парламентские дебаты, но и статьи на научные и экономические темы, заметки о путешествиях, литературные исследования за подписью маститых писателей. Можно предположить, что очерк на тему украинского казачества был заказан П. Мериме редакцией «Le Moniteur Universel». Написав рецензию на «Тараса Бульбу», он снискал себе тем самым репутацию эксперта по вопросам казачества. Юбилейная дата – 200-летие с момента заключения Переяславского договора 1654 г., в результате которого реестровое Войско Запорожское и часть подконтрольных ему территорий Украины, а именно Левобережная Украина с Киевом, вошли в состав Русского царства, придавала теме статьи чрезвычайную актуальность.

Накануне Крымской войны двойная карьера Мериме – администратора и эрудита – увенчалась назначением его сенатором в 1853 г. Этим благоволением писатель был обязан своему близкому знакомству с испанским

³⁷ *Arnault Alph. et Judicis L. Les Cosaques. Drame en cinq actes et sept tableaux. Musique nouvelle de M. Fossey. Représenté pour la première fois, à Paris, sur le théâtre de la Gaîté, le 24 novembre 1853. Paris, 1853. 104 p.*

³⁸ *Sturdza M. D. Bibliographie d'un réquisitoire [La Russie vue par la presse parisienne, juillet 1848–juillet 1859] // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968 (Juillet–Décembre). Vol. 9. № 3–4. P. 395.*

семейством графини де Монтихо, младшая дочь которой Евгения вышла замуж за императора Наполеона III. Приближенный к императорскому двору, П. Мериме стал завсегдатаем замка Сен-Клу.

Вероятно, Мериме начал работать над текстом в марте 1854 г., как следует из его письма к Франсиску Мишелю, в котором писатель сообщал ему о своих планах поведать французским читателям о казачьем герое XVII века Богдане Хмельницком, но работа продвигалась с большим трудом. «Дорогой друг, у меня ни к чему не лежит душа, и Ваша работоспособность вызывает мое восхищение. Изю всех сил пытаюсь написать заказанную прозу, но безуспешно. Я возобновил занятия русским языком и хочу создать историю последнего большого прохвоста, каким был независимый казачий атаман»³⁹. Действительно, в центре рассказа Мериме – фигура казачьего атамана (гетмана) Войска Запорожского Богдана Михайловича Хмельницкого (1595–1657). Фигура казачьего атамана Ивана Степановича Мазепы (1639–1709), которая появляется в конце очерка, выписана менее подробно.

Ни в начале, ни в конце текста Мериме не указал материалов, к которым обращался при его написании. В тексте имеется цитата из записок Жака Маржерета, французского наемника, автора «Состояния Российской державы и Великого княжества Московского», которым писатель пользовался при написании своего труда про Лжедмитрия I. Мериме обращался также к «Описанию Украины» Г. Л. де Боплана, довольно пространные цитаты из которого содержатся в тексте. Вполне вероятно, что он был знаком если не со всеми, то с несколькими из вышеперечисленных трудов по истории казачества, но предпочел не ссылаться на них в очерке, возможно, в целях экономии места. Поместив в конце очерка несколько абзацев о гетмане Мазепе, Мериме не преминул указать, что «Вольтер, лорд Байрон и Орас Верне прославили [его – Т. Г.] на Западе»⁴⁰.

Действительно, Вольтер в своей знаменитой «Истории Карла XII» давал весьма благосклонную оценку Мазепе, который осмелился противостоять Петру I, перейдя вместе с некоторым количеством казаков на сторону его шведского противника в Северной войне. Именно эпизод из жизни молодого Ивана Мазепы при дворе польского короля Яна II Казимира, рассказанный в «Истории Карла XII», вдохновил Джорджа Байрона на создание романтической поэмы «Мазепа», опубликованной в 1819 г. В основе сюжета поэмы – легенда о том, как пфальцграф Фальбовский, обнаружив связь

³⁹ *Mérimée P.* Lettres à Francisque Michel (1848–1870). – Journal de Prosper Mérimée (1860–1868). Texte établi et annoté avec une introduction par Pierre Trahard. Paris, 1930. P. 100.

⁴⁰ *Mérimée P.* Les Cosaques de l'Ukraine et leurs derniers atamans // Le Moniteur Universel. 22 июня 1854. № 174.

Мазепы со своей юной женой Терезой, привязал его к спине дикой лошади, которая понеслась вскачь по степям. Поэма Байрона, в свою очередь, вдохновила живописцев-романтиков О. Верне, Т. Жерико и др. на создание полотен, сюжетом которых стал беспомощный Мазепа, привязанный к крупу взбешенной лошади, которая скачет во весь опор.

Сам Мериме полагал, что «история дикого коня, который отнес его [Мазепу – Т. Г.] к запорожцам, не более чем красивая легенда, которая, к сожалению, не подкреплена никаким достойным доверия свидетельством»⁴¹. По-видимому, писатель не знал о существовании записок польского шляхтича Ж.-К. Пасека (1636–1701), в которых утверждалось, что в 1664 г. этот эпизод действительно имел место быть⁴².

Как ни странно, Мериме, чрезвычайно чтивший творчество А. С. Пушкина, не поместил в своем очерке упоминания его поэмы «Полтава» (1829), при работе над которой великий поэт обращался к историческим источникам, а также к народным преданиям и песням. Созданный им образ изменника Мазепы, перешедшего на сторону Швеции, во многом был основан на исторических фактах, в том числе и любовная линия, рассказывавшая о Марии (на самом деле – Матрене), дочери Кочубея, совращенной старым гетманом, приходившимся ей крестным отцом.

Однако основное место в очерке уделяется персонажу Богдана Хмельницкого, обойденному вниманием писателей и художников эпохи романтизма обладателю крайне трудной для французского произношения фамилии. Прежде, чем перейти к описанию восстания с целью освобождения Гетманщины от польско-литовской власти, Мериме довольно подробно останавливался на положении украинских крепостных, терпевших всевозможные издевательства от польской шляхты: «Положение украинских крестьян было тяжелее, чем в любой другой славянской стране. Татарские набеги, а порой и грабежи со стороны запорожцев, делали их жизнь совершенно невыносимой. <...> Несчастливая участь украинских крестьян становилась все хуже, если это возможно, в сравнении с жизнью их соседей запорожцев и *реестровых* казаков. Из-за этого малороссийские крепостные часто сбегали от хозяев; пришедшие в отчаяние крепостные искали убежище в казачьих полках и, прежде всего, в Запорожской Сече. Горе тому, кто потребовал бы их выдачи с этой наделенной привилегиями земли!»⁴³.

⁴¹ Ibid.

⁴² *Lebedynsky I. Les Cosaques. Une société guerrière entre libertés et pouvoirs. Ukraine 1490–1790. Paris, 2004. P. 72.*

⁴³ *Mérimée P. Les Cosaques de l'Ukraine et leurs derniers atamans // Le Moniteur Universel. 22 июня 1854. № 173.*

Особое внимание уделяется претензиям, которые последователи Стефана Батория (1576–1586) предъявляли украинскому народу: «Они относились к Украине как к завоеванной стране; распределили ее территорию между своими фаворитами и ко всем несчастьям, от которых страдали малороссы, добавили религиозные преследования. Казаки, усердные в исповедании греческого культа, потеряли терпение и неоднократно поднимали восстания, но хаотично и не согласовывая своих усилий»⁴⁴. За приведенной цитатой следовала картина польских жестокостей в отношении восставших запорожцев. Отметим, что Мериме свойственно весьма негативное отношение к полякам, что удивительно на фоне той симпатии, которая преобладала во французском обществе и правительственных кругах по отношению к их бедам после утраты польской государственности.

Перечисляя совершенные поляками преступления, писатель весьма жестко отзывался о них: «Запорожцы, которые обыкновенно давали импульс восстанию, возвращались на свои недостижимые острова, покидая товарищей на месть польских дворян. В ту эпоху не существовало милости в отношении крепостных, поднявших мятеж против своих сеньоров: вешали, четвертовали, сжигали заживо казачьих атаманов: резали несколько сотен голов и порядок восстанавливался на некоторое время. Эти жестокости не подавили страстную любовь казаков к своей независимости, но имели для Польши губительные последствия: угнетенный народ направил свой взгляд в сторону *православной* России, и приобрел обыкновение рассматривать государя этой страны как своего естественного защитника. С другой стороны, закоренелая ненависть казаков по отношению к татарам существенно ослабла. Крымский хан был врагом польских панов, их угнетателей, и казаки быстро увидели в нем союзника»⁴⁵. Окруженные со всех сторон могущественными соседями, казаки пытались найти у них защиту и покровительство. Враги их врагов становились их союзниками, как в случае Алексея Михайловича (1645–1676), второго русского царя из династии Романовых, и крымского хана Ислама III Гирея (1644–1654).

П. Мериме постарался воссоздать живой портрет Богдана Хмельницкого, образованного казака, владевшего польским, русским, турецким и латинским языками, которым он обучился у иезуитов Львова. Думается, что Хмельницкий хорошо говорил и на украинском (малороссийском), но эту деталь писатель посчитал нужным опустить. В составе делегаций от казаков в Варшаве, Хмельницкий не раз представлял

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

сейму и королю Владиславу IV жалобы на насилия, претерпеваемые от польской шляхты. Это была роль, в которой он отличился «своей отвагой и живостью усердия в отношении своих доверителей». Мериме поясняет, что «на него смотрели при дворе как на человека ловкого, но опасного»⁴⁶. Не упуская подходящего случая для того, чтобы денонсировать польские зверства, он рассказывает историю о том, как подстароста Чигирин, горя желанием наказать Хмельницкого за доноительство, вломился в сопровождении нескольких человек в его дом, каковой поджог и разграбил, надругался над его женой и убил ее. «Но такая манера поведения, утверждает Мериме, не являлась для того времени и страны чем-то необычным»⁴⁷.

16 апреля 1648 г. Богдан Хмельницкий был избран атаманом запорожских казаков, которые начали с того, что «истребили всех поляков, находившихся в зоне их досягаемости»⁴⁸. Мериме подчеркивает, что целью Хмельницкого, возглавившего казачье восстание 1648–1654 гг., было основание независимого украинского государства под его собственным управлением. Для того, чтобы организовать борьбу против польской армии, атаман заключил альянс с крымским ханом и секретное соглашение с русским царем. Часть поляков дезертировала и присоединилась к казачье-крестьянским войскам Хмельницкого, в то время как оставшаяся часть польской армии потерпела сокрушительное поражение 16 (26) мая 1648 г. под Корсунем. Однако после ряда перипетий полякам все же удалось взять реванш в июне 1651 г. при Берестечко в Волыни: казаки потерпели разгромное поражение от польских войск Яна II Казимира (1609–1672)⁴⁹.

Интересно, что Мериме никак не комментировал слухи, которые начиная с XVII века распространялись в Европе относительно так называемой «французской интриги», которая якобы была у истоков украинской проблемы. Начало этим слухам положил труд голландского адвоката и политического деятеля Петрюса Валкенъе, который был опубликован в Амстердаме в 1675 г. под названием «Европа в беспорядке или политическое и историческое описание настоящих основ и причин войны в Европе...». Автор заявлял в нем, что казачье восстание 1648 г. против Польши субсидировалось французским правительством. В качестве доказательства приводилось наличие французских пистолетов, найденных поляками на трупах казаков после битвы

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

при Корсуни⁵⁰. Безусловно, такое заявление казалось довольно легковесным и, видимо, поэтому не обратило на себя внимание Мериме.

После того, как Варшавскому двору удалось переманить в свой лагерь крымских татар, Хмельницкий решил, что его единственный ресурс отныне заключается в том, чтобы отдаться «белому царю», «единственному христианскому монарху универсума», иначе говоря, православному, а не мусульманину, как султан, и не паписту, как король Польши. Переяславский договор, подписанный 14 (24) марта 1654 г., оформил автономное положение Войска Запорожского в составе Русского государства. В нем утверждалось, в частности, что казаки не будут зависеть от московского патриарха в том, что касается духовных дел. Мериме добавляет, что большинство малороссов сохранило старинную литургию староверов. Однако со временем русские стали проявлять все больше непосильных требований, разместили гарнизоны почти во всех городах Украины и обложили население тяжелыми реквизициями.

«Кажется, что в конце своей жизни Хмельницкий раскаялся в своем дезертирстве. Действительно, он узнал на собственном опыте, насколько сюзеренитет царя был тяжелей по сравнению с верховной властью королей Польши. Хмельницкий отдал себе отчет в том, что вместо независимости, о которой мечтал, он лишь сменил едва оскорбительное для его гордыни подчинение на слишком реальное рабство. Поляки проявляли себя алчными деспотами; но свойственные им непостоянство и легкомыслие всегда оставляли их вассалам надежду на смягчение гнета. Не менее алчные, но более ловкие, хитрые и упорные, русские становились все более и более требовательными, и добыча, которую они ухватили однажды, не имела никаких шансов вырваться из их объятий»⁵¹.

В этой связи вспоминается известная басня Жана де Лафонтена «Лягушки, просящие царя», в которой Лягушки, забрав осиный чурбан, данный им на царство Юпитером, взмолились о пощаде после того, как тот пожаловал им царем Журавля, глотавшего их без разбора. Последние строки этой басни в переводе И. Крылова очень хорошо иллюстрируют мораль, которая следовала из приведенных выше слов Мериме о вероятном позднем раскаянии Богдана Хмельницкого.

«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?

Не мне ль, безумные, – вещал им с неба глас,

Покоя не было от вас?

⁵⁰ См.: *Borschak E.* L'Ukraine dans la littérature... P. 45.

⁵¹ *Mérimée P.* Les Cosaques de l'Ukraine et leurs derniers atamans // *Le Moniteur Universel*. 23 июня 1854. № 174.

Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? – так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан – так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»⁵²

Следует также добавить, что вслед за присоединением Гетманщины в 1654 г., между царем Алексеем Михайловичем и Хмельницким возникли противоречия, которые Мериме предпочел опустить в своем очерке. Вторгшись вместе с казаками в восточные пределы Речи Посполитой, русские войска одержали ряд побед к лету 1655 г. Воспользовавшись ослаблением польско-литовского государства, шведский король Карл X Густав, в свою очередь, ввел войска на ее территорию. Оказавшись под ударами русских, казачьих и шведских войск, Речь Посполитая находилась в крайне катастрофическом положении к концу 1655 г. Однако успехи Швеции не понравились русскому царю, который объявил ей войну в мае 1656 г. Заключенное им с поляками Виленское перемирие (3 ноября 1656), позволило им воспрянуть и одержать ряд побед над шведами.

Недовольный Виленским перемирием, Б. Хмельницкий пошел наперекор Москве. Согласно заключенному им с Карлом X Густавом и князем Трансильвании Юрием Ракоци Роднотскому договору (декабрь 1656), Речь Посполитая должна была подвергнуться разделу между союзниками. Однако за захватом Варшавы и Кракова последовал ряд поражений союзников в силу необходимости для Швеции отражать удары со стороны объединившихся против нее Дании, Австрии, Священной Римской империи. Взбунтовавшись, запорожские казаки отказались принимать дальнейшее участие в походе, который противоречил интересам русского царя.

Не представляет сомнения, что военные поражения казаков и шведов стали тяжелым ударом для Хмельницкого, следствием чего стала его преждевременная смерть в Чигирине. Вот что писал по этому поводу Мериме: «Очень трудно для историка принять тот факт, что знаменитый человек умер своей смертью. Мне очень жаль это утверждать, но, по всей видимости, Богдан, старый и немощный, умер в своей постели, после короткой болезни, в 1657 г. <...> Он умер, нисколько не утратив своих умственных способностей, любимый и уважаемый своими подданными, и был единственным и первым из атаманов, который назначил себе преемника»⁵³.

⁵² *Лафонтен Ж.* Лягушки, просящие царя. URL: <https://basnja.ru/fables/jean-de-la-fontaine> (дата обращения 21.08.2023).

⁵³ *Mérimée P.* Les Cosaques de l'Ukraine et leurs derniers atamans // *Le Moniteur Universel*. 23 июня 1854. № 174.

«Независимое господство, о котором мечтал Хмельницкий», попробовал воплотить в действительности гетман Войска Запорожского Мазепа, воспользовавшись обстоятельствами Северной войны (1700–1721)⁵⁴. С этой целью он перешел на сторону шведского короля Карла XII, предав Петра I и уведя за собой некоторое количество запорожцев. Нанеся поражение Карлу XII под Полтавой 27 июня (8 июля) 1709 г., Петр I получил возможность отомстить казакам, в то время как Мазепа нашел пристанище в Османской империи вместе с побежденным шведским королем. «Сечь подверглась разрушению, все их логовища были обысканы, лодки сожжены, все те, кто не смог пробраться в Турцию, были безжалостно убиты. Если верить современным рассказам, веревка и колесо погубили жизни многих тысяч. Этого оказалось недостаточно для Петра. Долгое время он утомлял Порту своими просьбами об экстрадиции, но не смог помешать старому Мазепе умереть своей смертью в Бендерах, под протекцией султана, окруженным остатками орды и довольно большим количеством изгнанников»⁵⁵.

Судя по всему, Мазепа интересовал Мериме намного меньше, чем Хмельницкий, о чем свидетельствует хотя бы то, что впоследствии он уже не возвращался более к истории его предательства. Однако счел нужным вернуться к биографии Богдана Хмельницкого, посвятив ему 250 страниц в выпусках «*Journal des Savants*», с января по июль 1863 г.⁵⁶ Эту свою работу Мериме писал уже в совсем других исторических обстоятельствах. После поражения России в Крымской войне поутихло прежнее неприязненное к ней отношение со стороны журналистов, драматургов, общественного мнения. Россия перестала быть объектом ожесточенных нападок. Наглядным тому подтверждением является тот факт, что в 1857 г. упомянутый выше драматург Альфонс Арно, автор скандальной пьесы «Кзаки», отбыл в Санкт-Петербург для руководства Михайловским театром, знаменитым своей французской труппой⁵⁷. Однако причина повторного обращения Мериме к биографии казачьего атамана кроется не в этом.

Дело в том, что в начале 1860-х гг. ему стало известно о монографии русского историка Н. И. Костомарова (1817–1885) «Богдан Хмельницкий»,

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ *Mérimée P.* Bogdan Chmielnicki // *Journal des savants*. Janvier 1863. P. 5–25. Février 1863. P. 77–95. Mars 1863. P. 153–175. Mai 1863. P. 277–297. Juin 1863. P. 362–383. Juillet 1863. P. 432–453.

⁵⁷ По иронии судьбы, именно в Санкт-Петербурге А. Арно закончил свой жизненный путь в 1860 г. См.: *Vapereau G.* Dictionnaire universel des contemporains contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. 3 éd. Paris, 1865. P. 61.

которая появилась сначала в семи выпусках петербургского журнала «Отечественные записки» за 1857 г., затем в двух томах, объединенных в одно большое издание (1859)⁵⁸. Известие о монографии Костомарова сообщил писателю С. А. Соболевский, библиофил-эрудит и полиглот, с которым тот состоял в переписке и имел возможность непосредственно общаться в Париже в 1860 и 1861 гг. 9 января 1863 г. Мериме писал Соболевскому: «Помещаю в “Journal des savants” резюме работы Костомарова о Богдане Хмельницком. Очень недоволен тем, что он включил так много малороссийских выражений в свою книгу. Без Тургенева мне бы никогда не удалось понять их смысл»⁵⁹. В свою очередь, И. С. Тургенев отмечал 24 февраля того же года: «Костомаров воображает, что все должны знать казачий язык»⁶⁰.

Письмо Мериме мадам де Ларошжаклейн от 28 февраля подтверждает сказанное выше о том, что персонаж Хмельницкого вызывал его неподдельное восхищение: «Этот великий человек хотел освободить малороссов или казаков, своих соотечественников, от ига поляков, которые в то время доставляли много разных неприятностей крестьянам. Сегодня, судя по всему, поляки снова вошли в фавор»⁶¹. Выведя Левобережную Украину из состава Речи Посполитой, Б. Хмельницкий, по мнению Мериме, посвятил Россию в секрет ее слабости как государственного образования, что повлекло ее разделы в 1772, 1793 и 1795 гг.

В заключение стоит отметить, что выдержанная позиция Мериме в его очерке «Украинские казаки и их бывшие атаманы» (1854) не имела ничего общего с господствовавшей тогда в общественном мнении и прессе Франции истеричной агрессивностью в адрес Российской империи, в которой видели палача поляков и жандарма Европы. Исторический очерк Мериме примечателен, в первую очередь, своими повествовательными качествами, в частности, подробным портретом Богдана Хмельницкого. Можно утверждать, что он «открыл» для французов выдающегося гетмана Войска Запорожского, возглавившего национально-освободительное движение в 1648–1654 гг., и привнес конкретику в их слишком шаблонные представления о казаках. Крымская война, вне всякого сомнения, послужила тем стимулирующим фоном, который подвиг писателя на создание его первого труда по истории казачества. Спустя некоторое время, в начале 1860-х гг., на фоне растущего

⁵⁸ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. В 2-х т. Изд. 2-е доп. Санкт-Петербург: изд. Д. Е. Кожанчикова, 1859. Т. 1. 459 с. Т. 2. 550 с.

⁵⁹ Mérimée P. Correspondance générale établie et annotée par Maurice Parturier. Deuxième série. Т. XI: 1862–1863. Toulouse, 1957. P. 298.

⁶⁰ Ibid. P. 342.

⁶¹ Ibid. P. 5–6.

интереса к России, П. Мериме еще раз вернулся к образу Хмельницкого, расширив и дополнив его с помощью монографии Н. И. Костомарова.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Arnault Alph. et Judicis L. *Les Cosaques. Drame en cinq actes et sept tableaux. Musique nouvelle de M. Fossey. Représenté pour la première fois, à Paris, sur le théâtre de la Gaîté, le 24 novembre 1853.* Paris, 1853. 104 p.

Beauplan G. L. de. *Description d'Ukraine qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne continues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transylvanie, ensemble leurs moeurs, façons de vivre et de faire la guerre.* 2e éd. Rouen, 1660. 112 p.

Borschak E. Napoléon et l'Ukraine, in *Revue des études napoléoniennes.* 1922. Juillet-Décembre. T. XIX. P. 24–40.

Borschak E. *L'Ukraine dans la littérature de l'Europe occidentale.* Paris: Hartman, 1935. 202 p.

Cadot M. Mérimée s'est-il intéressé à l'Ukraine?, in *Littératures.* 2004. № 51. P. 117–128.

Cherer J.-B. *Annales de la Petite-Russie ou histoire des Cosaques zaporogues et des Cosaques de l'Ukraine.* En 2 vol. Paris, 1788. 742 p.

Chevalier P. *Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne.* 2e éd. Paris, 1668. 220 p.

Corbet Ch. *L'opinion française face à l'inconnue russe, 1799–1899.* Paris: Didier, 1967. 490 p.

Darcos X. *Mérimée.* Paris: Flammarion, 1998. 544 p.

Joukovsky A. Prosper Mérimée et la question ukrainienne, in *L'Ukraine et la France au XIXe siècle: actes du colloque, organisé à la Sorbonne les 21 et 22 mars 1986.* Paris; Munich, 1987. P. 21–32.

Kostomarov N. I. *Bogdan Hmel'nickij [Bogdan Khmel'nitski].* V 2-h t. Izd. 2-e dop. St-Petersburg: izd. D. E. Kozhanchikova, 1859. T. 1. 459 p. T. 2. 550 p. (In Russian)
Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. В 2-х т. Изд. 2-е доп. Санкт-Петербург: изд. Д. Е. Кожанчикова, 1859. Т. 1. 459 с. Т. 2. 550 с.

Kosyk W. *La politique de la France à l'égard de l'Ukraine, mars 1917–février 1918.* Paris: éditions de la Sorbonne, 1982. 304 p. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/53613?lang=fr>.

Lebedynsky I. *Les Cosaques. Une société guerrière entre libertés et pouvoirs. Ukraine – 1490–1790.* Paris: Éditions Errance, 2004. 250 p.

L'Encyclopédie de Diderot sur la Russie et l'Ukraine.

URL: <https://agauche.org/2023/04/10/lencyclopedia-de-diderot-sur-la-russie-et-lukraine> (access date 25.07.2023).

Lesur Ch.-L. *Histoire des Cosaques, précédée d'une introduction ou coup d'oeil sur les peuples qui ont habité le pays des Cosaques, avant l'invasion de Tartares.* En 2 t. Paris: Nicolle, Fantin, Arthus-Bertrand, 1814. T. 1. 405 p. T. 2. 420 p.

Mérimée P. *L'Épisode de l'histoire de Russie, le faux Démétrius.* Paris: Michel Lévy, 1853. 455p.

Mérimée P. Nicolas Gogol, in *Revue des Deux Mondes.* 1851. T. 12. P. 627–650.

- Mérimée P. Les Cosaques de l'Ukraine et leurs derniers atamans, in *Le Moniteur Universel*. 1854. 21, 22, 23 juin. № 172, 173, 174.
- Mérimée P. Les Cosaques de l'Ukraine et leurs derniers atamans, in *Mélanges historiques et littéraires*. Paris: Michel Lévy, 1855. P. 61–89.
- Mérimée P. Stenka Razine, in *Journal des savants*. Juillet 1861. P. 389–420.
- Mérimée P. Bogdan Chmielnicki, in *Journal des savants*. Janvier 1863. P. 5–25. Février 1863. P. 77–95. Mars 1863. P. 153–175. Mai 1863. P. 277–297. Juin 1863. P. 362–383. Juillet 1863. P. 432–453.
- Mérimée P. *Les Cosaques d'autrefois*. Paris: Michel Lévy, 1865. 370 p.
- Mérimée P. *Lettres à Francisque Michel (1848–1870)*. – *Journal de Prosper Mérimée (1860–1868)*. Texte établi et annoté avec une introduction par Pierre Trahard. Paris: Honoré Champion, 1930. 211 p.
- Mérimée P. *Correspondance générale*. T. V: 1847–1849. Paris: le Divan, 1946. 567 p.
- Mérimée P. *Correspondance générale établie et annotée par Maurice Parturier*. Deuxième série. T. XI: 1862–1863. Toulouse: Privat, 1957. 596 p.
- Mérimée P. *Polnoe sobranie sochinenij v 6-ti tomah [Complete works in 6 volumes]*. Moscow: izd-vo Pravda (Biblioteka “Ogonek”), 1963. T. 6: Pis'ma. P'esy. 392 p. (In Russian)
Мериме П. Полное собрание сочинений в 6-ти томах. Москва: изд-во Правда (Библиотека “Огонек”), 1963. Т. 6: Письма. Пьесы. 392 с.
- Petitier P. Mérimée et la vérité des impostures, in *Écrire l'histoire. Histoire, Littérature, Esthétique*. 2012. № 10. P. 15–23. URL: <https://journals.openedition.org/elh/283?lang=en>.
- Pissot N.-L. *Précis historique sur les Cosaques, nation sous la domination des Russes; leur origine, établissement et accroissement; leur grandeur et abaissement; leurs moeurs et usages*. Paris: Maronval, 1812. 38 p.
- Prosper Mérimée, écrivain, archéologue, historien*. Sous la dir. d'A. Fonyi. Genève: Droz, 1999. 266 p.
- Sturdza M. D. Bibliographie d'un réquisitoire [La Russie vue par la presse parisienne, juillet 1848–juillet 1859], in *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1968 (Juillet-Décembre). Vol. 9. № 3–4. P. 386–436.
- Stykalin A. S. Danube principalities and Transylvania through the eyes of Russian military observers (1848–1849) (according to documents of the Russian State Military Historical Archive). URL: <https://cyberleninka.ru> (access date 03.07.2023). (In Russian)
Стыкалин А. С. Дунайские княжества и Трансильвания глазами русских военных наблюдателей (1848–1849 гг.) (по документам Российского государственного военно-исторического архива). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 03.07.2023).
- Quand les cosaques saccageaient les Champs-Élysées - Le Parisien
 URL: <https://www.leparisien.fr/politique/quand-les-cosaques-saccageaient-les-champs-elysees-24-03-2019> (дата обращения 02.08.2023).
- Voltaire. *Histoire de Charles XII, Roi de Suède*. Genève, 1768. 607 p.

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

В. Н. Барышников

Барышников Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru, vbaryshnikov@mail.ru

США И СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ В 1939 Г. (ГЛАЗАМИ ДИПЛОМАТОВ ИЗ ФИНЛЯНДИИ)

Соединенные Штаты в момент советско-финляндских переговоров в Москве осенью 1939 г. открыто политически поддержали Финляндию. 12 октября президент США Ф. Д. Рузвельт выразил «искреннюю надежду на то, что Советский Союз не предъявит Финляндии требований, несовместимых с поддержанием и развитием дружественных и мирных отношений между двумя странами...». Это обращение серьезно подкрепило уверенность Финляндии в необходимости на переговорах твердо отвергнуть основные советские предложения. Однако, американское обращение несколько не повлияло на позицию СССР. США же далее призыва к мирному урегулированию конфликтной ситуации не пошли. Таким образом своими, действиями Америка лишь создала для финского руководства иллюзию надежды на помощь с ее стороны. В этом отношении в Финляндии допустили серьезную политическую ошибку. Финское руководство явно преувеличивало роль США в стремлении оказать им поддержку и совершенно неверно оценили особенностей европейской политики Соединенных Штатов в конце 1930-х гг.

Ключевые слова: 1939 г., США, Вторая мировая война, «зимняя война», советско-финляндские переговоры, финско-американские отношения.

V. N. Baryshnikov

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich, Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru, vbaryshnikov@mail.ru

USA AND SOVIET-FINNISH NEGOTIATIONS IN MOSCOW IN 1939 (VIEW OF DIPLOMATS FROM FINLAND)

The United States at the time of the Soviet-Finnish negotiations in Moscow in the autumn of 1939 clearly politically supported Finland. On October 12, US President F. D. Roosevelt

«expresses the earnest hope that the Soviet Union will make no demands on Finland which are inconsistent with the maintenance and development of amicable and peaceful relations between the two countries...». This appeal seriously reinforced Finland's confidence in the need to firmly reject the main Soviet proposals at the negotiations. However, the American appeal had no effect on the position of the USSR. The United States did not go beyond the call for a peaceful settlement of the conflict situation. Thus, by its actions, America only created for the Finnish leadership the illusion of hope for help from its side. In this regard, Finland has made a serious political mistake. The Finnish leadership clearly exaggerated the role of the United States in seeking to support them and completely misjudged the peculiarities of the European policy of the United States in the late 1930s.

Keywords: 1939, USA, World War II, Winter war, Soviet-Finnish negotiations, Finnish-American relations.

Соединенные Штаты, как известно, в 1920-1930-е гг. проводили в отношении европейских государств политику изоляционизма. Однако это отнюдь не означало отказ от весьма активного дипломатического участия США в европейских делах. Естественно, Вашингтон также принимал определенные внешнеполитические усилия расширить свое влияние на политику различных европейских стран в период острых международных кризисов, которые возникали накануне и в начале Второй мировой войны.

В данном случае небезынтересной представляется та внешнеполитическая линия, которую осуществляла Америка в отношении Финляндии и СССР накануне начала «зимней войны», т.е. в период наиболее драматичных советско-финляндских переговоров в Москве осенью 1939 г. Об этом уже в какой-то степени есть отдельные научно-исследовательские работы. В них весьма четко фиксируется явное стремление Соединенных Штатов в ходе переговоров оказать некоторую поддержку Финляндии в ее противостоянии Советскому Союзу¹. Естественно, эта поддержка станет наиболее заметна в период самой «зимней войны». Тогда в Америке популярность Финляндии возросла до невиданных ранее форм. В результате в определенных работах подчеркивалось, что, например, «весной 1940 г. трудно было даже найти американца, который не “танцевал, не шил, не молился, не играл в бридж или бинго, не праздновал или просто не выражал своих чувств

¹ *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. New York, 1960. P. 74; *Berry R. M.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. Hels., 1987. P. 66-67. См. также: *Schwartz A. J.* America and Russo-Finnish War. Washington, 1960; *Jacobs T. B.* America and the Winter War, 1939-1940. New York – London, 1981; *Фельд А. Е.* Советско-финская война 1939-1940 гг. глазами американцев // *Метаморфозы истории.* 2003. № 3. С. 149-160.

к Финляндии»². Эта благожелательная к Финляндии позиция населения США также хорошо прослеживалась и в опубликованных рассекреченных документах госдепартамента Америки. Здесь достаточно полно была представлена дипломатическая переписка Вашингтона по «финской проблеме» того времени³.

Тем не менее, судя по этим документам, а также по данным, которые приводятся в исследовательской литературе, очень хорошо заметно, что в Америке поддержка Финляндии «на уровне практической политики оставалась относительно скромной» или просто, что к Финляндии «интерес Соединенных Штатов был ограничен»⁴. Однако, поддержка США в противоборстве Хельсинки и Москвы крайне ценилась финским руководством. Даже в мемуарах маршала К. Г. Маннергейма, опубликованных в начале 1950-х гг., четко фиксировалась «помощь, которую Финляндии оказывали на московских переговорах... Соединенные Штаты Америки». Далее, однако, Маннергейм подчеркнул, что эта поддержка, также как и поддержка Скандинавских стран, «оказалась небольшой по ее реальной ценности, но все же укрепляла наших политиков и круги близкие к ним, во мнении, что Советский Союз не нападет на нас, а если нападет, то мы будем не одиноки». Вывод же, который содержится по данному поводу в воспоминаниях маршала, был в целом неутешительным. Он написал: «С момента развязывания войны стало ясно, что вера в активную помощь не что иное, как иллюзия, и что на самом деле страна оказалась в изоляции, которую можно назвать ужасной»⁵.

В итоге, возникает вопрос, насколько помощь и поддержка Америки Финляндии в ходе советско-финляндских переговоров в Москве была действительно серьезной? Или, если верить воспоминаниям К. Г. Маннергейма, наоборот, американцы тогда просто лишь порождали в финском руководстве иллюзии возможного своего эффективного воздействия в пользу Финляндии на советское руководство? В результате, тогда уже становится неясным, почему Соединенные Штаты в действительности проводили столь своеобразную политическую линию в отношении Финляндии, которая явно запутывала финское руководство?

Чтобы постараться ответить на эти вопросы, первое, что вероятно

² *Polvinen T.* USA ja Suomen talvisota // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1984. № 4. S. 342; См. также: *Berry R. M.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. P. 67.

³ *Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers*. 1939. Vol. I. Washington, 1956.

⁴ *Polvinen T.* USA ja Suomen talvisota. S. 342; *Schwartz A. J.* America and Russo-Finnish War. P.10.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. Hels., 1952. S. 240.

следует учитывать, является то, что в действительности о самом существовании Финляндского государства в 1920-1930 гг. среди широкой международной общественности реально мало кто представлял. Американский исследователь М. Р. Берри в своей аналитической по своей сути книге, об особенностях внешней политики США в отношении Финляндии, указывает на случай, который произошел в конце 1920-х гг., когда паспорт финского путешественника в поезде на болгарской границе вызвал очень большое удивление у пограничного инспектора. Он просто не поверил, что «существует страна под названием Финляндия». Тогда, как пишет Берри, пограничнику «один из пассажиров с этого поезда объяснил, что “Финляндия — крупный город в Германии”»⁶. Далее американский исследователь, со своей стороны, заметил: «В 1920-х годах американцы, возможно, были не лучше информированы о Финляндии, чем те пассажиры поезда, которые оказались на болгарской границе»⁷.

В целом, было очевидно, что в широком плане американская дипломатия «по финской проблеме» во многом лишь только картелировалась с внешней политикой Великобритании и Франции⁸. Но в Лондоне и Париже решали на Севере Европы исключительно свои масштабные геополитические задачи⁹, от которых в Америке все же находились тогда еще весьма далеко. В Вашингтоне явно в тот период «относились с большой неохотой к “тем авантюрам”, которые могли вовлечь США в вооруженные конфликты»¹⁰. Более того, саму политику европейских «демократических стран» в отношении Финляндии в Вашингтоне очень хорошо понимали. В частности, видный государственный деятель и соратник президента США Ф. Рузвельта Гарольд Икес тогда записал в своем служебном дневнике вполне очевидную вещь. Он отметил, что финское правительство «используется высокопоставленными финансовыми кругами Англии и Франции для того, чтобы причинить как можно больше вреда России, не считаясь даже с тем, если, в конечном счете, финны потерпят крах перед лицом ее превосходящей мощи»¹¹.

В результате, для американского руководства создавалась весьма

⁶ *Berry R. M. American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. P. 37.*

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Polvinen T. USA ja Suomen talvisota. S. 342.*

⁹ См.: *Барышников В. Н. Финская война. М., 2023. С. 336-356; Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова. СПб., 2008. С. 457-458.*

¹⁰ *Polvinen T. USA ja Suomen talvisota. S. 342.*

¹¹ *Ickes H. The Secret Diary. Vol. III. New York, 1954. P. 134.*

запутанная ситуацию, где явно формировалась достаточно противоречивая внешнеполитическая позиция. Как справедливо заметил профессор Т. Полвинен: «Парадоксально, но большинство американских избирателей хотели “спасти” Финляндию, но в то же время остаться в стороне от самой войны». Далее, раскрывая особенности этой политики, историк отмечает: «Поэтому правительству Рузвельта приходилось, с одной стороны, стараться удовлетворять эмоции избирателей профинскими жестами, а с другой - быть осторожным, чтобы не вызывать подозрений в намерениях втянуть Соединенные Штаты в большую войну»¹².

Тем не менее, несомненно, важным остается понять, как в Финляндии тогда оценивали особенности политики США и таким образом стремились использовать в выгодном для себя плане эту политику. В данном случае, несомненно, линию финского МИДа наиболее четко можно было заметить лишь при внимательном изучении архивных дипломатических документов, хранящихся сейчас в Хельсинки¹³.

В целом в отношении Финляндии концептуально политика Вашингтона начала наиболее четко вырисовываться в период самих советско-финляндских переговоров. В Америке явно тогда наблюдалась эволюция подходов к «финской проблеме», закончившаяся тем, что с началом «зимней войны» в США уже четко перешли на сторону поддержки Финляндии.

Что же касается финского руководства, то судя по документам, в Хельсинки, безусловно, стремились учитывать все нюансы политической линии Соединенных Штатов. Но при этом явно надеялись, что осенью 1939 г. им все же удастся подключить США к решению, в позитивном для себя плане, «советско-финляндского спора». В целом, Вашингтон четко рассматривали в качестве очень влиятельного для Финляндии союзника, способного оказать действенную помощь ее в противостоянии СССР. Залогом этих надежд были в целом весьма доброжелательные американо-финляндские отношения, залогом которых в США считался факт «порядочности Финляндии». Именно эта страна оказалась единственной в мире, которая в период мирового кризиса начала 1930-х гг. полностью смогла погасить свой долг перед Соединенными Штатами. Как отметил Р. Берри, «образ “честной маленькой Финляндии”, расплатившейся по долгам, стал символом положительного» отношения в Америке к этому государству¹⁴.

Главное же, на что рассчитывали в финском МИДе, было то,

¹² *Polvinen T.* USA ja Suomen talvisota. S. 342.

¹³ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее - УМ).

¹⁴ *Berry R. M.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. P. 30.

чтобы «добиться от беспристрастной внешней стороны объективного объяснения Кремлю..., что Финляндия не может представлять даже какой-либо реальной угрозы безопасности Ленинграда». Этой «беспристрастной внешней стороной» финский министр иностранных дел Э. Эркко считал именно Соединенные Штаты Америки¹⁵.

В данном случае данную внешнеполитическую линию Финляндии на «американском направлении», естественно, тогда стремились осуществлять, прежде всего, через свое дипломатическое представительство в Вашингтоне. С 1939 г. оно возглавлялось достаточно опытным дипломатом, бывшим министром иностранных дел Финляндии, Х. Прокопé¹⁶. В Финляндии его внешнеполитическую деятельность в целом очень высоко ценили. Он считался, «бесспорно, освоившемся в дипломатической среде, в том числе и в области большой политики». Его характеризовали, как человека «внутренней собранности и способности приспосабливаться к любым условиям»¹⁷.

Естественно, имея соответствующие установки, исходящие из МИДа, Прокопé сразу же, осенью 1939 г., развернул невероятно кипучую деятельность. Она оказалась настолько инициативной, что даже несколько смущала госсекретаря США К. Хелла, который стал его тогда считать просто «неприятным невротиком». Как заметил глава внешнеполитического ведомства Америки, Прокопé буквально «болтался в различных кругах госдепартамента»¹⁸, что, очевидно, не особенно нравилось руководителю этого учреждения.

Однако, несмотря на столь критическое отношение К. Хелла к финскому дипломату и данные ему нелесные характеристики, Х. Прокопé все же сумел расположить к себе значительную часть влиятельных американцев, на которых, очевидно, производил, в отличие от представлений Хелла, достаточно приятное впечатление. В итоге он действительно стал играть весьма заметную роль в определенных общественных структурах Вашингтона. Как, в частности, отмечалось в декабре 1939 г. в газете «Нью-Йорк Уорлд-Телеграмм», Х. Прокопé «за несколько месяцев смог охватить весь Вашингтон»¹⁹. Очевидно, в газете, прежде всего, имелось ввиду то, что финский дипломат явно стремился использовать американские органы массовой информации, где активно пытался пропагандировать политику

¹⁵ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 164.

¹⁶ См.: Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. С. 506.

¹⁷ *Paasivirta J.* Suomen diplomaattiedustus ja ulkopoliitiikan hoito. Itsenäistymisestä talvisotaan. Pervoo-Hels., 1968. S. 264-265.

¹⁸ Цит. по: *Polvinen T.* USA ja Suomen talvisota. S. 343.

¹⁹ *New York World-Telegram.* 1939, 2.12. Цит. по: *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 73.

своего государства. В результате его взгляды «попадали на страницы журналов и собирали симпатии американских читателей»²⁰.

Боле того, считалось, что к этому финскому дипломату стал еще позитивно относиться и американский президент Ф. Д. Рузвельт. Как отмечалось в прессе США, Прокопé представлял себя в качестве «горячего друга мистера Рузвельта»²¹, что, очевидно, тоже заметили в Белом доме. В целом, по мнению американского исследователя Р. Собеля, Прокопé был располагающим к себе «молодым, красивым и общительный дипломатом». Далее же историк подчеркнул, что финский посланник показал себя, как человека, который «явно любил Соединенные Штаты, их институты и, в конце концов, женился на американке»²². Все эти личные и общественные качества Х. Прокопé, очевидно, позволили ему достаточно быстро создать для себя довольно широкий круг знакомств и действительно получить в Вашингтоне определенную популярность.

Что же касается непосредственной деятельности Х. Прокопé, то он осенью 1939 г., как это и предполагалось, принялся активно разворачивать свою дипломатическую работу в направлении того, чтобы привлечь внимание американской общественности, а особенно правящей элиты к начавшимся тогда советско-финляндским переговорам. Однако, как считают некоторые исследователи, эта задача для него была достаточно сложной. Более того даже считалось, что вообще «у финнов было мало оснований рассчитывать на американскую помощь»²³. Это собственно и было ярко продемонстрировано когда Прокопé 7 октября 1939 г., еще до официального старта переговоров в Москве, обратился в госдепартамент США с просьбой поддержать позицию Финляндии. Как он там подчеркнул, дабы «воспрепятствовать любым предосудительным действиям советского правительства против Финляндии и в ущерб ей»²⁴. На эту инициативу Прокопé, однако, сразу же получил достаточно холодный и весьма канцелярский ответ. Ему было сказано, что подобное действия, о которых просит Финляндия, для американцев просто невозможны, «поскольку вызовут неблагоприятную реакцию советского правительства, а это нанесет больше вреда, чем какой-либо возможной пользы»²⁵.

²⁰ См.: Hjalmar J. Procopé // https://fi.wikipedia.org/wiki/Hjalmar_J._Procopé (дата обращения: 27.07.2023).

²¹ New York World-Telegram. 1939, 2.12. Цит. по: Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 73.

²² Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 73.

²³ Ibid. P. 74.

²⁴ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 961.

²⁵ Ibidem.

Тем не менее данная позиция госдепартамента, естественно, не могла Прокопе успокоить. Он продолжил свои усилия, направленные на попытки использовать США для возможного давления на Москву. Теперь, проявляя определенную находчивость, Прокопе установил соответствующую связь с помощником госсекретаря Адольфом Берли, считавшимся неофициальным советником американского президента²⁶. Именно у него он смог найти наибольшее понимание и соответствующую поддержку. В частности, появилась идея прямого обращения к самому Ф. Д. Рузвельту, с тем, чтобы американский президент уже лично выразил бы свое отношение к намечавшимся переговорам, поддержал бы Финляндию и проинформировал бы об этом через посольство США в Москве советское руководство. Конкретно финский дипломат выразил надежду о возможности того, чтобы была четко проявлена обеспокоенность «в отношении советских требований к Финляндии» уже лично Рузвельтом. Как убеждал на встрече с А. Берли Х. Прокопе, советские чиновники просто должны «обязательно это выслушать» и будут, таким образом, проинформированы, «без всякого смущения» об американской позиции поддержки Финляндии, причем прямо на самом высоком уровне²⁷.

Позитивная реакция на финское предложение от влиятельного А. Берли, очевидно, привело Прокопе к мысли, что его деятельность в Вашингтоне все же дает уже определенный, выгодный для Финляндии, результат. Поэтому 8 октября он весьма четко сообщил в Хельсинки, что президент Ф. Рузвельт, пока устно, все же высказывает свое обещание относительно возможности моральной и дипломатической поддержки Финляндии в ее противодействии «требованиям России»²⁸.

В результате, после сообщения Прокопе, в Хельсинки в американском направлении действительно начали усиливать свою дипломатическую активность. Теперь уже сам премьер-министр Финляндии А. Каяндер предпринял попытку, со своей стороны, повлиять на США. 9 октября он выступил с публичной речью, которая была посвящена, естественно, финско-советским отношениям. Но при этом финский премьер уделил еще внимание особой роли Америки, на которую, как отметил Каяндер, Финляндия надеется и хочет видеть ее поддержку в ходе предстоящих переговоров в Москве. Каяндер, в частности, выразил надежду, что «американцы будут

²⁶ Adolf Adolf A. Berle // https://en.wikipedia.org/wiki/Adolf_A._Berle (дата обращения: 29.07.2023).

²⁷ Schwartz A. J. America and Russo-Finnish War. P. 6.

²⁸ UM. A. 10 b. Washingtonin-lähetystön raportti, 8.10.1939.

внимательно следить за нашими предстоящими переговорами»²⁹.

Именно тогда, на этом фоне, Прокопé 10 октября, наконец, смог лично встретиться с президентом США³⁰. Причем на встрече он передал хозяину Белого дома уже исключительно официальное обращение президента Финляндии К. Каллио, в котором содержалась просьба прямой политической поддержки. Эта встреча, как оказалось, имела для Финляндии достаточно позитивный результат. Ф. Д. Рузвельт решил сообщить финскому дипломату, что он все же готов передать в Москву свои представления в отношении готовившихся переговоров.

Данное весьма положительное отношение к финской инициативе Белого дома, возможно, была тогда связана еще и с тем, что буквально накануне этой беседы у президента США была еще встреча со шведским посланником. На ней шведский дипломат, «имея указание своего правительства», тоже выразил Рузвельту «надежду», оформленную в виде меморандума наследного принца Швеции Густава Адольфа, на возможность политической поддержки Финляндии. В полученном Рузвельтом шведском отношении содержались также очень красивые слова о том, что «мы рассчитываем на Вас как на надежного сторонника мира и справедливости», а далее выражалась еще надежда, касающаяся крайне деликатного вопроса. Рузвельта спросили: «Не могли бы Вы придумать, как использовать свое влияние в Москве для противодействия любым возможным попыткам агрессивного характера в отношении Финляндии?»³¹. В результате, президент США, действительно, дал свое согласие, «после консультаций с государственным секретарем», направить запрос в Москву³².

В целом, казалось, что миссия Прокопé получила положительное развитие. Финский посланник стремительно сообщил об этом в Хельсинки. Он указал, что Ф. Д. Рузвельт согласился выразить наркому иностранных дел В. М. Молотову просьбу не доводить советской стороной дела до обострения отношений с Финляндией, поскольку, как было подчеркнуто в донесении направленном в МИД Финляндии, в США «не хотят, чтобы война охватила весь прибалтийский регион»³³. Мгновенно, получив эту информацию, министр иностранных дел Э. Эркко сразу же, через посланника США в

²⁹ Цит. по: *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 75.

³⁰ UM. Menneet sähkeet. Sähke Washingtonista, 10.10.1939.

³¹ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 966.

³² Ibidem.

³³ UM. 109. A 10 b. J. Procopin muistipaino, 4-14.10.1939.

Хельсинки, поблагодарил американского президента³⁴.

Однако, как оказалось, мнение о четкой поддержке Финляндии, выраженной тогда американским президентом, явно не соответствовало тем представлениям, которые были у госсекретаря³⁵. К. Хэлл не присутствовал при встрече Рузвельта с финским дипломатом, а «когда узнал об этом был в ярости»³⁶. Он проинформировал президента, что если он предпримет какие-либо подобные действия в отношении СССР, то этим «создаст опасный прецедент, а также вообще ухудшит и без того ухудшающееся состояние отношений с Советским Союзом»³⁷. Рузвельт сам тогда очевидно мало верил в эффективность своего обращения в Москву. Он, не без основания, считал, что его влияние на Сталина «практически нулевое»³⁸. Поэтому в Белом доме не стали особо настаивать на каких-либо излишне жестких формулировках, которые могли быть внесены в текст обращения к советскому руководству. Рузвельт согласился с мнением госсекретаря. После обсуждения был составлен «сглаженный» вариант обращения. Именно его, собственно, 12 октября и направили в Москву. Само же это обращение было, кстати, адресовано не В. М. Молотову, как до этого говорил финскому посланнику президент, а председателю президиума Верховного совета СССР М. И. Калинину. Хотя, конечно, в любом случае, вручалось это обращение, естественно, через службы НКВД и передавалось американским послом в Москве лично советскому наркому иностранных дел.

В итоге в переданном в СССР обращении не было никаких «резкостей» или рассуждений «о войне на Балтике», т.е. о том, что хотели бы видеть в Финляндии и о чем писал своему руководству посланник Х. Прокопé. Наоборот, в американском обращении подчеркивалось, что «Соединенные Штаты не принимают никакого участия в событиях, происходящих в Европе». Там «мягко» было подчеркнуто: «...Учитывая дружбу Соединенных Штатов и Финляндии, Президент выражает искреннюю надежду на то, что Советский Союз не предъявит Финляндии требований, несовместимых с поддержанием и развитием дружественных и мирных отношений между двумя странами и независимостью каждой из сторон»³⁹.

³⁴ *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. Hels., 2009. S. 242; Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 966-967.

³⁵ *Schwartz A. J.* America and Russo-Finnish War. P. 6.

³⁶ *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 76.

³⁷ Цит. по: *Ibidem.*

³⁸ Цит. по: Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P.965.

³⁹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 179; Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 967; 969-970.

Таким образом, действительно, обращение было составлено в весьма деликатных выражениях, что, очевидно, было вызвано исключительно позицией, которую занимал по данному вопросу госсекретарь К. Хелл. Он понимал, что «в настоящее время движение за мир послужило бы полезной цели», но явно «не хотел отталкивать Россию», занимая сторону только очевидной поддержки Финляндии⁴⁰. Тем не менее, Прокопé в своей информации, направленной в Хельсинки, явно обо всех этих нюансах советско-американских отношений просто не знал. В результате в его послании, которое было передано в МИД, явно присутствовало некоторое приукрашивание «твердости» США. Как оказалось, Прокопé представил своему руководству более жесткую позицию американского президента в отношении СССР, чем это в действительности было в реальном американском обращении.

В любом случае, естественно, в Финляндии с восторгом встретили переданные посланником из Вашингтона сведения. Там почувствовали значимую поддержку США финской делегации на переговорах в Москве. С этого момента, как зафиксировали в диппредставительстве США в Хельсинки, «решимость Финляндии бороться за свою независимость была подкреплена недавними действиями в Соединенных Штатах от имени Финляндии»⁴¹. Сразу же одна из центральных финских газет «Ууси Суоми» в редакционной статье указала, что выступление Америки от имени Финляндии «представляют собой лучи надежды и света в нынешней тьме, из которой мы черпаем уверенность и веру». Тогда же очень стремительно финский министр иностранных дел Э. Эркко выразил признательность «за американскую дружбу и моральную поддержку». Подобные же слова нашлись и у президента К. Каллио, который в ответном послании, направленном Ф. Д. Рузвельту, подчеркнул, что действия Соединенных Штатов «никогда не будут забыты народом его страны»⁴².

Столь быстрая и к тому же очень восторженная реакция финской стороны, естественно, несколько озадачила госдеп. В Вашингтоне явно недоумевали. Там, несомненно, пытались в столь эмоциональной реакции Финляндии разобраться. Было понятно, что для финнов это очень восторженное отношение к американской инициативе являлось, по крайней мере, преждевременным. Конкретно, начальник Отдела по европейским делам государственного департамента на телеграмме, полученной им из Хельсинки,

⁴⁰ *Schwartz A. J. America and Russo-Finnish War. P. 7.*

⁴¹ Цит. по: *Ibid. P. 9.*

⁴² *Ibid. P. 8.*

с информацией о реакции финской стороны написал: «Эта телеграмма [финская информация Прокопé о позиции Рузвельта – В. Б.] была отправлена в среду утром (по вашингтонскому времени) примерно еще за семь часов до отправки нашей в Москву... Неизбежен вывод, что присутствующий здесь [в Вашингтоне – В. Б.] финский посланник составил во вторник вечером не слишком точный отчет после своей беседы с П[резидентом]»⁴³.

Тем не менее, несколько приукрашенное содержание американского обращения в Москву, в действительности весьма усилило в финском руководстве оптимистическое представление о позиции США в отношении начинающихся переговоров в Москве⁴⁴. Там явно просто упивались надеждами на американскую помощь. И это еще больше укрепляло представления, что, учитывая «мнение» США, следует на этих переговорах занимать достаточно жесткую позицию. В результате, еще до начала переговоров, министр иностранных дел Э. Эркко позволил себе сделать заявление, что «Финляндия не может согласиться ни с каким нажимом» со стороны Советского Союза. 10 октября в своем выступлении на заседании комиссии парламента по иностранным он уже включил США в число активных сторонников Финляндии. Эркко заявил: «Мы ни на какие уступки СССР не пойдем и будем драться во чтобы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция»⁴⁵. Те же мысли тогда высказывал и премьер-министр А. Каяндер. Он четко и достаточно прямолинейно сказал, «мы будем стойко защищать свой нейтралитет»⁴⁶.

В целом, Прокопé в это время был явно воодушевлен позицией Рузвельта. Теперь он уже на практической основе стал стремиться решать и другие важные для Финляндии проблемы. В частности, был поставлен вопрос о возможности получения от Соединенных Штатов кредита на сумму 50 миллионов долларов. Чтобы добиться позитивного отношения к данной инициативе, финский посланник, прежде всего, пытался убедить США, что американские деньги пойдут исключительно на гражданские цели. Однако эта новая просьба не получила своего одобрения в госдепартаменте. Как

⁴³ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 967.

⁴⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 121.

⁴⁵ Цит. по: *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 238-239. На это заявление сразу же обратили внимание в Москве. См: Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 78. Информация Л. П. Берия, 12.10.1939; Зимняя война. 1939-1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. М., 2009. С. 163.

⁴⁶ Цит. по: *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 75; Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 184. Л. 85. Обзор событий в Финляндии с 7 по 17.10.1939.

указывает американский историк Роберт Собел, «Хэлл отказался рассматривать этот вопрос, полагая, что ссуда может быть использована для решения сугубо армейских вопросов»⁴⁷.

Тем не менее, надеясь на американскую поддержку, в финском МИДе теперь всячески стремились обстоятельно и весьма подробно информировать США как о ходе самих переговоров, так и о советских условиях, которые были на них выдвинуты⁴⁸. Это, естественно, нарушало достаточно конфиденциальный характер переговоров в Кремле. В Хельсинки это, конечно, хорошо понимали. Поэтому особо обращали внимание американских дипломатов на необходимость с их стороны «соблюдать абсолютную секретность», указывая, что передаваемые ими сведения «предназначены только для вашей личной информации». В целом, такая открытость Финляндии перед Соединенными Штатами была беспрецедентна. Причем в финском руководстве этого даже не стеснялись и открыто сообщили в госдепартамент США, что данные о ходе переговоров имеют эксклюзивный характер и «пока полная информация утаивается даже от скандинавских правительств, возможно, за исключением Швеции, а также от членов финского правительства...»⁴⁹.

Более того Эркко стал связывать все успехи финской делегации в Москве или, как он выразился, «кажущуюся умеренность советской позиции», с политической поддержкой Финляндии, которую ей оказывали тогда Соединенные Штаты. Об этом он прямо 15 октября заявил американскому посланнику в Хельсинки⁵⁰. Эту же мысль он также еще развил в своей речи по финскому радио, которая была адресована американцам. В ней финский министр иностранных дел «благодарил США за то, что они продемонстрировали понимание Финляндии и положительное к ней отношение»⁵¹.

Однако, показательно, что реальная позиция Вашингтона четко сводилась лишь только к тому, чтобы не проявлять явного желания демонстрировать свое стремление к реальной «защите» Финляндии. Естественно, это не мог, наконец, не зафиксировать и финский посланник Х. Прокопé. Он уже 24 октября, с озабоченностью направил Э. Эркко письмо, в

⁴⁷ *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 73.

⁴⁸ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 970-973; 978-981; 986-987; 994-996.

⁴⁹ Ibid. P. 970.

⁵⁰ Ibid. P. 973; *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Porvoo-Hels., 1968. S. 228.

⁵¹ Цит. по: *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 234.

котором, учитывая проявление все же явной американской индифферентности по «финскому вопросу», предложил побудить уже скандинавские страны, через своих посланников в Вашингтоне, заявить Ф. Д. Рузвельту, чтобы тот опять «предпринял демарш в отношении действий Москвы, вынудив ее отказаться от выдвигаемых требований»⁵².

До этого Эркко уже имел в Стокгольме соответствующий разговор со шведским министром иностранных дел Р. Сандлером. Там он вполне искренне благодарил шведов за их «демарш» в США накануне начала московских переговоров, имея очевидно ввиду, меморандум, обращенный к американскому президенту, наследного принца Швеции Густава Адольфа. В ходе беседы Эркко особо отметил свое мнение, что на Молотова американский меморандум имел «сильное воздействие»⁵³. В результате, данный разговор, конечно, мог теперь быть продолжен, но уже в духе тех рекомендаций, которые давались финским посланником Прокопé. Однако эта инициатива достаточно быстро завершилась. Причем с нулевым результатом. Как вынужден был признать сам Прокопé, американский президент просто «в настоящий момент не считает, что существует причина» для реализации предлагаемого финским посланником скандинавского «демарша»⁵⁴. И это, очевидно, было связано с тем, что в США в действительности не видели особо веских для себя причин серьезно погружаться в «финский вопрос» и портить на «финской почве» отношения с СССР. Да это, кстати, Америка особо и не скрывала. Как сообщил по данному поводу госсекретарь К. Хелл, Рузвельт считал, что «своим посланием президенту Калинину... он предпринял все возможные шаги в связи с текущими финско-российскими переговорами»⁵⁵.

Действительно, в Москве официально тогда подчеркнули неуместность вмешательства президента Соединенных Штатов в ход советско-финляндских переговоров. Молотов в своем публичном выступлении 31 октября на сессии Верховного Совета СССР указал, что здесь политику Рузвельта «трудно согласовать с политикой американского нейтралитета»⁵⁶. В целом, в советском руководстве явно не придавали большого значения внешнеполитической активности Америки «по финской линии». В донесении из советского посольства в Вашингтоне тогда четко указывали, что

⁵² UM. 109. C 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 24.10.1939.

⁵³ Ibid. 12. K. Muistio pohjoismaiden ulkoministerien neuvotteluista Tukholmassa 18-19.10. 1939 valtionpäämiesten kokouksen aikana.

⁵⁴ Ibid. 109. C 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 2.11.1939.

⁵⁵ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 982-983.

⁵⁶ Правда. 1939..1.11.

Соединенные Штаты не станут до предела обострять свои отношения с СССР, поскольку «Рузвельт тем самым подорвал бы в сильной степени свой престиж президента, установившего эти отношения» с Советским Союзом⁵⁷.

Что же касается Прокопé, то он, в своих надеждах на американскую поддержку, продолжал оставаться настроенным на весьма оптимистические для Финляндии перспективы. Он полагал, что Ф. Д. Рузвельт просто не верил «в намерения России довести дело до войны». Об этих взглядах финский посланник докладывал своему руководству 2 ноября⁵⁸.

В целом в Хельсинки сохраняли надежду на эффективное содействие Соединенных Штатов. Эта уверенность подкреплялась наблюдавшейся тогда активной поддержкой позиции Финляндии со стороны американской прессы. Как заметил начальник политического департамента МИД Финляндии А. Паласлахти: «Во время московских переговоров позиция американской прессы в отношении Финляндии была прямо-таки исключительной. Едва ли в какой-либо стране публично и так беспощадно выступали бы против большевистской России и ее соблазнов», как в США⁵⁹. Действительно, по наблюдениям американского исследователя Р. Собея, тогда в Соединенных Штатах, «в отличие от официальных колебаний и явной нерешительности, пресса являлась твердо профинской»⁶⁰. Причем сами эти переговоры в американских органах массовой информации «освещались примерно так же, как боксерский поединок». Финнов здесь незатейливо рисовали в качестве «защитников западной цивилизации», а Финляндию рассматривали исключительно в виде «героических бастионов против азиатского коммунизма»⁶¹.

Однако для руководства Финляндии эти газетные публикации все же не должны были стать излишне обнадеживающими для них поводом в необходимости сохранения «твердой» позиции в отношении переговоров. В данном случае, по мнению Р. Собея, ситуация с американской прессой являлась далеко не такой однозначной. Он прямо подчеркнул: «Если Вашингтон колебался между нерешительностью и проповедями, то пресса

⁵⁷ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 15. Д. 158. Л. 214. Донесение советского полпредства в США, 1939.

⁵⁸ UM. 109. С 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 2.11.1939.

⁵⁹ Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S.163.

⁶⁰ Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 77.

⁶¹ New York Herald Tribune. 1939, 3.10; Chicago Daily News. 1939, 14.10; Chicago Tribune. 1939, 22. 10 (Цит. по: Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 77-78).

играла лишь роль лающей собаки, но без зубов»⁶². К тому же исследователь обратил внимание на то, что в американской печати также выражалось еще весьма отчетливое мнение, что на переговорах Финляндии все же «когда-нибудь» придется уступить СССР. В частности, говорилось, что эта уступка, возможно, будет заключаться в том, чтобы «отказаться от прав на некоторые порты или военно-морские базы». Это считалось «необходимым, чтобы сохранить свою независимость». В любом случае, как отмечалось в американской прессе, у «Соединенных Штатов не будет другого выхода, кроме как остаться в стороне и лишь выражать сочувствие Финляндии»⁶³.

Но, конечно, сочувствия финнам было явно недостаточно. Финляндия продолжала четко пытаться оказывать на политику Америки в отношении СССР определенное свое воздействие. В частности, в финской печати тогда стали распространяться никем не подтвержденные сведения о том, что американские дипломаты и далее открыто и демонстративно продолжают в Москве стремиться поддержать на переговорах финскую делегацию. В печати Финляндии, в частности, появилась даже информация, что в Москве главе финской делегации на переговорах Ю. К. Паасикиви один «высокопоставленный чиновник американского посольства передал от президента Рузвельта личное послание с выражением сочувствия и просьбой держать его в курсе хода переговоров»⁶⁴. Это в США явно вызвало некоторое недоумение и потребовало от американского посла в СССР направить в госдепартамент информацию, что ни он, «ни кто-либо из сотрудников посольства не видели Паасикиви во время его визитов в Москву»⁶⁵.

Тем не менее, по мере продолжения советско-финляндских переговоров, в американском дипломатическом представительстве уже стали фиксировать их очевидное обострение. В результате, 4 ноября посол Соединенных Штатов в Москве Л. Штейнгардт четко сообщил, что, по его мнению, «переговоры, похоже, вступают в самую деликатную и даже опасную стадию, и вполне вероятно, что Сталин в настоящее время обдумывает свое окончательное решение по данному вопросу»⁶⁶. Эта информация, естественно, должна была более ясно определить позицию США в отношении возможной реальной дипломатической поддержки Финляндии. Однако, в Вашингтоне ничего

⁶² *Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 77.*

⁶³ *New York Daily News. 1939, 17. 11 (Цит. по: Sobel R. The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. P. 77).*

⁶⁴ *Helsingin Sanomat. 1939. 29.10.*

⁶⁵ *Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 983-984.*

⁶⁶ *Ibid. P. 993.*

особого опять не предпринимали. Даже после срыва 12 ноября переговоров, американские дипломаты в Хельсинки посчитали, что ничего особо не меняется. Подчеркивалось: «В настоящее время финское правительство ничего не делает, чтобы усугубить ситуацию»⁶⁷. Более того, примечательным стало то, что в американских дипломатических кругах вообще полагали, что ответственность за произошедший срыв советско-финляндских переговоров лежит в действительности только на Хельсинки. Эти взгляды буквально за несколько часов до начала «зимней войны» выражались в американском посольстве в Москве. Конкретно 29 ноября в госдепартамент США прямо сообщалось, что «следует напомнить, что провал переговоров произошел в результате отказа финского правительства предоставить базу» на полуострове Ханко⁶⁸. Таким образом, это свидетельствовало, что в действительности у Финляндии существовало очень мало реальных возможностей ожидать абсолютного понимания и абсолютной поддержки от Соединенных Штатов.

Единственное, что США тогда осуществили, причем уже в самый канун войны, это направили в Наркомат иностранных дел новое обращение. В нем говорилось, что американское «правительство с серьезной озабоченностью следит за обострением финско-советского спора» и также подчеркивалось, что в Вашингтоне «с крайним сожалением отнеслись бы к любому расширению нынешней зоны военных действий и последующему дальнейшему ухудшению международных отношений». Такие слова были более «жесткими» и в какой-то степени, вероятно, их ожидали в Хельсинки от американцев еще в момент начала переговоров. Но в октябре 1939 г. они, как известно, не прозвучали. Только в самый канун войны в Вашингтоне все же решили финнов поддержать более определенно. В новом послании Вашингтона подчеркивалась готовность стать уже посредником в деле улаживания конфликта. Конкретно заявлялось, что американское «правительство, если это будет приемлемо для обеих сторон, и никоим образом не вмешиваясь в существо спора и ограничивая свой интерес исключительно мирным урегулированием спора, с радостью окажет свои добрые услуги»⁶⁹.

Однако война все же началась. Причем когда 30 ноября советские войска перешли государственную границу, то и на этот раз в США восприняли эту информацию достаточно оригинально. Там, прежде всего, обратили внимание, что президент К. Каллио, в ответ на начало на советско-финской границе боевых действий, принял решение объявить «о вступлении в Финляндской

⁶⁷ Ibid. P. 999.

⁶⁸ Ibid. P. 1003.

⁶⁹ Ibid. P. 103-104.

республике в силу военного положения»⁷⁰. Это заявление финского президента в госдепартаменте было воспринято как объявление войны СССР. Посчитали, что раз Советский Союз не объявлял состояния войны с Финляндией, а из Хельсинки сообщалось, что страна объявила о вступлении в войну, то это являлось уже исключительно финской инициативой. В результате, одним из первых запросов из Вашингтона, который прибыл в МИД Финляндии, было выяснение, является ли решение президента К. Каллио «объявлением войны»⁷¹. Тем самым в госдепартаменте даже допускалась мысль, что Финляндия сама могла в сложившихся условиях лично пойти на принятие решения об объявлении войны Советскому Союзу.

В финском министерстве иностранных дел, естественно и достаточно быстро, все разъяснили. В Вашингтон срочно ушло сообщение, что «Финляндия не объявляла войны и не является воюющим государством»⁷². В дополнение к этому, чуть позднее, из Хельсинки последовала развернутая информация о переходе советскими войсками государственной границы и о бомбардировках ряда финских городов. 1 декабря 1939 г. посланник Х. Прокопé лично встретился, в присутствии К. Хэлла, с президентом Ф. Д. Рузвельтом и четко его проинформировал, что «Финляндия не объявляла войны России». Американский же президент в этом отношении, как сообщал Прокопé, «проявил исключительную благожелательность, заявив, что готов помочь, чем возможно»⁷³.

Действительно, в новых условиях Соединенные Штаты весьма активно включились в оказание помощи Финляндии. Речь шла о разнообразной поддержке – политической, экономической и военной. Но это был уже новый период финско-американских отношений. Что же касается времени, которое предшествовало началу войны, то здесь, несомненно, финское внешнеполитическое руководство, как это и отмечал К. Г. Маннергейм, явно преувеличивало роль США в стремлении оказать поддержку Финляндии. Данное представление было, очевидно, вызвано неправильной оценкой финского МИДа особенностей внешней политики Соединенных Штатов. Кроме того, большую роль здесь сыграли субъективные представления, связанные с личными взглядами министра иностранных дел Э. Эркко, а также посланника в Вашингтоне Х. Прокопé. В данном случае, вероятно, можно

⁷⁰ UM. 109. B 1. Suomen julistaminen sotatilaan. 30.11.1939.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibid. UM:n vastaus USA:lle Suomen julistaminen sotatilaan, 30.11.1939; См. также: 109. C 2C. Sähkösanoma Washingtoniin UM: lta, 30.12.1939.

⁷³ Ibid. 109. C. 1. Salasähke Washingtonista, 1.12.1939.

согласиться с мнением американского историка Р. М. Берри, который утверждал, что «политику великой державы нельзя адекватно интерпретировать через призму концепции малого государства». Он здесь достаточно справедливо отметил: «У великих держав есть общие черты, особенно это пренебрежение правами малых стран»⁷⁴. Эта черта, безусловно, принадлежала тогда и Соединенным Штатам Америки.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Baryshnikov V. N. *Finskaya voyna [Finnish War]*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2023. 448 p. (In Russian)

Барышников В. Н. Финская война. Москва: Кучково поле, 2023. 448 с.

Baryshnikov V. N. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. [On the problem of the participation of England and France in the Soviet-Finnish War of 1939-1940] in *Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora E. D. Frolova*. St. Petersburg: Publishing House of Sankt-Peterburgskogo universitetata, 2008. P. 457-458. (In Russian)

Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С.457-458.

Berry R. M. *American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities*. Helsinki: Studia historica 24, 1987. 492 p.

Dokumenty vneshney politiki [Documents of foreign policy]. Т. XXII. Кн. 2. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1992. 708 p. (In Russian)

Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. Москва: Международные отношения, 1992. 708 с.

Feld A. E. Sovetsko-finskaya voyna 1939-1940 gg. glazami amerikantsev [The Soviet-Finnish war of 1939-1940. through the eyes of Americans] in *Metamorfozy istorii*. 2003. № 3. P. 149–160.

Фельд А. Е. Советско-финская война 1939-1940 гг. глазами американцев // Метаморфозы истории. 2003. № 3. С. 149–160.

Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington: United States Government Printing Office, 1956. 1160 p.

Frietsch C. O. *Suomen kohtalonvuodet*. Helsinki: Tammi, 1945. 574 s.

Ickes H. *The Secret Diary*. Vol. III. New York: Simon and Schuster, 1954. 695 p.

Jacobs T. B. *America and the Winter War, 1939–1940*. New York – London: Garland Pub., 1981. 265 p.

Jakobson M. *Diplomaattien talvisota*. Porvoo- Helsinki: WSOY, 1968. 400 s.

Mannerheim G. *Muistelmat*. Os. II. Helsinki: Otava, 1952. 526 s.

⁷⁴ *Berry R. M.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. P. 11.

- Manninen O., Salokangas R. *Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti*. Helsinki: WSOY, 2009. 780 s.
- Paasivirta J. *Suomen diplomaattiedustus ja ulkopoliittikan hoito. Itsenäistymisestä talvisotaan*. Porvoo- Helsinki: WSOY, 1968. 303 s.
- Pakaslahti A. *Talvisodan poliittinen näytelmä*. Porvoo: WSOY, 1970. 316 s.
- Polvinen T. USA ja Suomen talvisota, in *Historiallinen Aikakauskirja*. 1984. № 4. S. 342-343.
- Schwartz A. J. *America and Russo-Finnish War*. Washington: Public Affairs Press, 1960. 103 p.
- Sobel R. *The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War*. New York: Bookman, 1960. 204 p.
- Sto zamechatelnykh finnov. Kaleydoskop biografiy [One hundred wonderful Finns. A kaleidoscope of biographies]*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. 814 p. (In Russian)
- Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. 814 с.
- Zimnyaya voyna. 1939-1940 gg. v rassekrechennykh dokumentakh Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii i arkhivov Finlyandii [Winter war. 1939-1940 in declassified documents of the Central Archive of the FSB of Russia and the archives of Finland]*. Moscow: Akademkniga, 2009. 815 p. (In Russian)
- Зимняя война. 1939-1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. Москва: Академкнига, 2009. 815 с.

В. Е. Кочеткова

Кочеткова Вероника Евгеньевна, студентка бакалавриата, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет; научный руководитель д. и. н., профессор А. В. Смолин.

Email: kve1510@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ СССР И США В ЖУРНАЛЕ “TIME” ЗА МАЙ 1945 – МАЙ 1946 ГГ.

В статье исследуется характер взаимоотношений СССР и США в послевоенный период на страницах американского журнала «Time». Особое внимание уделяется дипломатической стороне постепенно назревающего конфликта. В проанализированных публикациях был выявлен процесс зарождения формирования неблагоприятного имиджа СССР, а также выстроена динамика отношений между державами в 1945-1946 гг., как она предстает на страницах этого издания.

Ключевые слова: «Time», Генри Льюс, 1945-1946, дипломатия.

V. E. Kochetkova

Kochetkova Veronika Evgenievna, undergraduate student, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; Scientific advisor Doctor of Historical Sciences, Professor A. V. Smolin.

Email: kve1510@yandex.ru

A REVIEW OF SOVIET AND U.S. DIPLOMACY IN “TIME” MAY 1945 - MAY 1946

The article examines the nature of postwar relations between the USSR and the United States in the pages of the American magazine "Time". Particular attention is devoted to the diplomatic side of the increasingly nascent conflict. In the analyzed publications the process of formation of an unfavorable image of the USSR was revealed, and the dynamics of relations between the powers in 1945-1946, as it appears on the pages of this edition, was constructed.

Key words: “Time”, Henry Luce, 1945-1946, diplomacy.

В настоящее время отношения между Россией и США можно охарактеризовать как нестабильные, неоднозначные, в основе которых лежит взаимное недоверие, что является следствием событий середины XX века, когда соперничество двух сверхдержав во многом формировало общую

международную ситуацию. Различное понимание национальных интересов и своего места в мире до сих пор не позволяет державам стать равноценными партнерами и ставит международные отношения между Россией и США на тонкую грань, отделяющую мир от конфронтации. При этом большинство людей в данных государствах основывают свои представления друг о друге, исходя из информации, преподносимой СМИ, которые являются мощным инструментом воздействия на сознание человека. Данное положение дел актуализирует исследования начального этапа Холодной войны, особенно ее информационной составляющей. Как показывают исследования Н.Л. Волковского, информационно-психологические меры наиболее эффективны в мирных фазах развития конфликта¹. Об этом же пишет Ф.С. Сондерс, определяя Холодную войну как «битву за человеческие умы»².

Период Холодной войны достаточно интенсивно изучается в отечественной и западной историографии³. Вместе с тем, не все вопросы являются достаточно поясненными. К ним, в частности, относится, проблема начала противостояния двух сверхдержав СССР и США. В представленной статье на основе публикаций в журнале «Time» за май 1945-1946 гг. показано зарождение первых признаков будущей Холодной войны. Складывающаяся внутривосточная ситуация отнюдь не нова для американской истории, понятие «красной угрозы» возникло в США еще в первой четверти XX века и имело хождение в прессе весь предвоенный период⁴. И только Вторая мировая война сделала идеологических противников временными союзниками.

Для нашей статьи наибольший интерес представляют научные публикации Н.Н. Бонцевич, предметом исследования которых было отражение внешнеполитических событий в журналистике, этого периода, а также личность Генри Люса, основателя и главного редактора «Time», его жизнь, деятельность, политические взгляды и мировоззрение.

¹ *Волковский Н. Л.* История информационных войн. В 2 частях. Часть 2. СПб., 2003. С. 457.

² *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / Пер. с англ. под рук. Е. Логинова и А. Верченкова; редактор перевода В. Крашеникова. М., 2013. С. 6.

³ Отечественные труды по истории Холодной войны:

Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. 862 с.; *Согрин В.В.* Динамика соперничества СССР и США в период "Холодной войны". 1945-1991 годы // Новая и Новейшая история. 2015. № 6. С. 36-52; *Батюк В.И., Евстафьев Д.* Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945-1950 гг. М., 1995. 253 с.; *Лавренов С.Я.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003. 778 с. И т.д.

⁴ «Красная угроза» в оценках прессы США 1917-1941 гг./ авт. коллектив: К. В. Беляева, С. О. Буранок, Д. А. Ильин, Я. А. Левин, Д. Ю. Селифонтова, А. В. Соколова, О. В. Шестерева. Самара, 2020. 328с.

Выбор для исследования журнала «Time» обусловлен тем, что данное издание стало родоначальником такого вида американской журналистики, как новостной еженедельник. Эта типологическая группа журнальной периодики оформилась в двадцатые-тридцатые годы XX в. Сам журнал «Time» был основан в 1923 году выпускниками Йельского университета Г. Люсом и Б. Хэдденом. Создатели журнала уловили потребности новых слоев среднего класса в изданиях, которые были бы лишены характерного для тогдашней «качественной» прессы фактологического, отстраненного подхода к новостям, но вместе с тем предлагали бы насыщенную фактами, экспрессивно окрашенную картину разнообразных событий – от бизнеса, внутренней политики и международных дел до новинок науки, техники, образования, спорта и т.д. По выражению Н.Н. Бонцевич, «новый журнал отличало две вещи: остроумный резкий лаконичный язык и ощущение, возникающее у читателя, словно бы он прошел от незнания к полному владению информацией. В сущности Люс и Хэдден использовали тот же самый новостной материал, что и остальные газетчики, но преподносили его живо и интересно, иногда дерзко, иногда иронично, но всегда так, чтобы наверняка заинтересовать читателя»⁵.

Жесткая внутренняя структура номеров сочеталась с наглядностью изложения. Создатели постарались придать журналу черты издания, предлагающие читателю яркие, эмоционально окрашенные «картинки» действительности – почти визуальный имидж событий. Введение в «Time» иллюстративного материала, в частности, событийной фотографии и карикатур, подкрепило особенности издания. «Time» готовился в одном стиле, чтобы у читателя возникало впечатление, будто изложение новостей недели в нем передается от одного человека – другому. Новость в репортажах «Time» традиционно неотделима от комментария⁶. Как отмечал С.А. Михайлов, одна из особенностей этого издания, фактически имеющего глобальное распространение, заключалась в том, что в основу его положен «групповой журнализм» и большинство публикаций на его страницах анонимны⁷.

Редакторский коллектив «Time» работал оперативно, сплоченно и в тесном тандеме со своим главным редактором⁸. Генри Робинсон Люс, признанный американцами гуру в вопросах политики, морали,

⁵ Бонцевич Н.Н. Пророк в своем отечестве: Генри Люс и «американский век» // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 200.

⁶ Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки СПб., 2004. С. 90.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Бонцевич Н.Н. На пути к другой России: как изменился имидж СССР на страницах прессы Генри Люса в 1946 г. // Грамота. 2011. №1 (7). С. 41.

нравственности, религии, еще будучи студентом Йельского университета прочил Америке мировое лидерство к исходу Первой мировой войны⁹. Таким образом, замысел Люса состоял в том, чтобы переломить довольно сильные изоляционистские настроения в обществе и обосновать легитимность предстоящей роли США в качестве мирового лидера, что, естественно, отобразилось на страницах его изданий¹⁰. Что же касается его личных политических взглядов, то Генри Люс был республиканцем, однако «медиа-магнат предпочитал не афишировать своих политических пристрастий, потому что для него, как человека, которому беззаветно доверяли миллионы американцев, было чрезвычайно важно сохранять, хотя бы внешне, беспристрастность»¹¹.

Спустя четыре года после выхода первого номера (3 марта 1923 г.) журнал «Time» начал свой известный проект «Человек года», которого в декабрьском выпуске выбирает действующий редактор. Этот ход привлек внимание новой публики, что послужило росту популярности издания. Престиж этого журнала был настолько велик, что появление на обложке какого-либо общественного деятеля рассматривалось в качестве мирового признания его авторитета. Всем этим и объясняется стремительный взлет «Time».

В 1946 году тираж журнала составлял 1,6 миллиона экземпляров и продолжал увеличиваться. К началу XXI века «Time» располагал 53 корреспондентами и 8 бюро на территории США, а также 32 корреспондентами и 21 бюро за пределами страны. В редакционном аппарате этого издания занято 450 журналистов. Считают, что лишь сами США поглощают 4,8 млн. экземпляров еженедельника «Time»¹². Журнал не раз признавался самым популярным печатным изданием. Кроме США, он издается в Европе, Латинской Америке, Ближнем Востоке, Африке, Австралии, Новой Зеландии. Основное издание «Time» печатается в Нью-Йорке.

Следует отметить, что и в годы совместной борьбы против фашизма отношение к Советскому Союзу в прессе было далеко не однозначным, и колебалось в зависимости от положения дел на советско-германском фронте. Чем больших успехов достигали советские войска, тем благосклоннее к СССР

⁹ *Бонцевич Н. Н.* Концепция американской мировой гегемонии Генри Люса // Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6. Ч. 1. С. 36-38.

¹⁰ Более подробно о «Time» и его основателе см.: *Бонцевич Н.Н.* Пророк в своем отечестве: Генри Люс и «Американский век» // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 194-211.

¹¹ *Бонцевич Н.Н.* Пророк в своем отечестве: Генри Люс и «американский век». С. 208.

¹² *Михайлов С.А.* Журналистика Соединенных Штатов Америки. С. 91.

становилось общественное мнение. В мае 1945 г. «Time», готовый забыть об идеологических разногласиях двух стран, буквально рассыпался в комплиментах перед советской властью¹³.

Первой важной вехой международных отношений рассматриваемого периода стала проходившая с 25 апреля по 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско конференция Объединенных Наций. Оценивая значимость принятых в Сан-Франциско решений, «Time» писал: «Не было ни одного всеобъемлющего слова, чтобы подытожить всемирную организацию, появившуюся на этой неделе в Сан-Франциско. Даже два гиганта, США и СССР, пошли на уступки»¹⁴. Миролюбие, проявляемое Вашингтоном, связывалось скорее с тем, что США нуждались в помощи России в войне с Японией и не могли себе позволить оборвать отношения с союзником. Кроме того, приближалась конференция в Берлине, где планировалось обсудить вопросы послевоенного устройства мира.

Однако, дух сотрудничества военных лет постепенно отходил в прошлое, что проявилось в ходе главного дипломатического события завершающего этапа Второй мировой. 17 июля 1945 г. в Потсдаме открылась третья официальная конференция стран антигитлеровской коалиции. Оптимистические настроения, существовавшие перед конференцией, на страницах журнала теперь сменяются поисками причин, приведших к охлаждению отношений между державами: «Теперь, когда у США, России и Великобритании больше не было общего врага, они явно не могли продолжать командную работу на высоком уровне»¹⁵.

Летом 1945 г. началась атомная эра мировой политики, были уничтожены города Хиросима и Нагасаки. «Time» обошел вниманием вопрос о жертвах ядерных бомбардировок, осветив лишь мощь атомного оружия, показав теперь глобальную значимость Америки как защитника человечества: «Атомная бомба слишком опасна, чтобы быть свободной в беззаконном мире. Вот почему Великобритания, Канада и Соединенные Штаты, владеющие секретом ее производства, не намерены раскрывать этот секрет до тех пор, пока не будут найдены средства контроля над бомбой, чтобы защитить мир от опасности полного уничтожения»¹⁶. Журнал также провел параллель с фигурой греческих мифов, Прометеем, аргументировав произошедшее следующим образом: «Прогресс имеет свою цену»¹⁷. Уже в сентябрьских

¹³ *Бонцевич Н.Н.* На пути к другой России. С. 43.

¹⁴ *The Conference: In Our Time // Time.* 1945. No. 1. July 2. P. 20.

¹⁵ *Conferences: Seventeen Days // Time.* 1945. No. 7. Aug. 13. P. 27.

¹⁶ *U.S. & the World: Awful Responsibility // Time.* 1945. No.8. Aug.20. P. 29.

¹⁷ *Ibid.*

выпусках «Time» можно почувствовать определенное возвышение США за счет наличия ядерного оружия, результатом чего является ужесточение международной политики. Впервые встречаются сведения о появлении биполярного мироустройства: «Судьба Европы по-прежнему зависела главным образом от отношений между США и Россией»¹⁸.

Обострение отношений между союзниками проявилось и на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел, проходившей с 11 сентября по 2 октября 1945 г., где страны не смогли достичь компромисса, и произошло столкновение англо-американского блока с СССР. Американская делегация во главе с госсекретарем Дж. Ф. Бирнсом была настроена по-боевому, однако это только усиливало ответную жёсткость советских переговорщиков, которые стремились найти противовес и девальвировать «атомную дипломатию» США. По словам журнала, «нарком иностранных дел Молотов был жестче, чем когда-либо прежде, и ещё более жестко соблюдал свои инструкции»¹⁹. Всякий раз, когда Бирнс начинал настаивать на том, чтобы СССР открыл американцам Восточную Европу, Молотов указывал на политику исключительных привилегий США в Италии, Японии, а у Англии в Греции. В конце октября 1945 г. встал вопрос о будущем мира. Однако его решение без скоординированной политики «Большой тройки» представлялось затруднительным: «Но если у Москвы появятся подозрения, если «Большая тройка» распадется, если будут проведены силовые линии, что тогда?»²⁰. Сам госсекретарь Бирнс в речи 31 октября 1945 г. признал законность советских интересов безопасности в Восточной Европе. Вместе с тем президент Трумэн в инструкциях Дж. Бирнсу рекомендовал держаться до конца и в случае необходимости «послать русских ко всем чертям». В свою очередь И.В. Сталин в телеграмме В.М. Молотову назвал происходящие «верхом наглости» и отозвал министра. Срыв лондонского совещания был расценен в Вашингтоне как результат возросших аппетитов СССР²¹.

Последней крупной конференцией в 1945 году стала Московская конференция СМВД, проходившая с 16 по 26 декабря 1945 г., где министры иностранных дел Большой тройки попытались восстановить нити, оборванные разногласиями в сентябре. По этому поводу «Time» писал: «Таким образом, к лучшему или к худшему, механизм Большой тройки снова заработал»²². Но камнем преткновения стал атомный вопрос: «Международное подозрение не

¹⁸ The nations: New Europe // Time. 1945. No. 12. Sept. 17.

¹⁹ Conferences: Anatomy of Failure // Time. 1945. No. 15. Oct. 8. P. 29.

²⁰ Czechoslovakia: Revolution by Law? // Time. 1945. No. 17. Oct. 22. P. 36.

²¹ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М., 2012. С. 300.

²² The nations: Mission to Moscow // Time. 1945. No. 25. Dec. 17. P. 25.

утихнет, пока русские не убедятся, что США не намерены использовать атомную бомбу в качестве дипломатической угрозы. Хотя у США была бомба, именно СССР укреплял свои дипломатические успехи во многих странах»²³. В Вашингтоне были недовольны результатами конференции. Джеймс Бернс скупко информировал президента США о ходе переговоров, его уступки сочли чрезмерными, и Трумэн заявил, что ему «надоело нянчиться с Советами» и что с Россией следует обращаться «железным кулаком и крепкими выражениями»²⁴. Поэтому ряд исследователей считают, что именно с декабрьского поручения Трумэна, а не с речи Уинстона Черчилля началась Холодная война²⁵.

Для оценки отношений между США и СССР небезынтересен выбор журналом «Человека года». В 1945 г. им стал президент США Гарри Трумэн, хотя кандидатура И.В. Сталина также рассматривалась: «Из всех мировых лидеров 30-х и начала 40-х годов наиболее успешным выжившим был Иосиф Сталин. Однако успех Сталина был далеко не полным»²⁶. Признавая заслуги Сталина во Второй мировой войне, журнал акцентировал внимание на том, что он исчерпал возможности страны, не получил особой территориальной и идеологической выгоды. Кроме того, отмечалось, что Сталин не доминировал весь год. Судя по тому, что «Time» выбрал Трумэна «Человеком года», на него возлагались надежды по переустройству послевоенного мира по американскому образцу.

Таким образом, в выпусках «Time» с мая по август 1945 г., когда США ещё не показали миру разрушительную мощь изобретенной ими атомной бомбы, освещение международных событий проходило в достаточно нейтральной форме, ещё некоторое послевоенное время поддерживался статус бывших союзников. СССР и США понимали, что находятся примерно на одном уровне по военному потенциалу и новая война не будет поддержана населением, которому в течение нескольких лет транслировалось положительное отношение к союзнику. Однако региональные столкновения интересов, где стороны всё тверже отстаивали свои позиции, давали о себе знать и постепенно переходили в активную стадию, хотя до боевых действий не доходило, это вовсе не означало дальнейшего поддержания положительного образа Советского Союза в прессе.

²³ Ibid.

²⁴ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. С. 304.

²⁵ Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С.142.

²⁶ The nation: The Bomb & the Man // Time. 1945. No. 27. Dec. 31. P. 15.

Резюмируя состояние международных отношений на начало 1946 г., «Time» сравнивает СССР, с долей иронии, с принцессой из сказки: «Россия считает себя Золушкой среди держав. В тыквенной карете победы она триумфально отправилась в Сан-Франциско. Потсдам был вторым, ещё более приятным событием. В сентябре прошлого года в Лондоне она зашла слишком далеко. Часы пробили 12, и Золушка вернулась в Москву, где терпеливо просидела до прошлой недели, когда появился улыбающийся Джеймс Бирнс со стеклянной туфелькой»²⁷.

10 января 1946 года в Лондоне начала свою работу первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которую возлагались большие надежды. Информация о ней предоставлена в выпуске «Time» от 21 января 1946 г.: «При всех своих недостатках у ООН был шанс воплотить в жизнь мировой идеал справедливого и прочного мира. И если ООН потерпит неудачу, рано или поздно начнется ещё более ужасная война»²⁸. Однако, признавая силу новой международной организации, невозможно игнорировать напряженные отношения между делегатами. Неудачи на первой Ассамблее ООН предпочли связать со слишком яростным отстаиванием СССР своих претензий: «В любой момент ООН может развалиться под тяжестью послевоенного стремления России занять лидирующую позицию»²⁹. На страницах журнала уделялось внимание и различиям в политических системах Востока и Запада, причем акцент делается на их несовместимости, оценки внешнеполитических действий советского руководства становятся осуждающими и настораживающими.

В феврале 1946 журнал впервые отмечал состояние международных отношений на грани провала: «Когда неделя закончилась, международные отношения были в худшей точке с момента окончания войны. Российская политика чередуется между припадками агрессивного экспансионизма и приступами рассудительности»³⁰. После речи У. Черчилля в Фултоне, уже в самом начале апреля 1946 г. на страницах журнала появился такой термин, как «коммунистическая зараза», что подтверждает нарастающее недовольство Россией. Советская политика характеризовалась как «смесь грубости и сотрудничества», но упор уже идет на обличение первой составляющей российских устремлений: «Россия хочет власти. России нужен престиж. России нужна безопасность. Россия содержит самую большую

²⁷ International: Back to the Dance // Time. 1946. No. 1. Jan. 7. P. 19.

²⁸ Conferences: For Us, the Living // Time. 1946. No. 3. Jan. 21. P. 23.

²⁹ UNO: Great Commoner // Time. 1946. No. 7. Feb. 18. P. 25.

³⁰ The nations: Spasm of Aggression // Time. 1946. No. 8. Feb. 25. P. 25.

армию в мире (не менее 6 млн. чел.)»³¹. Нельзя обойти вниманием отнюдь не нейтральные выражения в адрес СССР, сопровождавшиеся пугающими сведениями о преобладающем военном состоянии державы, которое объяснялось следующим: «Ее политические приемы самоуверенно беспощадны и способны на бесконечное разнообразие, от военного террора до гуманитарных трактатов. Она присоединяется к международным организациям только тогда, когда это соответствует ее интересам»³². Все же, несмотря на довольно агрессивный посыл, как таковой Холодной войны ещё нет, поэтому в конце статьи автор смягчает свое отношение и пишет следующее: «Но, несмотря на ее страхи и амбиции, Россия не хочет войны. Россия по-прежнему слабее одних только США и намного слабее Запада в целом»³³.

Следующим событием после создания ООН было совещание министров иностранных дел в Париже, однако на него больших надежд изначально не возлагалось: «Маловероятно, что парижская встреча министров иностранных дел «большой четверки» на следующей неделе ослабит или обострит хроническое соперничество между Россией и Западом»³⁴. Но вскоре журнал отмечал снижение напряженности благодаря умеренной политике В.М. Молотова, который согласился на некоторые уступки: «Это возродило угасающие надежды мира на то, что крупные державы все же могут достичь работоспособных соглашений, которые будут соблюдаться»³⁵.

Таким образом, зарождение Холодной войны началось ещё в 1945 г., отношения двух держав охлаждаются после августа 1945 г., когда США заметно почувствовали свое превосходство над миром за счет изобретения атомной бомбы и разгрома Японии, после чего Америка больше не нуждалась в союзнике и могла смело высказывать недовольство растущим влиянием СССР. И спустя, меньше года после совместной победы над фашизмом две мировые системы начинают уверенно переходить к конфронтации, что находит яркое выражение в журнале «Time». Издание старается наиболее объективно отразить события начального этапа Холодной войны, но с уклоном на внешнеполитические цели и задачи США, что формировало у среднего класса соответствующую идеологию.

³¹ International: What does Russia want? // Time. 1946. No. 13. April 1. P. 27.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ The nations: Slow Peace // Time. 1946. No. 16. April 22. P. 25.

³⁵ The nations: The Path of Peace // Time. 1946. No. 18. May 6. P. 29.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Boncevich N. N. Concepcia americanscoi mirovoi gegemonii Henry Luce [Henry Luce's concept of American world hegemony], in *Saratovskij gisudarstvennyj universitet. N. G. Chernyshevsky Al'manah sovremennoi nauki i obrazovania*. Tambov: Gramota, 2008. № 6. Ч. 1. P. 36-38. (In Russian)

Бонцевич Н. Н. Концепция американской мировой гегемонии Генри Люса // Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6. Ч. 1. С. 36-38.

Boncevich N. N. Na pyti k drugoi Rossii: Kak izmenilsia imidg SSSR na stranizah pressi Henry Luce v 1946 [On the way to another Russia: how the image of the USSR changed on the pages of Henry Luce's press], in *Gramota*. 2011. №1(7). P. 41-45. (In Russian)

Бонцевич Н. Н. На пути к другой России: как изменился имидж СССР на страницах прессы Генри Люса в 1946 г. // Грамота, 2011. №1(7). С. 41-45.

Boncevich N.N. A Prorok v svoem otechestve: Henry Luce i "Americanskii vek" [A Prophet in His Own Country: Henry Luce and "the American Century"], in *Dialog so vremenem*. 2009. № 27. P. 194-211. (In Russian)

Бонцевич Н. Н. Пророк в своем отечестве: Генри Люс и «Американский век» // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 194-211.

«Krasna ygroza» v ozenkah pressi USA 1917-1941 [“The Red Menace” in US press estimates 1917–1941] / avtorskij kolektiv: K.V. Belyaeva, S.O. Buranok, D.A. Ilyin, Y.A. Levin, D.Y. Selifontova, A.V. Sokolova, O.V. Shestereva. Samara, 2020. 328 p. (In Russian)

«Красная угроза» в оценках прессы США 1917-1941 гг./ авт. коллектив: К.В. Беляева, С.О. Буранок, Д.А. Ильин, Я.А. Левин, Д.Ю. Селифонтова, А.В. Соколова, О.В. Шестерева. Самара, 2020. 328 с.

Mikhailov S. A. *Journalistika Soedinennih Shtatov Americi [Journalism of the United States of America]*. Saint-Petersburg, 2004. 447 p. (In Russian)

Михайлов С. А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. Санкт-Петербург, 2004. 447с.

Pechatnov V. O., Manykin A. S. *Historia vneshney politiki [History of US foreign policy]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. 672 p. (In Russian)

Печатнов В. О., Маныкин А. С. История внешней политики США. Москва: Международные отношения, 2012. 672 с.

Rukavishnikov V. O. *Holodnaya voina, holodnij mir. Obshestvennoe mnenye v USA and Europe o SSSR/Russii, vneshnei politiki i bezopastnosti Zapada [Cold War, Cold World. Public opinion in the USA and Europe about the USSR/Russia, Western foreign policy and security]*. Moscow: Academicheskij Proekt, 2005. 862 p. (In Russian)

Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. Москва: Академический Проект, 2005. 862 с.

Saunders F. S. *ZRU I mir iskusstv: kulturnij front holodnoy voini [The CIA and the Art World: the Cultural Front of the Cold War]*. Perevod pod rukovodstvom E. Loginova and A. Verchenkova; redactor perevoda V. Krashennikova. Moscow: Institut vshnepoliticheskikh issledovanij i iniciativ, Kuchkovo Pole, 2013. 416 p. (In Russian)

Сондерс Ф. С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / Пер. с англ. под рук. Е. Логинова и А. Верченкова; редактор перевода В. Крашеникова. Москва: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле, 2013. 416 с.

Volkovsky N. L. *Istoria informazionnih vojn [History of information wars]. V 2 chast'ah. Chast' 2. Saint-Petersburg: OOO "Izdatelstvo Polygon", 2003. 736 p. (In Russian)*
Волковский Н. Л. История информационных войн. В 2 частях. Часть 2. Санкт-Петербург: ООО «Издательство Полигон», 2003. 736 с.

Чепик Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: v.chepik@spbu.ru

СССР И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НАЧАЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РАЗРЯДКИ (1946-1959 гг.)

В отличие от большинства исследований особенностей холодной войны, в статье делается акцент на советской политике, которая ускорила интеграцию Западной Европы. Во-первых, выделяются идеологические разногласия, которые мешали Советскому Союзу сотрудничать с Западом. Во-вторых, анализируются особенности советского подхода к германскому вопросу, оказавшегося в центре процессов европейской интеграции. В-третьих, советские предложения по налаживанию мирного сосуществования с Западом рассматриваются, как противоречащие европейской идее. В заключение утверждается, что вопрос объединения Германии и ее членства в Европейских Сообществах мог быть решен только при условии исключения ее членства в военных блоках.

Ключевые слова: европейская интеграция, принципы мирного сосуществования, разрядка.

V. N. Chepik

Chepik Victor Nikolaevich, PhD in History, senior lecturer, St. Petersburg State University. 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: v.chepik@spbu.ru

THE SOVIET ATTITUDES TOWARDS EUROPEAN INTEGRATION DURING THE BEGINNING OF THE COLD WAR AND THE FIRST DÉTENTE (1946-1959)

While the most studies focus on the main features of the Cold War, this article reveals the Soviet policy which accelerated the integration of Western Europe. Firstly, it summarizes the ideological differences which prevented the Soviet Union from cooperation with the West. Secondly, it emphasizes the Soviet approach to German question which was of great importance for the European integration. Thirdly, it depicts the Soviet attempts of peaceful coexistence which contradicted to the European idea. In conclusion it argues that the reunited Germany could become a European Communities member, providing that Germany were excluded from military blocs.

Keywords: European integration, principals of coexistence, détente.

Introduction

After the end of the World War II a large number of different movements and organizations were established in Western Europe in order to unite Europe. In the name of the "new European order" there were renewed calls to abandon the paramount role of the national state. The new enemy of the peoples was nationalism, which "pitted them with each other". But European patriotism, based on the slogan "Europe is a fortress" could only bring European peoples closer together¹. This appeal of European Movement in February 1947 was also addressed to the Eastern Europe where the Soviet troops were stationed. For most Europeans it was necessary to create a European fortress in order to prevent the communism ideological and political penetration into the Western Europe. Indeed, unlike its former allies during the World War II, the USSR had a specific position regarding the post-war recovery and European cooperation.

Literature analysis suggests that the West European bloc was created in order to contain the communism. Stefan Jonsson, for example, argues that European integration was from its very outset, as it took shape after World War I, a geopolitical project². According to Wolfgang Mueller, the expansion of communism in Western Europe had been stopped by Western Containment. He claims that between 1950 and 1954, in the context of the Soviet struggle against the emergence of Western blocs the Kremlin was seen neutrality mainly as a tool for preventing such blocs from coming into being. He states that European integration, both in the East and the West, and the Cold War were "separate but intertwined phenomena"³.

It is generally accepted that at the heart of both European integration and the Cold War was West Germany. Mathias Haeussler suggests that European integration ultimately served Germany's self-interest. He depicts some distinctive features of FRG European policy under Helmut Schmidt, however, which could be traced back to the chronological period under review. They were, first, the awareness of the growing economic interdependencies in the post-war world; second, the need to bind

¹ *Brugmans H.* Europe, an open society / Fédération (February 1947). № 25. URL: http://www.cvce.eu/obj/europe_an_open_society_from_federation_february_1947-en-0c6d2230-ad82-4a13-84f8-1e12c7415e46.html (accessed 10.04.2020).

² *Jonsson S.* Clashing Internationalisms: East European Narratives of West European Integration. URL: <http://www.jstor.com/stable/j.ctv9hj72r.6> (accessed 10.09.2021).

³ *Mueller W.* A Good Example of Peaceful Coexistence? The Soviet Union, Austria, And Neutrality, 1955–1991. Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien. 2011. P. 17 – 47; *Mueller W.* Die UdSSR und die europäische Integration / Michael Gehler (ed.). From the Common Market to European Union Building: 50 Years of the Rome Treaties. Vienna: Böhlau, 2009. P. 617–662, 631–640.

post-war Germany firmly and permanently into multilateral Western alliances; and, finally, the attempt to constantly balance Germany's relations with France and the United States⁴.

Merle Fainsod analyzes Soviet Foreign Policy and its impact on the Communist bloc and the free world in 1956. He argues that the USSR was trying to lull the fears of its potential enemies by proclaiming itself the exponent of peaceful coexistence between capitalist and socialist states. According to Fainsod, in order to prevent the expansion of Communist power in the world, the Communist challenge should be met at every level where it presents itself - military, economic, and political⁵.

The Russian historian Michael Lipkin in his thesis depicts two approaches to Western European integration within the Soviet leadership. The first one was particularly concentrated on the political aspects of the "Common Market" and regarded the EEC as an instrument of imperialism's policy. The second, attached particular importance to the positive achievements of the "Six" in the field of economic cooperation, which provided an opportunity to use Western experience to regional organizations in other parts of the world, regardless of their social and economic system⁶. While analyzing the Soviet economic approach towards European integration Lipkin argues that under Stalin's ruling few people understood the phenomenon of "European integration" in the modern sense of the term. Therefore, it was not surprising that the first attempts to oppose to European Movement were caused not by the fact that Western European integration was seen as a threat to the economic interests of the USSR, but by the fact that it was seen as a cover for the preparation of the third world war⁷.

By contrast, this article seeks to answer the question, in what way the Soviet European policy regarding post-war cooperation influenced the process of European integration. It develops the idea of Vladimir Zubok who argues that after the historic victory over Nazi Germany, most of the Kremlin leaders, officials and military, heads of special services and the defense industry finally established themselves in the idea that their main mission was not a world revolution, but the construction of

⁴ *Haussler M. A 'Cold War European'? Helmut Schmidt and European integration, 1945–1982 / Cold War History, 2015. Vol. 15, No. 4. P. 427–447. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/14682745.2014.989841> (accessed 10.04.2021).*

⁵ *Fainsod M. Soviet Foreign Policy / Naval War College Review, May, 1956. Vol. 8, No. 9. P. 1–18. U.S. Naval War College Press Stable. URL: <http://www.jstor.com/stable/45117891> (accessed 10.04.2021).*

⁶ *Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016. P. 30.*

⁷ Там же. P. 40.

a great power designed to play a dominant role in the world⁸. Contrary to Zubok, however, the article reveals how the European [as well as Atlantic] integration made the Soviet Union refuse the idea of World revolution as well as how the Soviet policy of “peaceful coexistence” with the West influenced the European idea. In so doing, the article not only adds to a growing historiography that describes the Soviet steps towards great power, but it also reveals new interconnections between the Cold War, detente and European integration⁹.

The issue of pan-European economic recovery and political cooperation in the second half of 1940s

Contrary to the interwar period when the projects of European integration tended to include colonial Africa but to exclude Soviet Russia, in the first years after the World War II Russia was expected to make its input in promotion the integration of Europe for the purpose of economic recovery and cooperation on a pan-European basis. The leader of the British European Movement and the British Conservative Party W. Churchill called for the creation of the "United States of Europe" or a European regional organization under a different name. According to Churchill, the European group could give a sense of enlarged patriotism and common citizenship to the distracted peoples of the turbulent and mighty continent which should take its rightful place with other great groupings in shaping the destinies of men¹⁰. He argued that Soviet Russia together with Great Britain, the British Commonwealth of Nations, and mighty America “must be [not members of integrating Europe but] the friends and sponsors of the new Europe and must champion its right to live and shine”¹¹.

It is known that the idea of European federation gained popularity in Western and Northern Europe in post-war years. The Union of European Federalists was the only union that managed to form a really large-scale organization with about 100,000 supporters in Western and Northern Europe including Western zones of Germany¹². The idea of federal union of European states was well-suited for the purposes of recovering devastated economy, suppression of nationalism and increasing the political role of European States in post-war settlement. The

⁸ *Зубок В. М.* Несостоявшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. P. 103.

⁹ *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016. P. 29.

¹⁰ *Churchill W.* Speech, Zurich. 19th September, 1946. The Churchill Society. London. URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html> (accessed 10.04.2020).

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

American “Marshall’s plan” on economic recovery in Europe was also facilitated the unification of Europe as J. Marshall envisaged providing the economic assistance only united Europe [within the frameworks of the intergovernmental Organization of European Economic Cooperation]. All European states including the USSR were expected to take part in it.

Unfortunately, the Soviet diplomacy in the post-war period still guided by the principles of Marxist-Leninist theory. The communists in the Soviet Union believed that in the result of the economic and social development capitalism should eventually be replaced by socialism [and communism]. From this point of view, class struggle would ultimately lead to the victory of the communist world revolution which the Soviet Union had to support at all costs. Furthermore, one of the tasks of the Soviet leadership should be to introduce into the mass consciousness the idea of Russia's “special avant-garde-revolutionary role in world history” and its special messianic purpose, due to the fact that the communists supposedly know best in the world how to arrange human happiness on Earth and achieve universal well-being. They strongly believed that as long as there were imperialism wars on the globe were inevitable, so “to prevent new wars, it was necessary to destroy imperialism”¹³.

Those ideas were fueled by the fact that after the World War II the international prestige of the USSR as a victorious power increased significantly. The victory over Nazi Germany was interpreted in the USSR as a victory of a new generation of Soviet people who were brought up on the ideals of communism. Against this background, the influence of the left in Western Europe had increased. By May 1946, the international communist movement had grown considerably in comparison to the pre-war levels. For example, the Communist Party in France numbered 1 million people, in Italy - 1.9 million members, in Belgium and Greece 100 thousand, in the UK and the United States up to 50 and 80,000 respectively. Relying on a network of Communist parties, the USSR could extend its ideological influence far beyond the zones in which the Soviet troops were stationed. The growth of the popularity of leftist sentiments in post-war Europe helped to strengthen Stalin's belief in the possibility of a revolutionary explosion in Western Europe. From this point of view, the rise of the crisis in the world economy should have contributed to the growth of revolutionary potential, and the stabilization of the world economy should have influenced the fading [class] struggle in the zone of imperialism¹⁴. The Soviet leadership regarded the world economy as a part of the global arena of struggle against imperialism. In view of this, the USSR should not

¹³ Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945-1985 гг.). Новое прочтение / Под ред. Л. Н. Нежинского. М., 1995. Р. 10.

¹⁴ Там же.

have helped the "imperialists" to restore the economy in order to restrain the revolutionary rise.

Besides, in Moscow interpreted the idea of European federation within the frameworks of the Leninist doctrine on the "United States of Europe" which was formulated in 1915. According to Lenin such a union was unsustainable because "capitalism entailed an ever-fiercer competition between the capitalist trusts of Europe's imperial states, and this would eventually lead to a struggle to the death for new markets and resources between these states"¹⁵. As a result, Leninist approach predetermined the negative attitude of the Soviet Union towards European integration. Furthermore, according to the Soviet assessments, the purposes of the European movement had not much in common with Yalta and Potsdam accords on Germany and the "Soviet responsibility in Eastern Europe".

Partly for the ideological reasons, the USSR refused economic cooperation with the West which laid the foundation for European cooperation within the OEEC. Moreover, despite of the fact that in 1944-1945 the Soviet representatives took part in the conferences to establish the International Monetary Union, the International Bank of Reconstruction and Development [at Bretton Woods] as well as the European Economic Commission, the International Civil Aviation Organization and a number of other organizations of international economic profile, in late 1945 Moscow refused to ratify the previously signed agreements, as well as to join the General Agreement on Tariffs and Trade in 1947¹⁶.

Another reason for the soviet refusal from cooperation with the West lies within the administrative frameworks. The Soviets leadership believed that those organizations prevented the USSR from exerting decisive influence on the decision-making process. The United States along with the other Western European countries had a mechanical majority in those bodies but the right of veto was not provided. Under such conditions, the socialist's economy of the USSR would have been put under strict limits laid by the liberal principals of capitalist's economy. As a result, the Soviet diplomacy had to withstand to "American monopoly capital desired for world domination". Such an assumption was grounded on the analytical note of the Soviet ambassador to Washington N. Novikov which was sent to the Soviet Foreign Ministry in September 1946. Particularly, Novikov called the Soviet leadership "not to bow to the United States for the sake of economic assistance" and continue to remain economically independent from the outside world restoring its national economy on its own. Besides, the security issue seemed to be solved. As Novikov

¹⁵ *Jonsson S.* Clashing Internationalisms: East European Narratives of West European Integration. P. 72. URL: <http://www.jstor.com/stable/j.ctv9hj72r.6> (accessed 10.04.2020).

¹⁶ *Богатуров А. Д., Аверков В. В.* История международных отношений 1945–2008. М., 2010. С. 19-21.

argued, the USSR had a much stronger international position than in the pre-war period. Thanks to the victory over Nazi Germany, the Soviet armed forces were stationed on the territory of Germany and other former enemy countries, guaranteeing that those countries would not be used again to attack the Soviet Union¹⁷. As a result of reorganization such former enemy countries as Bulgaria, Finland, Hungary, Romania as well as the Slavic countries liberated by the Red Army or with its help – Poland, Czechoslovakia, Yugoslavia – had established relations with the Soviet Union based on agreements of friendship and mutual assistance.

The big problem for the Soviet leadership was the fact that the United States no longer pursued a policy of strengthening the cooperation within the “Big Three” [or the “Big Four”] and, conversely, seek to undermine the unity of those powers. As Novikov stated, the goals of the American policy towards the USSR were “to impose on the Soviet Union the will of other states” and “limit or displace the influence of the Soviet Union from neighboring countries”¹⁸.

In order to prevent foreign capital infiltration into the Soviet zone of influence in Eastern Europe, which could lead due to the economic weakness of the USSR, firstly, to the financial and economic, and then to the political loss of soviet influence within those territories, the USSR refused the invitation to participate in the "Marshall's Plan". According to the soviet assessments, the plan was aimed not only at economic recovery but reorganization of Europe on Western liberal principals in order to include Germany and to form international institutions [such as the Organization of European Economic Cooperation] that would guide the development of Europe¹⁹. Furthermore, the Plan limited Soviets economic independence and "take away" from the USSR its new allies in Eastern Europe.

As a result, the Soviet leadership sought to prevent the United States from gaining any economic and political advantages in the process of implementing the Marshall Plan. On the morning of July 5, Soviet ambassadors in the capitals of a number of European states were instructed from Moscow to visit the foreign ministers of the countries concerned and make them a statement in which a negative assessment of Marshall's proposals was given. In particular, the text of the Soviet diplomatic note emphasized that "the USSR saw ... a desire to interfere in the internal affairs of European states, imposing its program on them, to make it difficult

¹⁷ Аналитическая записка советского посла в Вашингтоне Н. В. Новикова “Внешняя политика США в послевоенный период”. 22 сентября, 1946 // Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 961.

¹⁸ Там же. С. 962.

¹⁹ Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений 1945–2008. С. 64.

for them to sell their products where they want, and, thus, to make the economy of these countries dependent on the interests of the United States"²⁰.

The latest data received by the Soviet Government on the nature of the planned Paris Conference revealed two new circumstances. First, the British and the French did not intend to make any changes to their plans for the economic restoration of Europe without taking into account the issues of sovereignty and economic independence of small countries. Second, under the guise of developing a plan for the reconstruction of Europe, the initiators of the conference wanted to actually create a Western bloc with the inclusion of West Germany in it²¹. The Soviet Union, therefore, rejected the invitation to participate in the conference to discuss Marshall's Plan in Paris and made the Governments of Eastern European countries to refuse it either.

According to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (the CPSU) analysis, the main task of the Soviet post-war foreign policy was to provide favorable international conditions, (1) for peaceful socialist construction in the USSR, (2) for the development of the world revolutionary process which would later lead to the destruction of capitalism and contribute to the establishment of a new world order that would guarantee "securing peace in the world"²².

To meet those purposes, the new international Communist organization known as Cominform [the Information Bureau of Communist and Workers' Parties] was established in September 1947. Its main tasks were the exchange of experience and coordination of the activities of the European Communist Parties on the basis of mutual consent. Cominform became in fact a mechanism for centralizing the world communist movement adopting in this sense the functions of the Comintern which was dissolved in 1943. From the first months of its existence, this organization was actively used by official Moscow to achieve foreign policy goals²³. The Communist parties of France and Italy which were the members of Cominform were given tasks to support and spread the Soviet ideology and propaganda within the public opinion of Western countries²⁴. In September of 1947, the Cominform leaders called the Communists "courageously defend and safeguard the national sovereignty, freedom

²⁰ *Наринский М. М.* СССР и план Маршалла: по материалам архива Президента РФ // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 11-19.

²¹ Там же.

²² Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945-1985 гг.). Новое прочтение / Под ред. Л. Н. Нежинского. М., 1995. Р. 12.

²³ *Стыкалин А. С.* Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // Славяноведение. 2014. № 1. С. 21.

²⁴ Там же.

and independence of their countries”²⁵. In this regard, the Cominform was also directed against the European movement which called to refuse nationalism and national borders in the name of European federation and liberal freedoms.

Analyzing the initial period of the Cold War the Russian historians argued that the USSR cared about border security and did so by building a geopolitical barrier with the help of “people's democracy” countries in Eastern Europe²⁶. Moreover, it had to find an economic alternative to the "Marshall's Plan". As a result, the USSR together with the other socialist countries of Europe except Yugoslavia established the Council of Mutual Economic Cooperation [COMECON] in January 1949. In 1950 the German Democratic Republic joined the COMECON, and later Mongolia, Vietnam and Cuba. The main tasks of the economic integration in Eastern Europe were exchange of economic experience, technical exchange, organization of mutual supplies of raw materials, machinery and equipment as well as food products. At that time, however, the COMECON performed more political than economic tasks, which were to consolidate Soviet dominance in the region by forming similar economic mechanisms²⁷.

Speaking before the Congress of Europe of May 1948 in the Hague which led to the creation of the European Movement, W. Churchill noted that "we are all upset and perplexed, and feel threatened by the different position and policy of the third great and equal partner, without whose active assistance the world organization cannot function, and the looming shadow of a new war cannot be removed from the hearts and minds of people and states"²⁸. For Churchill, Europe's mission was understandable. It was the unification of peoples in order to pave the way for the organized freedom to which peace aspired. The union of the continent was then necessary not only to preserve the freedoms that they have won, but also to extend

²⁵ Декларация Конференции представителей Коммунистической партии Югославии, Болгарской рабочей партии (коммунистов), Коммунистической партии Румынии, Венгерской коммунистической партии, Польской рабочей партии, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Коммунистической партии Франции, Коммунистической партии Чехословакии и Коммунистической партии Италии по вопросу о международном положении (Шклярска Поремба, Польша, 28 сентября 1947 г.) / Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4. Новейшая история. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 1182-1183.

²⁶ People's Democracy was a political system in Eastern Europe, in which the country was actually led by local communists supported by the Soviet Union, while non-communist parties continued to exist on the condition of their loyalty to the authorities.

²⁷ Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений 1945–2008. С. 66-73.

²⁸ Churchill W. Message to Europeans (The Hague, 10 May 1948) / Congress of Europe: The Hague-May, 1948: Resolutions. London-Paris: International Committee of the Movements for European Unity, 1948. P. 15-16.

URL: http://www.cvce.eu/obj/message_to_europeans_the_hague_10_may_1948-en-b14649e7-c8b1-46a9-a9a1-cdad800bcc8.html (accessed 10.04.2020).

their benefits to all mankind. As Churchill claimed, the fate of Europe and the fate of world peace depended on this union²⁹. It was decided at the Congress to organize the Council of Europe which was established in May 1949 in London with a stated purpose of protecting democracy and human rights. In a year and a month, in July 1950 West Germany joined the Council as a full member.

Thus, the opposition of the USSR towards the idea of European integration could be explained by the prospect of spreading the Western values of liberal democracy to Eastern Europe, which would lead to the loss of Soviet influence and the inclusion of Eastern European countries in the processes of European integration. On the other hand, popularity of Marxist ideas and the Soviet support of the Communists parties abroad contributed to giving the European idea an anti-communist component. As a result, ideological split of the whole of Europe into two blocs restricted but not prevented the European movement from taking further organizational steps. Divided Germany, however, proved to be on opposite sides of the ideological split.

The rising of a third force. The German question and European integration

Following Haussler's arguments that West Germany was at the heart of both European integration and the Cold War³⁰, we could assume that the German question was at the heart of both European integration and the Cold War. As it was previously noted the Organization of European Economic Cooperation which was established with regard to "Marshall's Plan" laid the foundation for economic integration in Europe on intergovernmental basis. Western zones of Germany joined the Organization despite of the Soviet Union opposition.

As early as June 1947, at a meeting of the foreign ministers of the USSR, France and Great Britain in Paris the Soviet Foreign Minister V. Molotov refused to start talks on the substance of the "Marshall's Plan" referring to the inappropriateness of those discussions with Germany as an equal partner. According to Molotov, Germany was an occupied country and could not discuss the issues of cooperation on equal terms. Furthermore, all decisions on policy towards Germany should have jointly been taken by the four occupying powers within the Council of Foreign Ministers³¹. In the result of opposition, the USSR was not invited to the London Conference of the United States, Great Britain, France and the Benelux countries [as the nearest neighbors of West Germany] in 1948 which prepared the proclamation of the FRG.

²⁹ Ibid.

³⁰ Haussler M. A 'Cold War European'? Helmut Schmidt and European integration, 1945–1982.

³¹ Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений 1945–2008... С. 64.

The European Movement also supported the idea of Germany's inclusion in a federal union. From the one hand, supporters of European integration such as W. Churchill agreed to the Soviet views that Germany must be deprived of the power to rearm and make another aggressive war. But, from the other hand, they claimed that when all this has been done, there must be an end to retribution. "There must be a blessed act of oblivion", stated Churchill in 1946³². He strongly believed that there could be no revival of Europe without "a spiritually great France and a spiritually great Germany"³³.

Speaking before the First Congress of the European Movement held in May 1948 in the Hague Winston Churchill noted that Europe needed "everything that the French, Germans and each of us can give it." Therefore, the honorable mission of the victorious countries in the war was the need to "take the Germans by the hand and bring them back to the European family"³⁴. For the European Movement, the German problem was to restore the economic life of Germany and revive the former glory of the German nation, without exposing neighboring countries to the risk of the revival of German Nazism. The unification of Europe was seen as the only solution to win poverty and unemployment that fertilize the soil for spreading Marxist's ideas. Due to the fact that Eastern Europe fell into the USSR's sphere of influence, Churchill suggested proceed to assemble and combine into the Union "those who will and those who can". Furthermore, in all that "urgent work, France and Germany must take the lead together"³⁵.

In Germany supported the idea of pan-European reconstruction and hoped primarily, with its help to solve an important national task of German reunification since the growing movement for the European federation called for the unification of national states. The Social Democratic party of Germany (SPD), which was re-created in May 1946, supported the reorganization of Europe on a new basis contrary to Yalta and Potsdam accords. According to the SPD leader K. Schumacher, the European order should not have been built on the models imposed on Germany by the leaders of the four occupation powers. The only way to rebuild Germany was seen in the immediate economic recovery of the two zones [Bizonium or Bison], reviving its economy so that "irresistible magnetism came from it and attracted other

³² *Churchill W.* Speech, Zurich. 19th September, 1946. The Churchill Society. London. <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html> (accessed 10.04.2020).

³³ *Ibid.*

³⁴ *Churchill W.* Message to Europeans (The Hague, 10 May 1948) / Congress of Europe: The Hague-May, 1948: Resolutions. London-Paris: International Committee of the Movements for European Unity, 1948. P. 15-16.

URL: http://www.cvce.eu/obj/message_to_europeans_the_hague_10_may_1948-en-b14649e7-c8b1-46a9-a9a1-cdad800bccc8.html (accessed 10.04.2020).

³⁵ *Churchill W.* Speech, Zurich. 19th September, 1946.

areas". Schumacher claimed that the appeal of the "economically healthy Bison" was to be the first step towards the unification of all zones and, first of all, the Eastern which was occupied by Soviet troops³⁶. It was a "huge relief" for the SPD that the United States made its offer to join the "Marshall's Plan" to the whole of Europe and the USSR as well. Schumacher did not stop believing that the subsequent negotiations in Paris on the establishment of the Organization of European Economic Cooperation would prove that Europe was best suited to integration with Russia³⁷. That position could be explained by the fact that the Soviet Union supported the idea of German reunification. This could be confirmed by the soviet diplomatic papers [they will be analyzed in the article] as well as by Hannes Adomeit who cites Soviet Politburo member Aleksandr Yakovlev's assertion, that the USSR "always advanced the question of Germany's unification" but especially "at the end of 1945 or the beginning of 1946, and then repeatedly during the 1950s". Nevertheless, a goal of Soviet diplomacy was not an integrated in a Federal Union Germany but a "peaceful, democratic, and neutral Germany"³⁸.

In Moscow regarded the convening of a separate London conference in 1948 in order to prepare the proclamation of West Germany as evidence that the governments of the United States, Great Britain and France set as their goals the liquidation of the Council of Foreign Ministers formed at the Potsdam Conference, and the elimination of the quadrilateral control mechanism in Germany, established earlier by agreement between the four powers. That violation of the previous agreements as well as the obligations to consult with the countries concerned led to the disruption of the Potsdam Agreement on the demilitarization and democratization of Germany aimed at preventing the recurrence of German aggression in the future³⁹.

According to Soviet estimates, the creation of the Western Germany state had been aimed not at preventing the possibility of a new German aggression, but at

³⁶ Rede von Kurt Schumacher über Deutschland und Europa (Nürnberg, 29. Juni 1947).

Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 29. Juni bis 2. Juli 1947 in Nürnberg. Berlin, Bonn-Bad Godesberg: J.H.W. Dietz Nachf. GmbH, 1976. P. 35-56. URL:

http://www.cvce.eu/obj/rede_von_kurt_schumacher_uber_deutschland_und_europa_nurnberg_29_juni_1947-de4f4f783e-8b9d-4f39-96ce-b5061ff6b246.html (accessed 10.04.2020).

³⁷ Ibid.

³⁸ *Adomeit H.* The Imperial and Ideological Paradigm/Imperial Overstretch: Germany in Soviet Policy from Stalin to Gorbachev. Nomos Verlagsgesellschaft mbH Stable Pres. P. 67. URL: <http://www.jstor.com/stable/j.ctv941vkr.7> (accessed 10.04.2021).

³⁹ Заявление министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Польши, Румынии и Венгрии о решениях Лондонской конференции по Германии (Варшава, 24 июня 1948 г.) / Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 936-938.

turning the Western part of Germany, and above all the Ruhr heavy industry, into an instrument for restoring Germany's military potential, in order to use it for military purposes of the United States and Britain. It was clear for the Soviet leadership that such a plan “cannot but create favorable conditions for the repetition of German aggression”⁴⁰. Moreover, the leaders of the Soviet Union believed that the policies pursued by the occupying powers in the Western zones of Germany encouraged German revisionist elements. They were campaigning not only against Germany obligations to compensate for the damage caused by German aggression but against the Polish-German border on the Oder and West Neisse, which for the Soviet leaders was an “unshakable border”⁴¹. Nevertheless, the Western Germany was proclaimed as FRG in 1949, and in May 1951 it became a member of the Council of Europe.

Beginning of the Korean War in June 1950 [which was perceived in the West as the offensive of communism throughout the world⁴²] pushed to accelerate the processes of military and political integration in Western Europe. In order to prevent capture of West Germany by analogy as North Korean forces captured the capital of South Korea, FRG was invited to take part in military, economic and political integration of the West. As is known, the Treaty of European Defense Community (EDC) was signed in 1952 but was not ratified. In 1954 FRG became the member of the Western European Union (WEU) and the next year it was admitted to NATO. According to K. Schumacher, with NATO support, the united Europe was to become "a dam against world Bolshevism and become a bastion of political and psychological offensive with the aim of liberating from the influence of communist propaganda and enlightenment of the German population in Eastern Germany and other allied countries of the USSR"⁴³.

It should be noted that West Germany government supported strongly military and political integration within the frameworks of the would-be European federation with the aim of making it a third force capable of ending the Cold War. According to the first German Chancellor K. Adenauer, "the conflict of superpowers will

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² *Granieri R. J.* The Ambivalent Alliance. Konrad Adenauer, the CDU/CSU, and the West, 1949–1966. Berghahn Books New York, Oxford. 2020. P. 35.

⁴³ Rede von Kurt Schumacher über die Politik der Sozialdemokraten für Deutschland und Europa (Hamburg, 21.-25. Mai 1950). Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 21. bis 25. Mai 1954 in Hamburg. Bonn: Vorstand der SPD, 1950. P. 63-84. URL: http://www.cvce.eu/obj/rede_von_kurt_schumacher_uber_die_politik_der_sozialdemokraten_fur_deutschland_und_europa_hamburg_21_25_mai_1950-de-e0daa5f4-6370-44c4-9f27-d65d5e76d816.html (accessed 10.04.2020).

continue until there is a third force capable of successfully asserting itself on the world stage”⁴⁴. This third force was to be a united Europe.

The Soviet Union opposed the integration of West Germany both into the European Defense Community, as it saw an opportunity for the revival of German revanchism and into the European Coal and Steel Community (ECSC), as its membership made difficult to settle the issue of German reunification. In order to prevent the ratification of the ECSC treaty, the USSR proposed a plan for German reunification, but subject to its neutral status. The "note of Stalin" of March 10, 1952 proposed to immediately start preparing the text of a peace treaty with Germany which would eliminate the possibility of the revival of German militarism and the beginning of a new war from the German territory. In particular, the Soviet draft treaty provided for:

(1) Reunification of Germany as a reunited, independent, democratic, peace-loving state.

(2) Withdrawal of all armed forces of the occupying Powers from Germany no later than in a year after the peace treaty came into force; liquidation of all foreign military bases in Germany.

(3) Providing the German people with all democratic rights and political freedoms.

(4) Germany was obliged not to join any coalitions or military alliances against any power that took part in the war against Germany and others [thus, the draft of the peace-treaty excluded the German membership in ECSC and the EDC, because Moscow believed that they were directed against the USSR]⁴⁵.

The leaders of Western powers, however, saw in Stalin's note an attempt to hinder the process of European integration, as well as the threat that a neutral and demilitarized Germany could be "dragged into the Soviet orbit"⁴⁶.

At the Berlin meeting of foreign ministers of the “Big Four” [the USSR, the United States, Great Britain and France] in February 1954 the Soviet Union submitted a new draft peace treaty with Germany which stated clearer its neutral status. Particularly, it proposed to “exempt Germany from all political or military obligations arising from treaties or agreements concluded by the governments of the German Federal Republic and the German Democratic Republic before the signing of a peace treaty with Germany and the reunification of Germany into a single

⁴⁴ *Granieri R. J.* The Ambivalent Alliance: Konrad Adenauer, the CDU/CSU, and the West, 1949-1966. P. 37.

⁴⁵ Записка советского правительства правительствам США, Великобритании и Франции о мирном договоре с Германией «Записка Сталина» (10 марта 1952 г.) / Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013.С. 906-907.

⁴⁶ Там же.

state"⁴⁷. The plan was perceived, however, as a Soviet propaganda and rejected again.

In the whole, Soviet opposition to European integration in 1946 –1954 could be explained mostly by the failure of the soviet plans to re-unite Germany and make it neutral. The Soviet Union could not resist the European movement that supported the creation of West Germany and its inclusion in the Western European integration processes. The accession of Germany to the Council of Europe on May 2, 1951 can be considered as the beginning of the ascent of the third force on the world stage, since the primarily goal of the FRG was the German unification relying on the European movement to the political union in Europe. The subsequent widening and deepening of integration within the European Communities increased its influence on the policies of the superpowers in Europe. On the other hand, the integration of FRG into the West European organizations made the Soviet diplomacy look for models of peaceful coexistence.

The first steps to peaceful coexistence

Officially a new course for peaceful coexistence with the West was proclaimed after Stalin's death by the new soviet leader Khrushchev at the XX conference of the Communist Party of the USSR in February 1956. Based on new evidence we could argue now that the first steps in the Soviet foreign policy towards detente with the West was taken much earlier, particularly, in spring of 1952 as a response to European integration. It does not, however, mean that Stalin started détente with the West. There is a discussion in Russian historiography about the legitimacy of calling the "Stalinist" political course of the USSR in 1951-1953⁴⁸. As Zukov claims, in the last two years of his life, Stalin largely moved away from real politics, entrusting the rule of the country to the triumvirate of the Soviet higher-rank officials such as Bulganin, Beria and Malenkov⁴⁹.

As it was previously mentioned, in March 1952 the Soviet Union proposed the solution to the German question which, if accepted, should have started détente. The economic premises for detente with the West were formulated at the International economic conference in Moscow in April 1952. Michael Lipkin suggests that the conference was the first large-scale post-war attempt to open the

⁴⁷ Text of the Address Delivered by the President of the United States Before the General Assembly of the United Nations in New York City. December 8, 1953. URL: https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/file/atoms_Binder13.pdf (accessed 10.04.2020).

⁴⁸ Ibid. P. 28.

⁴⁹ Подробности см.: Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. P. 548.

"iron curtain"⁵⁰. At the conference the USSR suggested to put an end to the wars in Korea and Vietnam, to stop the arms race, and to sign the "Pact of Peace" between the five Great Powers. The draft of the "Pact of Peace" emphasized the need for international economic cooperation regardless of the social and political systems, which sounded like the beginning of détente⁵¹. At the same time, it was directed against the European integration, primarily, the European Coal and Steel Community (ECSC) as it stressed "the inadmissibility of the imposition of controls on international trade in commodities by one country or group of countries to the detriment of the interests of other States"⁵².

It should be noted that under Stalin's ruling, few people in the Soviet Union understood the phenomenon of "European integration" in the modern sense of the term. Therefore, it is not surprising that the first attempts to respond to this phenomenon were caused not by the fact that Western European integration was seen as a threat to the economic interests of the USSR, but by the fact that it was seen as a cover for the preparation of the third world war⁵³. As a result, the most of the Soviet initiatives were dictated by the desire to prevent the political and military consolidation of Western Europe against the USSR and Eastern economic bloc.

After Stalin's death in March 1953, a course for peaceful coexistence with the West started promoted more actively by the USSR. After a short period of internal struggle for power in the Soviet Union, the new Soviet leader Nikita Khrushchev became the main advocate of peaceful coexistence. It was based on the possibility of cooperation between the two systems with different social and political systems, and on the refusal the previous belief in the inevitability of war between communism and imperialism. According to Khrushchev, the policy of peaceful coexistence was to provide the frameworks for peaceful competition between socialism and capitalism on an international scale⁵⁴. In order to evidence the Soviet readiness for peaceful coexistence, the Communist international organization Cominform was dissolved in 1956. However, Lenin's assumptions regarding imperialism as the economic basis for the outbreak of wars still lingered as ideological basis of Soviet policy. In February 1956 the conference of the Communist Party of the USSR called all forces opposed to war be vigilant and mobilized to act as a united front and do not weaken their efforts to fight for peace⁵⁵.

⁵⁰ *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе... С. 24.

⁵¹ Там же. С. 25.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 40.

⁵⁴ *Богатуров А. Д., Аверков В. В.* История международных отношений 1945–2008... С. 26.

⁵⁵ Отчетный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии (Москва, 14 февраля 1956 г.). Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С.

Despite of the anti-imperialists propaganda which could mostly be attributed for internal use, on international scale the USSR was following the policy of détente. The Soviet leaders supported the American proposed program "Atom for Peace" in December 1953 and the establishment of an International Agency on Atomic Energy as an UN unit⁵⁶. On the other hand, they did not support the decision of the six ECSC countries to establish new communities. It is known that "the Six" took advantage of Eisenhower's proposal and decided to relaunch integration (which was slowed down after the failure of the EDC treaty ratification). At the Messina conference in June 1955, it was decided to establish the European Atomic Energy Community [Euratom] in order to increase energy supply to meet demand of growing economies as well as reducing the dependence of European countries on oil supplies from the politically unstable region of the Middle East and the European Economic Community for the purpose of economic cooperation and establishing the Common Market and the Customs Union.

The Ministry of Foreign Affairs of the USSR saw a threat to European security at that attempt of European integration. Since the Euratom and "Common Market" countries were members of NATO's military organization, the Soviet Union apprehended that all their activities would be subordinated to NATO's objectives. Moreover, the solution of the issue of German reunification would have been complicated, as Germany were even more deeply involved in closed alliances of Western countries. The Foreign Minister of the USSR A. Gromyko stated that "the revanchist circles of West Germany will not miss the opportunity to use Euratom for the accumulation of atomic materials and raw materials in order to start faster making their own nuclear weapons"⁵⁷. [It was not groundless, as in 1957 the attempts to organize cooperation in order to produce nuclear weapons took place between France, Italy and Germany]. From the Soviet point of view, the implementation of the plan to create a common market allowed economically stronger states to take advantage over small countries of the Western Europe disregarding their pressing national interests, as had already happened in the European Coal and Steel Community in which the West German firms had gained a dominant role. According to Gromyko, there was no doubt that the creation of a "Common Market" would lead

Хрущева // Собрание документов по истории международных отношений. Книга 4. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 968-970.

⁵⁶ Text of the Address Delivered by the President of the United States Before the General Assembly of the United Nations in New York City. December 8, 1953. URL: https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/file/atoms_Binder13.pdf (accessed 10.04.2020).

⁵⁷ Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the USSR about plans to create Euratom and the "common market." March 16, 1957 / Pravda. 17.03.1957, № 078. Moskva. URL: <http://www.cvce.eu> (Access date: 15.12. 2018).

to the subordination of France and other Western European countries to the economic hegemony of Germany, disarming those countries to “the militarists and revanchists of West Germany”⁵⁸.

Indeed, the West Germany was much of concern for the Soviet Union. If we put aside the ideological confrontations with the West, the Soviet concerns could be explained by the vivid memories of its people of the two world wars that started from the German territory. As a result, two different approaches were formed between the main opponents in the Cold War regarding the issues of preventing the possible outbreak of a new war from the German territory. Contrary to the Soviet leaders who believed that the neutral status of Germany would prevent any attempts to unleash a war, the United States supported the processes of Germany's integration into economic, defense and political alliances that would both control military production, and limit the possibility of independent decision-making regarding the use of armed forces.

Wolfgang Mueller, sharing the Soviet concerns on unpredictability of the FRG, argues that the United States supported the FRG integration into the Western organizations in order to keep its policy under control. As Mueller claims “any number of imaginable events in Eastern Europe, especially in East Germany, could make it difficult for the West Germans not to act, if the Americans no longer had the deciding voice”⁵⁹. So, the supporters of Atlantis’s integration believed that while Bonn was subject to direction from Washington, the FRG policy was not of much concern for the USSR but it might not remain so forever. It seems rather discussing point. One could only agree unconditionally that it would be much easier for the Soviet Union to deal with the USA during the Cold War rather than with another political center that could arise in the result of European integration.

In order to prevent the establishment of the new European Communities with Western Germany as its member, the USSR proposed to find a solution to economic problems on a pan-European basis by using existing organizations such as European Economic Commission or creating new ones on terms acceptable to all European states, regardless of their social system and within the frameworks of the UN, where the Soviet Union had the right of veto. The Soviet Foreign Ministry proposed to convene a conference of European countries to discuss the creation of a pan-

⁵⁸ Подробности см.: *Ченук В. Н.* Позиция СССР по вопросу западноевропейской интеграции во второй половине 1950-х гг. // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: XXV юбилейная ежегодная международная научная конференция - Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД), Санкт-Петербург. 2019. С. 297-303.

⁵⁹ *Mueller W.* A Good Example of Peaceful Coexistence? The Soviet Union, Austria, And Neutrality, 1955–1991. Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien, 2011. P. 145.

European organization for the peaceful use of nuclear energy, which would be the regional branch of the International Atomic Energy Agency. On the issue of economic cooperation, the Soviet Union proposed to conclude an "overall European agreement on economic cooperation" that provided for a more favorable provisions for the development of European trade, cooperation in transport, science and technologies⁶⁰.

However, the Soviet's proposals did not arouse much interest of the Six. In France supported the idea of cooperation with the Soviet Union, but on the Western terms and offered the USSR to join the General Agreement on Trade and Tariffs (GATT) to find common ground⁶¹. In Germany apprehended that in the result of cooperation on Soviet terms, the Soviet Union would benefit the most and at the same time create many economic problems. Therefore, a group of European states formed "a new closed organization to counter the other"⁶², particularly, to the Comecon within the Soviet bloc. In Italy, the statement of the Soviet Foreign Ministry called as "Moscow's sabotage maneuver against the European union" and suggested that the Soviet government by its statement would only accelerate the implementation of the projects of Euratom and the Common Market. According to the Italian publicist V. Roberti, "Europeanism acted as a new and unique ideology could resist the plans for spreading communism". Furthermore, he suggested that the Soviet's proposals for pan-European cooperation was an "official declaration of war on Euratom and the Common Market"⁶³.

Contrary to the Soviet position, the United States supported Euratom and supranational European integration. Trying to convince the Soviet leaders not to oppose the integration of West Germany, the U.S. officials argued that the main political reasons for the USA to support the European supranational project of Euratom was the German question and the desire to prevent the proliferation of atomic weapons. Furthermore, the establishment of a supranational institution with the authority of the Government allowed it to assume international obligations, including in security issues, and thus simplified controls to prevent the use of nuclear

⁶⁰ Подробности см.: *Ченук В. Н.* Позиция СССР по вопросу западноевропейской интеграции во второй половине 1950-х гг.... Санкт-Петербург. 2019. С. 299–301.

⁶¹ *Drouin P.* Is the Common Market heading for a trade war with the USSR? URL: <http://www.cvce.eu> (accessed: 15.12. 2018).

⁶² *Friedmann W.* (ed.) Moskau offeriert Europa Wirtschaftsplane/Suddeutsche Zeitung. Munchnerneueste Nachrichtenaus Politik, Kultur, Wirtschaft und Sport. 18.03.1957. URL: <http://www.cvce.eu> (accessed: 15.12. 2018).

⁶³ *Hayoul M.* L'Euratom et les chances de l'Europe // La Revue nouvelle. 15.05.1956. № 5. Bruxelles. P. 505-512. URL:

http://www.cvce.eu/obj/l_euratom_et_les_chances_de_l_europe_dans_la_revue_nouvelle_15_mai_1956-fr-ecc89f4c-a8ac-4273-8179-2ee75e9fa43a.html (accessed: 10.04.2020).

energy for military purposes⁶⁴. That was why the United States had conditioned its readiness for large-scale cooperation on the peaceful use of nuclear energy only with a multinational body of the Six, and only if it were established on a supranational basis. According to U.S. Secretary of State J. Dulles, United States should "prepare for active measures to encourage the six countries to step up and expand their integration"⁶⁵. As a result, the inclusion of FRG into supranational integration projects such as the EEC and Euratom as from January 1958 could guarantee control over the Germany policy. It should be admitted that Khrushchev agreed to the US arguments. So, it did not seem like a problem any more for the Soviet Union that a would-be reunited Germany would become a member of the supranational European Communities. The only thing to remain for the Soviet's objections was the FRG membership in Western military alliances.

Another draft of a peace treaty with Germany was submitted by the Soviet Union in January 1959 г. It did not forbid the reunited Germany the European Communities membership [as the draft treaty was not mentioned of them], but excluded its membership in "any military alliance directed against any Power which was a party to this Treaty" [that is the Big Four – the USA, the USSR, the United Kingdom and France]⁶⁶. Reunited Germany should be considered free from the obligations associated with membership in the Warsaw Treaty Organization, the NATO and the Western European Union.

Thus, the United States managed to prevent détente to develop in the direction counter to the European integration. The new Soviet proposals on German reunification would have opened the possibility of pan-European cooperation with Germany as a member of the European Communities but not a member of defense and political blocks such as Warsaw Pact, WEU and NATO. However, the possibility of ending the Cold War was missed in the result of failure of the Four Power summit in Paris in 1960. The American plane reconnaissance flight over the Soviet territory undermined the Soviet leader confidence in the peaceful intentions

⁶⁴ Memorandum from John Foster Dulles to Dwight D. Eisenhower (9 January 1956). *Slaney W. Z.* (Ed.). *Foreign Relations of the United States, 1955-1957. Volume IV: Western European Security and Integration.* Washington: Department of State, 1986. P. 388-389. URL: http://www.cvce.eu/obj/memorandum_from_john_foster_dulles_to_dwight_d_eisenhower_9_january_1956-en-b16ff7aa-569a-46b6-9f8c-f66339001c52.html (accessed 10.04.2020).

⁶⁵ Установление дипломатических отношений между СССР и Германией (Обмен письмами между правительствами СССР и ФРГ об установлении дипломатических отношений, 13 сентября 1955 г.) / Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4 Современная история. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 918-919.

⁶⁶ Советский проект мирного договора с Германией (10 января 1959 г.) // Сборник документов по истории международных отношений. Книга 5. Россия, часть 2. Составитель Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 1813.

of the USA and made Khrushchev leave the summit. The first détente that began in 1952 had not been brought to its logical conclusion in May 1960.

Conclusion

Two groups of reasons can be identified that led to the USSR opposition to European integration both on an intergovernmental basis within the frameworks of the OEEC and on a supranational basis within the frameworks of the European Communities which included Germany.

1. Ideological reasons. For those reasons the USSR interpreted A. The world economy as a part of the global arena of struggle against imperialism. In view of this, the USSR should not have helped the imperialists to restore the economy in order to restrain the revolutionary rise. B. A would-be European federation as an unsustainable European union because of an ever-fiercer competition and a struggle for new markets and resources between the capitalists' countries.

2. Administrative reasons. A. The prospect of membership in the organizations such as the International Monetary Union, the International Bank of Reconstruction and Development, the General Agreement on Tariffs and Trade as well as OEEC prevented the USSR from exerting decisive influence on the decision-making process due to the fact that the United States along with the other Western European countries had a mechanical majority but the right of veto was not provided. As a result, the socialist's economy of the USSR would have been put under strict limits laid by the liberal principals of capitalist's economy. B. The aims of European Movement which gained political influence in Western and Northern Europe had not much in common with the "Three Power" agreements concluded in Yalta and Potsdam regarding to Germany status and the new borders in Eastern Europe.

In order to prevent or at least slow down the unification of the West which including Western Germany the USSR (1) refused cooperation within the Western European organizations; (2) established the new international Communist organization such as Cominform in September 1947; (3) established the Council of Mutual Economic Cooperation [COMECON] of the socialist countries of Europe except Yugoslavia in January 1949; (4) proclaimed the German Democratic Republic in October 1949 and accepted it into the COMECON in 1950. The opposition of the USSR to European integration could be mostly explained by the failure of the soviet plans to reunite Germany and make it neutral. On the other hand, the economic, military and political integration of the West which included the FRG made the Soviet diplomacy look for models of peaceful coexistence.

However, the Soviet policy of détente in 1952-59 proved to be an instrument to prevent not only the possibility of starting a new war from the German territory

but the involvement of Germany in the processes of European integration. On the other hand, U.S.-backed integration within supranational communities that limited the ability of an individual state to make an independent decision best guaranteed the prevention of the outbreak of a new war from the German territory.

Integration within the European Communities was an alternative model for organizing European security issues in contrast with the Soviet proposals for neutrality. In part, the United States managed to convince the USSR in the absence of a threat from Western Germany to be a member of the European Communities. As a result, the only problem left on the way to the unification of Germany and the end of the Cold War was Germany's membership in the military alliances such as NATO and the Warsaw Treaty Organization. In the case of its non-aligned status, the USSR was ready to admit Germany's membership in the EC. This would have created a precedent and contributed to the solution of the issue of EC membership of other neutral countries such as Austria. This would have also removed barriers for the pan-European cooperation as the USSR considered the possibility of joining the OECD in 1960-61. However, the chance for the unification of Germany and the end of the Cold War was thwarted by the failure of the Paris summit in May 1960.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Adomeit H. *The Imperial and Ideological Paradigm/Imperial Overstretch: Germany in Soviet Policy from Stalin to Gorbachev*. Nomos Verlagsgesellschaft mbH Stable Pres. URL: <http://www.jstor.com/stable/j.ctv941vkr.7> (accessed 10.04.2021).

Analiticheskaja zapiska sovetskogo posla v Vashingtone N. V. Novikova "Vneshnjaja politika SShA v poslevoennyj period". 22 sentjabrja, 1946 [Analytical note of the Soviet Ambassador to Washington N. V. Novikov "Foreign policy in the USA in a post-war period", 22 September, 1946], in *Sbornik dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij*. Kniga 4. Sostavitel' D. V. Kuznecov. Blagoveshensk, 2013. P. 961–962. (In Russian)

Аналитическая записка советского посла в Вашингтоне Н. В. Новикова "Внешняя политика США в послевоенный период". 22 сентября, 1946 // Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 961–962.

Baryshnikov V. N., Vozgrin V. E., Goncharova T. N., Evdokimova N. P., Klimova G. S., Sidorenko L. V., Sokolov O. V., Fokin V. I. *Ot nacional'nyh gosudarstv k edinoj Evrope: problemy evropejskoj integracii v XIX–XX vv. [From Nation states to a United Europe: problems of European integration in the 19th–20th centuries]*. St-Petersburg: Izdatel'stvo RHGA, 2016. 620 p. (In Russian)

Барышников В. Н., Возгрин В. Е., Гончарова Т. Н., Евдокимова Н. П., Климова Г. С., Сидоренко Л. В., Соколов О. В., Фокин В. И. От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2016. 620 с.

Bogaturov A. D., Averkov V. V. *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij 1945–2008 [History of International relations 1945–2008]*. Moscow: Aspekt-Press, 2010. 520 p. (In Russian)
Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений 1945–2008. М.: Аспект-Пресс, 2010. 520 с.

Brugmans H. *Europe, an open society* / Fédération (February 1947). № 25. URL: http://www.cvce.eu/obj/europe_an_open_society_from_federation_february_1947-en-0c6d2230-ad82-4a13-84f8-1e12c7415e46.html (accessed 10.04.2020).

Chepik V. N. Poziciya SSSR po voprosu zapadnoevropejskoj integracii vo vtoroj polovine 1950-x gg. [The position of the USSR on the issue of Western European integration in the second half of the 1950s], in *Rossiya i mir v novoe i novejshee vremya – iz proshlogo v budushhee: XXV yubilejnaya ezhegodnaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya - Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny`j universitet promy`shlenny`x tehnologij i dizajna* (SPbGUPTD), St-Petersburg. 2019. P. 297-303. (In Russian)

Чепик В. Н. Позиция СССР по вопросу западноевропейской интеграции во второй половине 1950-х гг. // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: XXV юбилейная ежегодная международная научная конференция - Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД), Санкт-Петербург. 2019. С. 297-303.

Churchill W. *Speech, Zurich. 19th September, 1946*. The Churchill Society. London. URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html> (accessed 10.04.2020).

Churchill W. *Message to Europeans* (The Hague, 10 May 1948) / Congress of Europe: The Hague-May, 1948: Resolutions. London-Paris: International Committee of the Movements for European Unity, 1948. P. 15-16.

URL: http://www.cvce.eu/obj/message_to_europeans_the_hague_10_may_1948-en-b14649e7-c8b1-46a9-a9a1-cdad800bccc8.html (accessed 10.04.2020).

Deklaraciya Konferencii predstavitelej Kommunisticheskoj partii Jugoslavii, Bolgarskoj rabochej partii (kommunistov), Kommunisticheskoj partii Rumy`nii, Vengerskoj kommunisticheskoj partii, Pol`skoj rabochej partii, Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (bol`shevikov), Kommunisticheskoj partii Francii, Kommunisticheskoj partii Chexoslovakii i Kommunisticheskoj partii Italii po voprosu o mezhdunarodnom polozhenii (Shklarska Poremba, Pol`sha, 28 sentyabrya 1947 g.) [Declaration of the Conference of Representatives of the Communist Party of Yugoslavia, the Bulgarian Worker's Party (Communists), the Communist Party of Romania, the Hungarian Communist Party, the Polish Workers' Party, the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Communist Party of France, the Communist Party of Czechoslovakia and the Communist Party of Italy on the question of the international situation (Szklarska Poreba, Poland, September 28, 1947), in *Sbornik dokumentov po istorii mezhdunarodny`x otnoshenij*. Kniga 4. Novejshaya istoriya. Sostaviteľ D. V. Kuznecov. Blagoveshhensk, 2013. S. 1182-1183. (In Russian)

Декларация Конференции представителей Коммунистической партии Югославии, Болгарской рабочей партии (коммунистов), Коммунистической партии Румынии, Венгерской коммунистической партии, Польской рабочей партии, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Коммунистической партии Франции, Коммунистической партии Чехословакии и Коммунистической партии Италии по вопросу о международном положении (Шклярска Поремба, Польша, 28 сентября 1947 г.) / Сборник

документов по истории международных отношений. Книга 4. Новейшая история. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 1182-1183.

Drouin P. *Is the Common Market heading for a trade war with the USSR?* URL: <http://www.cvce.eu> (accessed: 15.12. 2018).

Fainsod M. Soviet Foreign Policy, in *Naval War College Review*. May, 1956. Vol. 8. No. 9. P. 1-18. U.S. Naval War College Press Stable. URL: <http://www.jstor.com/stable/45117891> (accessed 10.04.2021).

Friedmann W. (ed.) *Moskau offeriert Europa Wirtschaftsplane/Suddeutsche Zeitung. Munchnerneueste Nachrichten aus Politik, Kultur, Wirtschaft und Sport*. 18.03.1957. URL: <http://www.cvce.eu> (accessed: 15.12. 2018).

From the Report of the Central Committee of the CPSU to the Twentieth Congress (Moscow, February 14, 1956) Report of the First Secretary of the CPSU Central Committee N.S. Khrushchev / Collection of documents on the History of International Relations. Book 4 Modern History. Compiler D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, 2013. P 968-970.

Granieri R. J. *The Ambivalent Alliance. Konrad Adenauer, the CDU/CSU, and the West, 1949–1966*. Berghahn Books New York, Oxford, 2020. 365 p.

Haeussler M. *A 'Cold War European'? Helmut Schmidt and European integration, .1945–1982*, in *Cold War History*. 2015. Vol. 15. No. 4. P. 427–447. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/14682745.2014.989841> (accessed 10.04.2021).

Hayoul M. L'Euratom et les chances de l'Europe, in *La Revue nouvelle*. 15.05.1956. № 5. Bruxelles. P. 505-512. URL: http://www.cvce.eu/obj/l_euratom_et_les_chances_de_l_europe_dans_la_revue_nouvelle_15_mai_1956-fr-ecc89f4c-a8ac-4273-8179-2ee75e9fa43a.html (accessed: 10.04.2020).

Jonsson S. *Clashing Internationalisms: East European Narratives of West European Integration*. URL: <http://www.jstor.com/stable/j.ctv9hj72r.6> (accessed 10.09.2021).

Lipkin M. A. *Sovetskij Soyuz i integracionny`e processy` v Evrope seredina 1940-x – konec 1960-x godov [The Soviet Union and integration processes in Europe mid-1940s–late 1960s]*. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 2016. 560 p. (In Russian)
Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе середина 1940-х – конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.

Memorandum from John Foster Dulles to Dwight D. Eisenhower (9 January 1956). Foreign Relations of the United States, 1955-1957. Volume IV: Western European Security and Integration. Washington: Department of State, 1986. P. 388-389. URL: http://www.cvce.eu/obj/memorandum_from_john_foster_dulles_to_dwight_d_eisenhower_9_january_1956-en-b16ff7aa-569a-46b6-9f8c-f66339001c52.html (accessed 10.04.2020).

Mueller W. *A Good Example of Peaceful Coexistence? The Soviet Union, Austria, And Neutrality, 1955–1991*. Wien: Verlag der Österreichische Akademie, 2011. 383 p.

Mueller W. *Die UdSSR und die europäische Integration* / Michael Gehler (ed.), From the Common Market to European Union Building: 50 Years of the Rome Treaties. Vienna: Böhlau, 2009. 640 p.

Narinskij M. M. SSSR i plan Marshalla: po materialam arhiva Prezidenta RF [The USSR and the Marshall Plan: based on materials from the archive of the President of the Russian federation], in *Novaja i novejšaja istorija*. 1993. № 2. P. 11–19. (In Russian)

Наринский М. М. СССР и план Маршалла: по материалам архива Президента РФ // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 11–19.

Otchetnyj doklad Central'nogo komiteta Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza XX s#ezdu partii (Moskva, 14 fevralja 1956 g.). Doklad Pervogo sekretarja CK KPSS N. S. Hrushheva [Report of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union to the 20th Party Congress (Moscow, February 14, 1956). Report of the First Secretary of the CPSU Central Committee N. S. Krushchev], in *Sobranie dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij*. Kniga 4. Sostavitel' D. V. Kuznecov. Blagoveshensk, 2013. P. 968-970. (In Russian)

Отчетный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии (Москва, 14 февраля 1956 г.). Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева // Собрание документов по истории международных отношений. Книга 4. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 968-970.

Rede von Kurt Schumacher über Deutschland und Europa (Nürnberg, 29. Juni 1947). Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 29. Juni bis 2. Juli 1947 in Nürnberg. Berlin, Bonn-Bad Godesberg: J.H.W. Dietz Nachf. GmbH, 1976. P. 35-56. URL:

http://www.cvce.eu/obj/rede_von_kurt_schumacher_uber_deutschland_und_europa_nurnberg_29_juni_1947-de4f4f783e-8b9d-4f39-96ce-b5061ff6b246.html (accessed 10.04.2020).

Rede von Kurt Schumacher über die Politik der Sozialdemokraten für Deutschland und Europa (Hamburg, 21.-25. Mai 1950). Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 21. bis 25. Mai 1954 in Hamburg. Bonn: Vorstand der SPD, 1950. P. 63-84. URL:

http://www.cvce.eu/obj/rede_von_kurt_schumacher_uber_die_politik_der_sozialdemokraten_fur_deutschland_und_europa_hamburg_21_25_mai_1950-de-e0daa5f4-6370-44c4-9f27-d65d5e76d816.html (accessed 10.04.2020).

Sovetskaya vneshnyaya politika v gody` xolodnoj vojny` (1945-1985 gg.). Novoe prochtenie [Soviet foreign policy during the Cold War (1945–1985). New reading]. Pod red. L.N. Nezinskogo. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1995. 508 p. (In Russian)

Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945-1985 гг.). Новое прочтение / Под ред. Л. Н. Нежинского. М.: Международные отношения, 1995. 508 с.

Sovetskij proekt mirnogo dogovora s Germaniej (10 yanvarya 1959 g.) [Soviet draft peace treaty with Germany (January 10, 1959)], in *Sbornik dokumentov po istorii mezhdunarodny`x otnoshenij*. Kniga 5. Rossiya, chast` 2. Sostavitel` D. V. Kuznecov. Blagoveshensk. 2013. P. 947-948. (In Russian)

Советский проект мирного договора с Германией (10 января 1959 г.) // Сборник документов по истории международных отношений. Книга 5. Россия, часть 2. Составитель Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 947-948.

Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the USSR about plans to create Euratom and the "common market." March 16, 1957 / Pravda. 17.03.1957, № 078. Moskva. URL: <http://www.cvce.eu> (accessed: 15.12. 2018).

Sty`kalin A.S. Problema e`ffektivnosti funkcionirovaniya Kominforma i motivy` ego rospuska v kontekste otnoshenij SSSR i stran sovetskogo bloka s Yugoslaviej. 1949–1956 [The problem of the effectiveness of the functioning of Cominform and the motives for its dissolution in the context of relations between the USSR and the countries of the Soviet bloc with Yugoslavia. 1949–1956], in *Slavyanovedenie*. 2014. No 1. Moscow: Rossijskaya akademiya nauk (RAN). P. 12-29. (In Russian)

Стыкалин А. С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // Славяноведение. 2014. No 1. М.: Российская академия наук (РАН). С. 12-29.

Text of the Address Delivered by the President of the United States Before the General Assembly of the United Nations in New York City. December 8, 1953. URL: https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/file/_Binder13.pdf (accessed 10.04.2020).

Ustanovlenie diplomaticheskix otnoshenij mezhdru SSSR i Germaniej (Obmen pis'mami mezhdru pravitel'stvami SSSR i FRG ob ustanovlenii diplomaticheskix otnoshenij, 13 sentyabrya 1955 g.) [Establishment of diplomatic relations between the USSR and Germany (Exchange of letters between the governments of the USSR and Germany on the establishment of diplomatic relations, September 13, 1955), in *Sbornik dokumentov po istorii mezhdunarodny'x otnoshenij*. Kniga 4 Sovremennaya istoriya. Sostavitel' D. V. Kuznecov. Blagoveshhensk, 2013. P. 918-919. Установление дипломатических отношений между СССР и Германией (Обмен письмами между правительствами СССР и ФРГ об установлении дипломатических отношений, 13 сентября 1955 г.) / Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4 Современная история. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 918-919.

Zapiska sovetskogo pravitel'stva pravitel'stvam SShA, Velikobritanii i Francii o mirnom dogovore s Germaniej «Zapiska Stalina» (10 marta 1952 g.) [Note from the Soviet government to the governments of the United States, Great Britain and France on the peace treaty with Germany “Stalin’s note” (March 10, 1952)], in *Sbornik dokumentov po istorii mezhdunarodny'x otnoshenij*. Kniga 4. Novejshaya istoriya. Sostavitel' D. V. Kuznecov. Blagoveshhensk, 2013. P. 906-907. Записка советского правительства правительствам США, Великобритании и Франции о мирном договоре с Германией «Записка Сталина» (10 марта 1952 г.) / Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4. Составитель Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 906-907.

Zayavlenie ministrov inostranny'x del SSSR, Albanii, Bolgarii, Chexoslovakii, Yugoslavii, Pol'shi, Rumu'nii i Vengrii o resheniyax Londonskoj konferencii po Germanii (Varshava, 24 iyunya 1948 g.) [Statement by the Foreign Ministers of the USSR, Albania, Bulgaria, Czechoslovakia, Yugoslavia, Poland, Romania and Hungary on the decisions of the London Conference on Germany (Warsaw, June 24, 1948)], in *Sbornik dokumentov po istorii mezhdunarodny'x otnoshenij*. Kniga 4. Novejshaya istoriya. Sostavitel' D. V. Kuznecov. Blagoveshhensk, 2013. P. 936-938. (In Russian)

Заявление министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Польши, Румынии и Венгрии о решениях Лондонской конференции по Германии (Варшава, 24 июня 1948 г.) // Сборник документов по истории международных отношений. Книга 4. Составитель Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. С. 936-938.

Zhukov Yu. N. Tajny` Kremlya. Stalin, Molotov, Beriya, Malenkov. Moscow, Terra - Knizhny`j klub, 2000. 548 p. (In Russian)

Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., Терра - Книжный клуб, 2000. 548 с.

Zubok V. M. *Nesostoyavshayasya imperiya. Sovetskij Soyuz v xolodnoj vojne ot Stalina do Gorbacheva [Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev]*. Moscow: ROSPAN, 2011. 671 p. (In Russian)

Зубок В. М. Несостоявшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. Москва: РОСПАН, 2011. 671 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

A. Sheldon-Duplaix

Шелдон-Дюпле Александр, независимый исследователь. Франция. Париж.

БАЛТИЙСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ: ВОЕННЫЕ РАПОРТЫ ОТ ФРАНЦУЗСКИХ ВМФ В СКАНДИНАВИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ (1914–21 И 1939–43)

Французские военно-морские атташе в Скандинавии сыграли значительную роль в обеих мировых войнах, на разных уровнях. Во время Первой мировой войны (1914-18) и первой военной операции Франции во время Второй мировой войны (1939-40) их роль была как политической, так и оперативной, они сообщали о нарушении Скандинавией нейтралитета, передвижениях кораблей, экономической войне; с помощью менее заметных помощников военно-морских атташе они также действовали на тайном уровне, нарушение нейтралитета Скандинавии, создание агентурных сетей, соблазнение немецких дезертиров, пресечение немецких диверсий против судоходства союзников в 1917-18 годах, планирование и провал трех военных акций в 1940 году. После поражения Франции в июне 1940 года военно-морские представители Виши в Швеции стали важными посредниками, поддерживая связь с Великобританией, бывшим союзником, формируя геополитические взгляды руководства Виши, сообщая уже в 1942 году о преследованиях евреев и неизбежности поражения стран Оси.

Ключевые слова: французский военно-морской флот; военно-морские атташе; Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия; Первая мировая война; Вторая мировая война; режим ВИШИ; Маннергейм.

A. Sheldon-Duplaix

A BALTIC INFORMATION NETWORK: PERCEPTIONS AND WAR REPORTS FROM FRENCH NAVAL ATTACHÉS IN SCANDINAVIA AND THEIR IMPACT (1914-21 AND 1939-43)

French naval attachés in Scandinavia played a significant role in both World's Wars, at different levels. During the First World War (1914-18) and France's first belligerency during the

Second World War (1939-40), their role was both political and operational, reporting on Scandinavian breached neutralities, ships movements, economic warfare; with the help of less visible assistant naval attachés, they also acted at the clandestine level, breaching Scandinavian neutralities, establishing networks of agents, seducing German deserters, foiling German sabotage against Allied shipping in 1917-18, while planning and failing to conduct three military actions in 1940. Following France's defeat in June 1940, the Vichy Naval representatives in Sweden became important intermediaries, maintaining communications with Britain, the former Ally, shaping Vichy's leadership geopolitical views, reporting as early as 1942 on Jewish persecutions and the inevitability of the Axis defeat.

Keywords: French navy; naval attachés; Denmark, Sweden, Norway, Finland; World War One; World War Two; Vichy regime; Mannerheim.

In the aftermath of the 1870 disaster, the French Marine Ministry created an intelligence bureau (1st Section renamed 2nd Bureau in 1922) tasked to manage a network of naval attachés following the posting of the first naval attaché in London in 1856. This system was extended to nineteen countries in 1913 including six in the Baltic starting in 1886 and nine in 1939¹. While at first the network consisted of just three attachés in Russia, Denmark and Germany, the second serving as nonresident in Sweden and Norway, the network underwent drastic changes during the two World Wars and the interwar period with the creation of assistant naval attachés tasked to conduct illegal activities against France's main adversary, Germany, its allies, and the host country, when it partnered with Germany.

This presentation will focus on the attaché role in the Scandinavian countries during the First and Second World Wars. It is based specifically on the studies conducted after the Great War by the French Naval War College and on the attaché reports from Sweden and Finland during the 1939-1943 period.

The constitution of an attaché network in the Baltic area started in 1886 in St-Petersburg, Russia followed by Copenhagen, Denmark (1888), with non-residence in Sweden and Norway, followed by Berlin, Germany in 1895².

During the Great War the naval attaché in Denmark extended its network to Stockholm, Sweden and Kristiana, Norway with assistant naval attachés managing secret services ("Service de Renseignements", SR, for Intelligence services). In the interwar period, the Naval attaché in newly created Poland was also nonresident in Estonia, Finland, Latvia, Lithuania, Sweden while the Navalattaché in Germany was

¹ *Salkin-Laparra G.* Marins et diplomates, les attachés navals, 1860-1914. Vincennes, 1990; *Sheldon-Duplaix A.* Le renseignement naval français des années 1850 à la Deuxième Guerre mondiale // *Revue Historique des Armées.* 4/2001. P. 47-64.

² *Ibid.*

nonresident in Denmark and Norway³. In 1939 and before the German invasion, the latter moved to Denmark while Naval attachés were posted in Sweden, Finland, Norway, with assistants to handle secret services. After the June 1940 defeat, this network was reduced to a Naval attaché in Sweden, nonresident in Finland where he had an assistant.

The constitution of an attaché network in the Baltic area

YEARS	COUNTRY	
	Resident Naval attaché	Nonresident Naval attaché and/or Assistant Naval attaché
1886-1917	Russia	
1888-1926	Denmark	Sweden, Norway
1895-1914	Germany	
1926-1939	Poland	Estonia, Finland, Latvia, Lithuania, Sweden
1926-1939	Germany	Denmark, Norway
1939	Denmark	
1939	Norway	
1939	Finland	
1939	Sweden	
1940	Sweden	Finland

The naval necessity to create secret intelligence services in Denmark, Sweden, and Norway to conduct economic Warfare and monitor Germany from Scandinavian outposts.

With the outbreak of War on August 4th, 1914, Germany and Austro-Hungary virtually ceased all maritime traffic under their flag, making vain all efforts to intercept their vessels. The situation therefore required closer cooperation between the Allies to determine the registered consignees that could send goods to the enemy⁴. Reports from French diplomatic representations in neutral Scandinavia became of the utmost importance.

The French Navy regarded visits on the high seas as foolish if there was no supporting intelligence. Under the 1856's Declaration of Paris, enemy goods, except contraband of war could not be seized on neutral ships and neutral goods, except

³ *Tariel C. L.* (lieutenant de vaisseau). *Les missions navales dans les pays scandinaves*, Ecole de guerre navale, 1930-31.

⁴ *Michaud M.* *Guerre économique de 1914 au 1er mars 1915 // Ecole de guerre navale. 1925. 3.*

contraband of war, could not be seized on enemy ships. The French Navy needed intelligence to act. At first, rubber, major metals, leather, oil, glycerin, and cotton were not on the list of contraband even though they were being used by the defense industry. To France's discontentment, Britain did not want to prejudice its markets (cotton) and the United States. Washington protected the interests of its companies, such as Standard Oil, that included those of its German subsidiary Deutsche Petroleum Gesellschaft Hamburg. France aligned reluctantly⁵.

On October 25th, 1914, Admiral Moreau in charge of contraband met with the UK first Lord of the Admiralty Winston Churchill, and Edward Grey, the secretary of State for foreign affairs, for the first economic conference of the War. The list of contraband grew from twelve to twenty-six items, now including sulphuryl acid, rubber, copper, oil and major metals and minerals. It was now up to the owner to prove that the destination was innocent. However, cotton remained out of the list following British and American opposition. It was important to control that information in neutral countries around the Baltic, namely Denmark, Norway, Sweden⁶.

In Paris, the French Navy Intelligence bureau 's inability to provide intelligence on German submarines during the first two years of the Great War on the one hand and the demands of the economic blockade against the Central Empires on the other hand, prompted the creation in 1915-16 of a clandestine branch (SR) running secret agents. Bordering Germany, the Baltic theater became a privileged area for the deployment of those agents. Secret naval intelligence became of paramount importance to the Navy to make up for a critical lack of information.

On August 6, 1914, Captain Gontran de Faramond de La Fajole the naval attaché in Berlin, together with the French diplomatic staff were taken to the Danish border by German authorities. Faramond remained in Denmark where Paris decides to accredit him as naval attaché. From November 1916, he was assisted in Copenhagen by Auxiliary Commissioner Fournier, replaced in March 1917 by interpreter Officer 3rd Class Le Prevost. In June 1918, the latter was appointed assistant naval attaché, to run clandestine activities unbecoming to Faramond. A wireless operator and a sailor also supported the naval attaché office. Another precious collaborator since the beginning of 1917, was Blanche, the French consul in Esbjerg, near the German border. On August 7, 1916, the Navy Department sent its first instructions to Captain de Faramond and his deputies, Lieutenants Talpomba and Guibaud, who took up their postings in Stockholm and Kristiania. These guidelines focused on new constructions for the German Navy (especially

⁵ *Tariel C. L.* (lieutenant de vaisseau) *Les missions navales...* P. 20.

⁶ *Michaud M.* *Guerre économique de 1914 ...* P. 4-10

submarines), order of battle and activities, as well as economic intelligence on smuggling and blockade⁷.

De Faramond immediately established contact with the Russian naval attaché Beskorovsky, who had organized an intelligence service on Germany before the war. According to Faramond, «Beskorovsky is absolutely loyal, sharing all his information»⁸. This was also Faramond's opinion of Commander Consett, the British Naval Attaché in Kristiana, also accredited in Copenhagen, helpful to both.

Faramond also exchanged with Danish military intelligence providing his reports on the Schleswig border in exchange for statements of the movements of German submarines, information that Faramond treated with suspicion, thinking that they were underestimated to prevent an Allied intervention. Faramond employed Danish sales representatives traveling to Germany with limited success. Faramond had difficult relations with the French diplomatic representation and disagreed with their views calling for stronger action to pressure Denmark. The attaché was too well known and under surveillance by both the Danish authorities and German intelligence.

Consequently, the 1st section in Paris decided to create a parallel organization, independent from Faramond. In December 1915, a Dane nicknamed «Rouen» was recruited in Paris to establish a secret intelligence network in Denmark, distinct from the Naval attaché's network. His SR «Marine» Copenhagen soon became well informed about the economic and moral situation of Germany thanks to its agents. During 1917, German deserters provided information on submarines and the Navy's organization (Heligoland, the Elbe, the Jade). At the end of 1917, the Danish police and the German counterintelligence managed to thwart the service. On April 9, 1918, "Rouen" and most of his agents were arrested⁹. The services of Lieutenant Talpomba and Guibaud in Sweden and Norway were also independent from Faramond, an essential condition for the information to be transmitted without delay to Paris.

In Stockholm Talpomba was on hostile territory. Supportive of Germany for economic, cultural, and scientific reasons as much as for fear of Russia, Sweden was hostile to the Entente. King Gustave V was openly Germanophile. He advocated the formation of a Scandinavian block led by Sweden and which could assist the Central Empires. Norway's opposition thwarted this project¹⁰.

Helped by two deputies, Talpomba demanded from the six French consuls in Swedish ports to report on the merchant ships' movements. Except for one, all refused, leading the French minister in Stockholm to dismiss two, including the

⁷ *Tariel C. L.* (lieutenant de vaisseau). *Les missions navales...* P. 20-25.

⁸ *Ibid.* P. 20-25.

⁹ *Ibid.* P. 20-25.

¹⁰ *Tariel C. L.* (lieutenant de vaisseau). *Les missions navales...* P. 26.

French consul in Lulea, the port of embarkation for Swedish iron ore bound for Germany. In August 1916, Sweden closed the Kogund pass with mines, blocking the entry and exit of the Baltic to belligerent submarines, affecting in practice British and Russian units, German submarines now crossing into the North Sea through the Kiel canal. At the same time, the Swedish Navy escorted German freighters traveling from Gothenburg and Lulea to Stettin and Lubeck. In November 1916, Talpomba proposed two special operations: the bombardment of a point on the German coast with an airplane from Sweden and a trap to lure German torpedo boats into the North Sea. Considered too risky compared to the expected benefit, Paris rejects them. After a year in office, Talpomba had developed excellent relations with the allied services, countering successfully German agents placing bombs on Allied merchant ships in Swedish and Norwegian ports. This case caused such a stir that Norway seemed on the verge of declaring war on Germany. The King of Sweden then tried to discredit Talpomba by accusing him of having placed bombs on board an English freighter to harm Germany. Sweden was after Talpomba. The attaché was closely monitored, with his mail being opened and sometimes confiscated by Sweden. On October 7, 1917, the Quai d'Orsay addressed a formal protest to the Swedish government. In December, Paris instructed Talpomba to henceforth employ an intermediary to deal with his agents¹¹.

Lieutenant Guibaud took up his duties in Norway on March 1, 1917. His three deputies were based in Kristiana, Tromsø and Bergen. Guibaud struggled to recruit agents. He explained that “the Norwegian is the most neutral of neutrals, almost indifferent to international politics, with the exception of Swedish ambitions”; unlike Faramond, Guibaud received little from Consett, the British naval attaché, much better acquainted and less prone to share. Discreetly, Guibaud inquired about defense of the country in the event of Norway joining the Entente, a hypothesis that the Norwegians contemplated while refusing to discuss it. Guibaud proposed the organization of an Anglo-American naval base in Stavanger while the General Staff in Paris preferred Kristiania¹².

From August 1918, the Navy General Staff in Paris changed the orientation of its attachés in Scandinavia. Finland and Russia were the new priorities. The conditions of Lenin’s arrival in Petrograd had not been forgotten. Besides monitoring German endeavors to evade the terms of the Armistice, attempts which the Germans and the Russians might make to introduce agitators into France were a great concern¹³. Consequently, Talpomba redirected his efforts in Finland. In April 1919, he sent Auxiliary Lieutenant Alexeiev, a former lieutenant-commander in the

¹¹ Ibid. P. 27-33.

¹² *Tariel C. L.* (lieutenant de vaisseau). *Les missions navales...* P. 34.

¹³ Ibid. P. 38.

Imperial Russian Navy, to Helsinki while Lieutenant Ziegler crossed into Russia to follow General Youdenich's offensive against Petrograd. Auxiliary lieutenant Alexeiev, was also sent on a secret mission to Petrograd in the spring of 1919, distinguishing himself by sabotaging the machinery of the icebreaker *Yermak*. Yet, the prospects for the Entente seemed unencouraging. As early as October 1918, reports from agents sent to Russia estimated an Anglo-French intervention ineffective; at the end of November 1919, it was reported that on the northern front English soldiers were fraternizing with the Reds". While on November 30, 1918, a Bolshevik representative in Stockholm had declared that he doubted the success of an Entente intervention in southern Russia, the French mission in Russia was adamant that such an intervention would be fatal to the Reds. But the Bolshevik estimate collected by Talpomba proved to be correct, the Entente failing to overturn the course of events in the Russian Civil War. In the Black Sea Fleet, the French squadron was plagued by mutinies fueled by the Bolshevik propaganda¹⁴.

On February 1st, 1919, the Navy General Staff in Paris decided to recall Guibaud while Talpomba resumed his duties in Stockholm, closing the post in March 1921. By then, the situation in Russia and the Baltic countries had stabilized. In October 1919, de Faramond left Copenhagen for Helsinki, replaced by Captain Lagrenée until June 1922¹⁵.

Overall, the emergence of a clandestine collection branch was a major development which enabled France to obtain valuable naval, economic, and political intelligence on Germany and Russia, both during the War and the Bolshevik Revolution.

Following the practices adopted during the Great War, assistant naval attachés in charge of secret naval intelligence were posted in Berlin, Warsaw, Stockholm, Riga, Helsinki during the 1920s. An Intelligence requirement plan had been set up, to deal with all aspects of naval developments. But in November of 1926, Fernet, the new head of the 2nd Bureau, expressed his frustration: «...we must get rid of this paper jugglery: we must direct the flow and not be directed by it...» Fernet went on stigmatizing the encyclopedic character of the instructions given to the officers sent abroad, and the lack of synthesis. Attachés were instructed to limit the number of their reports while improving their quality and relevance¹⁶. Soon enough the mounting tensions in the 1930s, forced the Navy to refocus its effort, Scandinavia becoming a key element of France's strategy during its initial belligerency against Germany, in support of Poland (September 1939-July 1940).

¹⁴ Ibid. P. 38-40.

¹⁵ Ibid. P. 43.

¹⁶ *Sheldon-Duplaix A. Le renseignement ... P. 60.*

September 1939-July 1940: the importance of Scandinavia in French War plans.

On September 2nd, 1939, the Navy 2nd Bureau was reinforced and restructured as part of the War plans and the Secret intelligence (SR) was detached from the 2nd Bureau to form a new body, a 5th Bureau. Reservists, mainly translators, were assigned to foreign countries, bringing the total complement to 260 personnel in twenty-nine locations including twenty-two Embassies. The French Admiralty thus had five observation balconies all around the Baltic in the Baltic States, Finland, Sweden, Denmark to study Germany, the immediate adversary, and the USSR, the prospective adversary, which invaded Finland on November 30, 1939¹⁷.

In Stockholm, Commander Lambert was assisted by ethnologist Paul Emile Victor, whose knowledge of the great North was precious. The question of Franco-British assistance to Finland was coupled with a planned operation against the "iron ore route" between Sweden and Germany. Head of the 2nd bureau of the Admiralty, Captain Samson estimated that by cutting this route, the allies could asphyxiate Germany in two years and win the war¹⁸.

Intervention in Finland was therefore at the heart of Franco-Swedish relations during the first quarter of 1940. French public opinion reacted much more strongly to events in Finland than to those in Poland. On March 19, 1940, the Daladier government fell because it could not help Finland. But for the allies', helping Finland was part of a strategic plan to cut the Swedish iron ore route to Germany: the iron route ran in winter through Narvik in Norway and in summer through Lulea in Sweden. By crossing these two countries to help Finland, the Franco-British expeditionary force could close the Swedish mines to Germany. They first plan an operation against Petsamo, in Lapland, which would also make it possible to seize Finnish nickel. Commanding Finnish forces, Marshal Carl-Gustav Mannerheim preferred passage through Narvik and Lulea while worrying about the consequences and the possible invasion of the two Scandinavian kingdoms by Germany. For this reason, the Finnish government never asked for the Franco-British intervention that Paris and London are calling for. As for Sweden, Lambert summarized its position «The terror of the consequences that this intervention could entail is the basis of the Stockholm government's position». As soon as he took office in September 1939, Lambert was instructed to promote French viewpoints in Swedish newspapers and to seek as much information as possible on strategic raw materials. In addition to the

¹⁷ *Sheldon-Duplaix A.* Le poste de l'attaché naval français à Stockholm (septembre 1939-mars 1943) // *Aselius, Gunnar et Caniart, Valérie* Ed. Quatre siècles de coopération militaire franco-suédoise, actes des journées d'études franco-suédoises organisées à Stockholm les 25 et 26 octobre 2005 et à Vincennes les 7 et 8 décembre 2006. Service historique de la défense (SHD). 2009. 204p.

¹⁸ *Caroff A.* La campagne de Norvège, 1940. Service Historique de la marine. 1955. 212 p.

use of the press, human intelligence is a privileged source of information for the naval attaché. The «War» and «Navy» intelligence posts of the Stockholm Intelligence Service (SDR or SR) employ informants, usually volunteers, and often well placed in northern European banking and industrial circles. In March 1940, the Soviets broke through the Finnish lines. In Helsinki, the leaders thought that the allied aid would arrive too late. On March 13 the Finnish plenipotentiaries concluded an armistice in Moscow¹⁹.

On April 9, German forces invaded Oslo, Kristiansand, Iggesund, Bergen, Trondheim and Narvik. On April 17 and 18, Allied forces landed at Namsos and Andalsnes in central Norway. Unable to contain the German forces, they had to evacuate on May 2. In the north, the allied forces landed on April 15 managed to retake Narvik on May 28. The invasion of the Netherlands and France forced the allies to repatriate their expeditionary force, relinquishing control of the two Scandinavian countries on the Atlantic seaboard. Fearing an imminent invasion of Sweden and living in fear of action by the 5th column against their premises in Stockholm, French military and naval attaches destroyed their archives in April 1940²⁰.

The propaganda activity was carried out in competition with that of the German naval attaché, Rear Admiral Steffan. The press office of the German legation was active with Germanophile newspapers such as the *Stockholm Tidningen* and the *Aftonbladet* or close to the Nazis such as the *Nationell Tidning*. Lambert provided documents and photographs to major daily newspapers to present the activities of the French Navy. Quoted by the main daily newspapers, the telegrams of the French agencies Havas and Reuters are more numerous than those of the information agency of the Reich DNB. While the Communist daily *Ny Dag* supported the Red Army in Finland against «Mannerheim's White Guards clique», it defended itself from any collusion with Germany, later highlighting the resistance of Norwegian Communists against the German invader²¹.

But beyond the press, the SR Marine sought more precise information from well-connected informants. One of its main goals was to identify and denounce Swedish companies or individuals who represented German interests.

On the front line, the naval attaché in Helsinki informed the Admiralty directly and retransmitted certain information to Stockholm, such as orders of battle for the Soviet Baltic fleet provided by Finnish sources. The hub of peace negotiations between the belligerents, the Soviet embassy in Stockholm and its charming

¹⁹ SHD Marine (Defense Historical Service, the archives of the French MoD), II BB7 St1, letter n. 42, AN Sweden to Admiralty, Stockholm, 22/2/1940.

²⁰ SHD Marine, II BB7 St1, letter, NA Sweden to Admiralty, Stockholm, undated, 8/1940.

²¹ Ibid. Letter n. 101, German propaganda, AN Sweden to Admiralty, Stockholm, 19/4/1940.

representative, Madame Kollontai, also constituted an objective for the military mission. An SR source in the Soviet legation mentioned disagreements at the top between Stalin and Molotov. But the most audacious clandestine operation was the plan to block the Swedish port of Lulea imagined in Paris. The Stockholm post was not involved for obvious reasons. The Admiralty preferred to act from Helsinki through Peltier, the naval attaché. Peltier was instructed to buy a freighter, recruit a crew, and sink the stone-laden ship in Lulea's harbor passes. Peltier was also about to buy the two Estonian submarines which would be rearmed in the Baltic by French crews to attempt a coup against the Kriegsmarine²².

July 1940-43: ambivalent role for the Vichy Naval attachés in Sweden and Finland, leaning towards the Allies while shaping Admiral Darlan's views on the inevitability of Germany's defeat.

With the successes of the Axis, and the defeat of France, the post of the naval attaché in Stockholm recovered the responsibilities of the four other posts to continue to inform the Admiralty installed in Vichy. As a non-resident attaché in Helsinki, he also followed the situation in occupied Denmark and Norway. Commander Marius Peltier and Lieutenant Commander Guillaume Rostand became successively Admiral Darlan's key sources of information on the war.

On August 1st, 1940, the naval attaché positions in Finland and Sweden were merged again. Peltier, the incumbent in Helsinki, was appointed in Stockholm. Speaking English, German, Spanish and Russian, Peltier had served in the Baltic during 1921-22 aboard the naval division sent by France to protect Poland and the Baltic States against Bolshevik Russia; later, he spent a year in Riga to pass his Russian interpreter certificate. But the key man of French intelligence in Finland was his assistant, Alexeev, mobilized in 1939-40 as assistant naval attaché in Finland who, besides Russian, could also speak Finnish.

Peltier was able to develop «trusting and friendly, often close» relations with the Swedish and Finnish navies. His instructions were to «maintain the French reputation» and «to observe events». France's prestige remained despite the defeat. Peltier was also tasked by Darlan and Samson to exchange intelligence with the British naval attaché, Captain Denham. Denham harbored little illusion on the possibilities to reconcile with France. «The French Navy will never forgive us Oran [the British attack against the French fleet in Mers El Kébir, on July 3rd, 1940]». Yet, Denham's reports on his exchanges with Peltier were sent to Commander Ian Fleming (father of the James Bond literary character) and the British political warfare department, helping to prepare propaganda broadcasts, targeting Vichy's sailors. In November 1941, Captain Denham entrusted Peltier with a special message

²² Ibid. CRR n. 6, NA Sweden to Admiralty, Stockholm, 16/1/1940.

from the British Admiralty, upon the initiative of the British Prime Minister Churchill, for Admiral Darlan. The content of this message is not known but Peltier had become a courier between London and Vichy via Stockholm²³.

Peltier's main activity remained to inform Admiral Darlan, Commander-in-Chief, and Minister of Marine from June 1940, taking over as Vice-President of the Council, Minister of Foreign Affairs, Minister of the Interior and Minister of National Defense in February 1941, making him the de facto head of the Vichy government. Captain Samson, head of the Navy 2nd bureau in Vichy, obtained for his Swedish counterpart, Captain Angelin, the Legion of Honor. In Finland, Peltier had made strong friendships during the weeks spent under Soviet bombardment. Mannerheim liked him. Relations with United States naval attachés were «unrestricted». Far from constituting acts of defiance, exchanges with the British attachés were pursued in full agreement with Vichy. In addition, Peltier took advantage of his perfect command of the Russian language to establish "close and unrestricted relations with the USSR military mission in Stockholm, and this until July 1941"²⁴.

From July 1940 to June 1941, Sweden and Finland lived under the threat of Soviet hegemony even as Germany increased its pressure on these two countries to obtain raw materials and send troops to occupied Norway. For Helsinki, Germany appeared more and more as the guarantee of its security against the USSR.

Early in June 1941, Peltier met with Commander Taradin, the new Soviet naval attaché. Peltier noted the unpopularity of the Germans, the resistance of the Norwegians and the hostility of the Danes in the face of Nazi brutality. Later that same month, Peltier travelled to Finland, reconnoitering Petsamo in northern Finland and the routes that allowed the transportation of German troops to Norway. Arrived in Rovaniemi he met a German colonel who made no secret of the movement of his soldiers towards the Russian border. Peltier returned directly to Stockholm to inform both Vichy and the Soviet military attaché²⁵.

Successor of Peltier after November 10, 1941, Lieutenant Commander Rostand lacked linguistic skills and Finnish experience. However, Rostand quickly learned Swedish, producing detailed reports of the local newspapers. In Finland and like Peltier, Rostand depended entirely on Alexeev whom he could hardly control. Mannerheim continued to display his Francophilia, upsetting protocol to invite Rostand to lunch and dinner the day they first met, introducing him to his staff officers, all former graduates of the Paris War College, and all French speakers²⁶.

²³ SHD, Marine, Oral history, Rear-Admiral Peltier.

²⁴ SHD, Marine, II BB7 St1, letter n. 18, NA Sweden to Admiralty, Stockholm, 24/4/1941.

²⁵ Ibid. Letter from Peltier to EMG/2, Paris 12/1/1945.

²⁶ SHD Marine, II BB7 St2, NA Sweden to Admiralty, Stockholm, 30/9/1942.

In Stockholm, Captain Angelin, head of Swedish naval intelligence invited Rostand to dinner six times over a little more than a year. But Rostand's critical contact remained the British naval attaché, Captain Denham. The latter described Rostand's position in November 1941: «Without intending to collaborate with us, he seems to want, like his predecessor, to help us understand the difficulties of his government and occasionally communicate intelligence to us...[according to Rostand], the fact that the Germans hold more than a million prisoners should prove that his [Vichy] government resists many German demands...on grounds which would have complicated matters for Great Britain.»²⁷. Rostand also cultivated the German attaché, something that his predecessor had been reluctant to do.

As early as February 1942, Rostand believed that the fall of Germany was «ineluctable». In March, Rostand reported on the racial policy implemented by the Reich: deportation of Poles to eastern Poland and Belarus, of Galicians to Ukraine. On August 3rd, Rostand called the fate reserved for the Jews «infamy» and seemed to suggest the existence of the “final solution” when he wrote. "As regards the Jews, all the information agrees to establish with what infamy they are treated, regardless of their origin; at the current rate, the Jewish question will no longer arise in Europe after the war». The naval attaché reported on the changing mood in Sweden, mainly through reading the press and chatting with Swedish officers. In March 1942, he noted a «horror of Communism as great as that of Nazism in this country where advanced socialism and ethnographic unity render Soviet extremist theories and German racial theories useless»²⁸.

Admiral Darlan's replacement by Pierre Laval as Vichy's Vice-president of the Council in April 1942 was very badly received in Stockholm and Rostand seemed to make Swedish criticisms his own. Taking shelter behind his local sources, he reported that «Mr. Laval and Mr. Quisling are exposed to the same judgment» Shortly after, he described Quisling as «a terrible scoundrel, barely contained by the Germans and who acts in all areas as a despot and a tyrant»²⁹.

Overall, Rostand noted a shift both in Sweden and in Finland towards the Allies. 1942 marked a turning point. Sweden found itself caught in a crossfire. Its cargo ships were torpedoed by Soviet submarines because they carried contraband of war to Finland. At the same time, Swedish fishermen were machine-gunned by German planes in the Skagerrak. In that context, the Swedish citizenry supported less and less the concessions made to the Reich. Rostand observed that the population was kept in the dark about German violations of Swedish neutrality for

²⁷ SHD Marine, Private papers Mangeot, GG2 167, Reference sheet, n. 604/1/303, Naval attaché Stockholm to the Director of Naval Intelligence, 28/11/1941.

²⁸ SHD Marine, II BB7 St2, CR n. 97, Notes on Germany, 3/8/1942.

²⁹ Ibid. CR activities, n. 1, NA Sweden to Admiralty, Stockholm, 18/4/1942.

fear of demonstrations: Ferry boat passages of Nazi forces increased dramatically from German occupied Copenhagen to Malmö (77 to 207), from Elsinore to Helsingborg (158 to 424), all those movements destined to reinforce the Axis in Norway. In Finland, the press detailed the Wehrmacht's setbacks, despite Helsinki's co-belligerency with Berlin. A Finnish newspaper reported: «From the Glacial Ocean to the Black Sea, the Russians launched a vast offensive; they are advancing everywhere except in Finland». As Rostand put it, «that's a kind way of saying one's deed to the great ally». He interpreted this article as evidence of dissent between two partners of necessity, Berlin having caused Helsinki's misfortune by signing the pact allowing Moscow to invade. From a conversation with Mannerheim, Rostand understood that the Finish Marshal no longer believed in a German victory. His worry was to secure conditions not too harsh for Finland³⁰.

The scuttling of the French fleet in Toulon following Germany's invasion of the Vichy Free Zone on November 28th, 1942, further undermined the legitimacy of Vichy's naval representations abroad. On December 12th, Rostand expressed openly his dissent in his digest of Swedish newspapers: «our Marshal [head of Vichy State Philippe Pétain] could be forgiven. taking into account his old age", but «M. Laval is considered a traitor to his country». Stating his "absolute certainty in the impossibility of a Nazi victory», Rostand's report was scribbled in the margin with a «shut up!» from his reader in Vichy. The handwriting may resemble that of the pseudo-collaborationist Lieutenant Commander Henri Rollin, recruited by the British Intelligence Service, and later exfiltrated from Vichy to London. Once a Vichy devout, chasing de Gaulle sympathizers within the Stockholm French legation, Rostand abandoned his post, resurfacing in Algiers, appointed executive officer of the light cruiser *Terrible*. Army Lieutenant-Colonel Poupard performed the duties of interim naval attaché until the transfer of the legation to the Provisional Government of the French Republic in August 1944³¹. Eager to return to Sweden, Rostand was denied the assignment, due to his earlier Vichy diligence.

Conclusions

French naval attachés in Scandinavia played a significant role in both World's Wars, at different levels. During the First World War (1914-18) and France's first belligerency during the Second World War (1939-40), their role was both political and operational, reporting on Scandinavian breached neutralities, ships movements, economic warfare; with the creation of assistant naval attachés, they also acted at the clandestine level, breaching Scandinavian neutralities, establishing networks of

³⁰ Ibid. NA Sweden to Admiralty, Stockholm, 30/9/1942.

³¹ SHD Marine, II BB7 St2, NA Sweden to Admiralty, Stockholm, 30/6/1942.

agents, seducing German deserters, foiling German sabotage against Allied shipping in 1917-18, while failing to conduct three military actions in 1940, most notably to help seizing Sweden's Iron ore mines, block Lulea's harbor and purchase Estonian submarines in the wake of Estonia's collapse.

During both Wars, those reports from Scandinavia potentially or effectively impacted policy making. Except for Anglo-Russian submarine operations, the Baltic remained largely a German lake during the Great War; in 1917-21, French naval attachés were at the forefront to assess the impact of the Bolshevik Revolution, on Russia and on Allied troops assisting White forces, exposed to a contagious and effective proletarian propaganda.

Following France's defeat in June 1940, the Vichy Naval representatives in Scandinavia became important intermediaries, first to maintain intelligence exchanges with Britain, a former Ally, immediate foe, and potential future Ally; one was even entrusted with a message, presumably by Churchill to Darlan; the second purpose was to assess War developments and inform Vichy on the outcome. In 1942, all indicators already pointed to the inevitability of the Axis defeat. The same year, the Stockholm Naval attaché entertained no illusion over the fate of the Jews, informing Vichy that they were being exterminated. In June 1941, Peltier also claimed to have informed the Soviet Embassy in Stockholm about German troops moving on Finnish territory towards the Soviet border. This claim cannot be substantiated by another source. It may explain how Peltier later became a Naval attaché in Moscow despite his loyalty to Vichy, late in the War³². During 1940-42, the Scandinavian naval attaché reporting helped shape Vichy's Admiral Darlan's geopolitical views. Reflecting the attaché's pessimist forecasts on the Reich's perspective, Darlan already foresaw its defeat during the Summer of 1941: "Gentlemen, Germany has lost the war!" Yet, Darlan reminded committed to a collaborationist policy, at least in the Allies' eyes, the Germans very much doubting his sincerity. During 1940-42, the two successive Stockholm attachés also influenced Britain's perception of the Vichy regime and British speculations on how to reconcile with the bulk of the French Navy, a "fleet in being", still very present in British minds, despite the Armistice's restrictions. The scuttling of the French fleet in Toulon on November 28th 1942, made that consideration suddenly less important, removing instantaneously the Naval attaché's legitimacy in Stockholm. Until then, and despite, France's defeat, the "fleet in being" still gave a status to Vichy France. The Swedes were especially sensitive to the parallel between their situation and that

³² Interview reported by Lehideux, August 1941 quoted by Couteau Begarie H., Huan C., Darlan. P. 445.

of Vichy, both States having to endure, resist and give way to German demands. With Laval replacing Darlan, Sweden distanced itself from Vichy.

Without a Navy, Vichy's Naval attaché had become irrelevant. Rostand rallied North Africa to resume war against Germany alongside the Allies while Peltier remained a Vichy loyalist, now heading the Section of Economic Studies (SEE) in the Merchant Marine Ministry. Tasked to analyze economic data to forecast War developments, the SEE is at the origin of France's National Institute of Statistics and Economic Studies (INSEE), created on 27 April 1946 and still in existence³³.

REFERENCES

- Caroff A. *La campagne de Norvège*, 1940. SHM, 1955. 212 p.
- Tariel C. L. (lieutenant de vaisseau). *Les missions navales dans les pays scandinaves, Ecole de guerre navale, 1930-31*.
- Michaud M. Guerre économique de 1914 au 1er mars 1915, in *Ecole de guerre navale*. 1925. 3.
- Salkin-Laparra G. *Marins et diplomates, les attachés navals, 1860-1914*. Vincennes, 1990.
- Sheldon-Duplaix A. Le renseignement naval français des années 1850 à la Deuxième Guerre mondiale, in *Revue Historique des Armées*. 4/2001. P. 47-64.
- Sheldon-Duplaix A. Le poste de l'attaché naval français à Stockholm (septembre 1939-mars 1943), in Aselius, Gunnar et Caniart, Valérie Ed. *Quatre siècles de coopération militaire franco-suédoise, actes des journées d'études franco-suédoises organisées à Stockholm les 25 et 26 octobre 2005 et à Vincennes les 7 et 8 décembre 2006*. Service historique de la défense (SHD), 2009. 204 p.

³³ SHD, Marine, Oral history, Rear-Admiral Peltier; <https://www.insee.fr/en/accueil> 10.

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Аранович, А. Н. Лукирский, А. К. Тучапский

Аранович Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, президент Санкт-Петербургского военно-исторического общества.

E-mail: aaranovitch@yandex.ru.

Лукирский Александр Николаевич, заместитель директора Государственного мемориального музея А. В. Суворова.

E-mail: suvorovmuseum@mail.ru.

Тучапский Артемий Кириллович, кандидат исторических наук, начальник службы культурно-массовой и патриотической работы Государственного мемориального музея А. В. Суворова.

E-mail: suvorovmuseum@mail.ru.

НОВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И СРАЖЕНИЯХ «РУССКОГО МАРСА» (А. В. СУВОРОВА)

Монография Б. Г. Кипниса «Непобедимый. Жизнь и сражения Александра Суворова» (Санкт-Петербург-Москва-Минск, 2022) представляет собой новое биографическое исследование, посвящённое великому полководцу. Автор повествует о жизни и деятельности генералиссимуса, основываясь на документах и воспоминаниях современников. Как и любое исследование, работа несвободна от некоторых недочётов, устранить которые при подготовке следующих изданий рекомендуют авторы рецензии.

Ключевые слова: рецензия, Б.Г. Кипнис, «Непобедимый. Жизнь и сражения Александра Суворова», XVIII век, военная история России.

А. V. Aranovich, A. N. Lukirsky, A. K. Tuchapsky

Aranovich Alexey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences Professor of St Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, President of St Petersburg Military Historical Society.

E-mail: aaranovitch@yandex.ru.

Lukirsky Alexander Nikolaevich, Deputy Director of the State Memorial Museum of Alexander Suvorov.

E-mail: suvorovmuseum@mail.ru.

Tuchapsky Artemiy Kirillovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Service of Cultural, Mass and Patriotic Work of the State Memorial Museum of the State Memorial Museum of Alexander Suvorov.

E-mail: suvorovmuseum@mail.ru.

NEW THOUGHTS ON LIFE AND BATTLES OF “RUSSIAN MARS” (A.V. SUVOROV)

The monograph by B. G. Kipnis "Invincible. The life and battles of Alexander Suvorov" presents a new biographical study dedicated to the great general. The author talks about the life and work of the generalissimo, based on documents and memoirs of contemporaries. Like any research, the work is not free from some shortcomings, which the authors of the review recommend to eliminate when preparing new editions.

Keywords: review, B. G. Kipnis, "Invincible. The life and battles of Alexander Suvorov", XVIII century, military history of Russia.

Безусловно, ярким событием 2022 года является выход в свет монографии петербургского историка Бориса Григорьевича Кипниса «Непобедимый. Жизнь и сражения Александра Суворова».

Борис Григорьевич – известный специалист по военной истории XVIII–XIX веков, автор многочисленных работ, многолетний участник военно-исторического движения, популяризатор отечественной истории.

Новая работа Б. Г. Кипниса – это биография «Русского Марса» – А. В. Суворова. Очевидно, что о Суворове написано очень много. Это и фундаментальные биографии, и многотомные описания отдельных кампаний, и работы, посвящённые сражениям и отдельным сторонам его жизни. Однако интерес к образу Суворова не угасает, а, наоборот, лишь возрастает. Это связано и с политической ситуацией: сейчас наша армия вновь ведёт боевые действия против коалиции мощных держав, причём сражения идут в Новороссии – на землях, вошедших в состав России в значительной мере благодаря победам Суворова. Вновь, как и в конце XVIII в., звучат Севастополь, Одесса, Мариуполь, Измаил, Очаков, Кинбурн... Резонанс в обществе вызывает и инициатива по канонизации полководца. Да и в целом образ Суворова стал одним из символов нашего народа. При этом следует отметить, что имя полководца по-прежнему окутано многочисленными легендами. Работа Бориса Григорьевича позволяет более детально погрузиться в тему, по-новому взглянуть на великого военачальника. На

страницах новой книги перед читателем предстаёт яркий образ человека и воина.

Яркая черта Б. Г. Кипниса как автора – темпераментное, глубоко личное отношение к своему герою. Сохраняя научность подходов, Борис Григорьевич не просто сухо излагает читателю результаты своего исследования, а рассказывает о живом, глубоко симпатичном ему человеке. Работа, как и всегда, написана живым языком. Читатель, знающий автора, как будто слышит голос и интонации замечательного лектора и рассказчика – Бориса Григорьевича.

Работа рассчитана на широкий круг читателей, безусловно, вызовет интерес и будет способствовать историческому просвещению и патриотическому воспитанию граждан. Однако жанр рецензии предполагает критику в адрес уважаемого автора рассматриваемого исследования.

Следует отметить, что Борис Григорьевич в основном ссылается на документы, почти не обращаясь к анализу историографии проблемы. Конечно, это не обязательное условие для работы, адресованной широкому кругу читателей (в этом новое издание напоминает книгу И. И. Ростунова «Генералиссимус Александр Васильевич Суворов»¹). Можно предположить, что автор намеренно «дистанцируется» от исследователей-предшественников, чтобы освободиться от заданных ими рамок, опирается прежде всего на документы и стремится взглянуть на героя глазами его современников. Это понятно и объяснимо, но перед более искушённым читателем ставится вопрос о научности и новизне работы. Разумеется, полностью от трудов предшественников автору не уйти. Например, глава, посвящённая солдатской службе А. В. Суворова, за неимением публикаций документов по этой теме, во многом опирается на работу А. В. Геруа «Суворов-солдат. 1742-1754. (Итоги архивных данных о его службе нижним чином)»².

Представляется, что даже краткий историографический очерк и список рекомендуемой литературы только обогатили бы работу Бориса Григорьевича. Было бы уместно напомнить читателю о классических работах А. Ф. Петрушевского³, Н. А. Орлова⁴ и исследованиях современных историков Н. Г. Рогулина, С. Э. Зверева, А. Б. Богданова, А. Л. Жмодикова, О. Г. Леонова⁵. В

¹ Ростунов И.И. Генералиссимус А.В. Суворов. М., 1989.

² Геруа А.В. Суворов-солдат. 1742–1754. (Итоги архивных данных о его службе нижним чином). СПб., 1900.

³ Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. В 3 т. СПб., 1884.

⁴ Орлов Н.А. 1) Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890; 2) Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г. СПб., 1892; 3) Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894; 4) Суворов на Треббии в 1799 году. СПб., 1895; 5) Поход Суворова в 1799 г. По запискам Грязева. СПб., 1898.

⁵ Рогулин Н.Г. «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб, 2005; Он же. Суворов: анекдоты, мифы заблуждения. СПб., 2020; Зверев С.Э. Военная риторика нового времени. СПб., 2012; Богданов А.Б. Суворов в 1799–1800 гг. СПб., 2000; Жмодиков А.Л. "Наука побеждать".

этом контексте, как представляется, было бы уместно и упоминание В. С. Лопатина⁶ и С. И. Григорьева⁷, которым автор высказывает благодарность.

При этом в работе могло бы быть больше ссылок на мемуарные произведения. При небольшом количестве известных источников это обедняет работу. Так, можно указать на отсутствие упоминания пространной записки А. Ф. Ланжерона⁸, где описаны его впечатления от штурма Измаила.

Думается, что книга лучше воспринималась бы читателем, была бы удобней, если бы в ней имелись иллюстрации (понятно, что это увеличило бы стоимость издания), список литературы, именной, хронологический, географический указатели, конечно – карты (они были бы крайне полезны читателю, который только знакомится с подвигами А. В. Суворова).

Важно отметить и некоторую небрежность издания (упрёк, скорее, не автору, а издательству). На его страницах мы встречаем многочисленные опечатки. Так, немецкий историк Г. Дельбрюк превращается в Дельбрюга (стр. 54), российский мемуарист А. Т. Болотов – в А. Г. Болотова (стр. 69-71). Досадно выглядит опечатка в указании года: «Свершилось! 6 февраля 1794 г. гром...» – конечно, имеется в виду 1799 г. (стр. 474).

Вызывают вопросы некоторые утверждения автора.

Например, на стр. 23. Б. Г. Кипнис пишет: «Остаётся признать, что Александр был тем, кого в России в XIX в. называли оригиналом, а ещё ранее – самородком... Можно было представить, как удивлён был отец..., обнаружив, что сын его мечтает о стезе военной. Не к такому он готовил Александра в своих мыслях, ибо все фамильные и служебные связи Василия Ивановича были статскими». Во-первых, почему автор определяет юного Александра в данном контексте как «оригинала»? Нет ничего удивительного в том, что молодой дворянин поступал на военную службу – такова была норма. Представляется, что слово «самородок» до XIX века использовалось в прямом смысле и обозначало кусок металла, а не одарённого человека. Во-вторых, трудно согласиться с тем, что «не к такому» готовил Василий Иванович своего сына: всё равно, как и сам Василий Иванович, недоросль Александр в соответствии с юридическими нормами и представлениями того времени должен был начинать карьеру со службы в гвардии. В-третьих, с

Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. СПб. -М., 2016; *Леонов О.Г.* Поход Суворова на Варшаву в 1794 году. М., 2021.

⁶ *Лопатин В.С.* 1) Потёмкин и Суворов. М., 1992; 2) *Он же.* Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка. М., 1997; 3) *Он же.* Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками: Письма. Документы. Воспоминания. Устные предания. М., 2001; 4) *Он же.* Светлейший князь Потемкин. М., 2005; 5) *Он же.* Потемкин и Суворов. М., 1992; 6) *Он же.* Суворов. М., 2012 и др.

⁷ *Григорьев С.И.* «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб., 2015.

⁸ URL: <http://www.adjudant.ru/suvorov/suvorov017.htm?ysclid=lhuf69477823975572>. Дата обращения: 18.04.2023.

введением Табели о рангах гражданские и военные чины были уравнены, и в XVIII века многие военные исполняли гражданские должности без переименования чинов на гражданский манер. Так, например, «статский» А. И. Ушаков, глава Тайной канцелярии, был подполковником лейб-гвардии Семёновского полка и генерал-аншефом; сослуживец В. И. Суворова по денщикам императора Петра, А. Б. Бутурлин, стал генерал-фельдмаршалом; пасынок А. И. Ушакова – С. Ф. Апраксин также дослужился до чина генерал-фельдмаршала; В. В. Фермор дослужился до генерал-аншефа, затем стал руководителем Канцелярии от строений, а в годы Семилетней войны вернулся на военную службу и командовал дивизией, в штабе которой служил А. В. Суворов. Одним словом, далеко не все «фамильные и служебные связи» В. И. Суворова были «статскими».

Приведённое выше утверждение не даёт ответа и на вопрос, почему Василий Иванович определил сына на службу лишь в 1742 г. Впрочем, 12-13 лет – вполне нормальный по тем временам возраст для зачисления в службу.

Хотелось бы пожелать автору быть точнее в некоторых формулировках. Так, на стр. 71 Борис Григорьевич пишет о «патенте на столбовое дворянство». Представляется, что официального документа под таким названием в Российской империи не было. Употребление такой формулировки по отношению к сенатору и генерал-аншефу В. И. Суворову и его сыну полковнику в реалиях 1760-х годов представляется не вполне корректным, поскольку карьера обоих представителей рода Суворовых уже вполне удалась.

Можно обратить внимание на неаккуратное цитирование мемуаров (воспоминания Г. Р. Державина о выезде его как гвардейского сержанта в 1767-1772 годах; стр. 37), в результате чего события второй половины царствования императрицы Екатерины II переносятся на 20 лет раньше.

На стр. 33 автор пишет: «В 1746 г. тут возвели и освятили деревянную полковую церковь в честь праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, а потому и полковой праздник отмечался 9 ноября по старому стилю». Однако в этом высказывании нарушается логическая последовательность (полковой праздник в день Введения во храм Пресвятой Богородицы был установлен ещё императором Петром I, и уже в честь полкового праздника был возведён храм) и допускается неточность в указании даты праздника (это 21 ноября по старому стилю, а не 9 ноября, как указано в работе).

Встречаются и другие неточности в указании дат. Например, на стр. 583 говорится: «Итак, 11 сентября (старый стиль) армия начинает движение». Но войска выступили из Таверно 10 сентября по старому стилю 1799 г.

Надеемся, что автор устранил указанные недочёты. Это делает работу лучше и удобней для читателя.

В заключение ещё раз повторим, что подобные книги – научные, но при этом написанные живо и увлекательно – крайне необходимы, особенно сейчас. «Непобедимый» не затеряется в длинном ряду исследований о Суворове.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Baryshnikov V. N., Goncharova T. N., Kipnis B. G., Sidorenko L. V., Steckeovich E. S., Steckeovich M. S., Plenkov O. Ju., Chepik V. N. *Fenomen kontrrevoljucii v istorii: Sravnitel'nyj analiz postrevoljucionnyh praktik v Evrope Novogo i novejshego vremeni [The phenomenon of counter-revolution in history: Comparative analysis of post-revolutionary practices in Europe of Modern and Contemporary times]*. St-Petersburg: Izd-vo RHGA, 2021. 521 p. (In Russian)

Барышников В. Н., Гончарова Т. Н., Кипнис Б. Г., Сидоренко Л. В., Стецкевич Е. С., Стецкевич М. С., Пленков О. Ю., Чепик В. Н. Феномен контрреволюции в истории: Сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2021. 521 с.

Bogdanov A. V. *Suvorov v 1799–1800 gg. [Suvorov in 1799–1800]*. St-Petersburg, 2000. 270 p. (In Russian)

Богданов А. В. Суворов в 1799–1800 гг. СПб., 2000. 270 с.

Gerua A. V. *Suvorov-soldat. 1742–1754. (Itogi arhivnyh dannyh o ego sluzhbe nizhnim chinom) [Suvorov-soldier. 1742–1754 (Results of archival data on his service as a lower rank)]*. St-Petersburg: tip. Gl. upr. udelov, 1900. 104 p. (In Russian)

Геруа А. В. Суворов-солдат. 1742–1754. (Итоги архивных данных о его службе нижним чином). СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1900. 104 с.

Grigor'ev S. I. «...Kafir ves'ma krutogo nrava»: A. V. Suvorov i Krymskoe hanstvo (1771–1779) [«...A Kafir of a very tough character»: A. V. Suvorov and the Crimean Khanate (1771–1779)]. St-Petersburg: Gos. memorial'nyj muzej A. V. Suvorova, 2015. 548 p. (In Russian)

Григорьев С. И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А. В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб.: Гос. мемориальный музей А. В. Суворова, 2015. 548 с.

Zhmodikov A. L. "Nauka pobezhdat". *Taktika russkoj armii v jepohu napoleonovskih vojn [“The science of winning”. Tactics of the Russian army in the era of the Napoleonic wars]*. St-Petersburg: Evrazija; Moscow: Klio, 2016. 859 p. (In Russian)

Жмодиков А. Л. "Наука побеждать". Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2016. 859 с.

Zverev S. Je. *Voennaja ritorika novogo vremeni [Military rhetoric of Modern times]*. St-Petersburg: Aletejja, 2012. 397 p. (In Russian)

Зверев С. Э. Военная риторика нового времени. СПб.: Алетея, 2012. 397 с.

Leonov O. G. *Pohod Suvorova na Varshavu v 1794 godu [Suvorov's campaign against Warsaw in 1794]*. Moscow: Russkie Vitjazi, 2021. 156 p. (In Russian)

Леонов О. Г. Поход Суворова на Варшаву в 1794 году. М.: Русские Витязи, 2021. 156 с.

- Lopatin V. S. *Potjomkin i Suvorov [Potemkin and Suvorov]*. Moscow: Nauka, 1992. 287 p. (In Russian)
- Лопатин В. С. Потёмкин и Суворов. М.: Наука, 1992. 287 с.
- Lopatin V. S. *Ekaterina II i G.A. Potjomkin. Lichnaja perepiska [Catherine the Second and Potemkin. Personal correspondence]*. Moscow: Nauka, 1997. 989 p. (In Russian)
- Лопатин В. С. Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. М.: Наука, 1997. 989 с.
- Lopatin V. S. *Zhizn' Suvorova, rasskazannaja im samim i ego sovremennikami: Pis'ma. Dokumenty. Vospominanija. Ustnye predanija [The life of Suvorov, told by himself and his contemporaries: Letters. Documentation. Memories. Oral traditions]*. Moscow: Terra, 2001. 589p. (In Russian)
- Лопатин В. С. Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками: Письма. Документы. Воспоминания. Устные предания. М.: Терра, 2001. 589 с.
- Lopatin V. S. *Svetlejshij knjaz' Potemkin [His Serene Highness Prince Potemkin]*. Moscow: OLMA-Press, 2005. 475 p. (In Russian)
- Лопатин В. С. Светлейший князь Потемкин. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 475 с.
- Lopatin V. S. *Suvorov*. Moscow: Molodaja gvardija, 2012. 445 p. (In Russian)
- Лопатин В. С. Суворов. М.: Молодая гвардия, 2012. 445 с.
- Orlov N. A. *Shturm Izmaila Suvorovym v 1790 godu [Storming of Izmail by Suvorov in 1790]*. St-Petersburg: tip. Trenke i Fjusno, 1890. 197 p. (In Russian)
- Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1890. 197с.
- Orlov N. A. *Suvorov. Razbor voennyh dejstvij Suvorova v Italii v 1799 g. [Suvorov. Analysis of Suvorov's military actions in Italy in 1799]*. St-Petersburg: tip. Trenke i Fjusno, 1892. (In Russian)
- Орлов Н. А. Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1892. 362 с.
- Orlov N. A. *Shturm Pragi Suvorovym v 1794 godu [The storming of Prague by Suvorov in 1794]*. St-Petersburg, 1894. (In Russian)
- Орлов Н. А. Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894.
- Orlov N. A. *Suvorov na Trebbii v 1799 godu [Suvorov at the Trebbia in 1799]*. St-Petersburg: tip. Shtaba vojsk gvardii i Peterb. voennogo okruga, 1895. 107 p. (In Russian)
- Орлов Н. А. Суворов на Треббии в 1799 году. СПб.: тип. Штаба войск гвардии и Петерб. военного округа, 1895. 107 с.
- Orlov N. A. *Pohod Suvorova v 1799 g. Po zapiskam Grjazeva [Suvorov's campaign in 1799. According to Gryazev's notes]*. St-Petersburg: stolich. skoropеч., 1898. 211 p. (In Russian)
- Орлов Н. А. Поход Суворова в 1799 г. По запискам Грязева. СПб.: столич. скоропеч., 1898. 211 с.
- Petrushevskij A. F. *Generalissimus knjaz' Suvorov [Generalissimo Prince Suvorov]*. V 3 t. St-Petersburg: tip. M. M. Stasjulevicha, 1884. Т. 1. 486 p. Т. 2. 472 p. Т. 3. 458 p. (In Russian)
- Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. В 3 т. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1884. Т. 1. 486 с. Т. 2. 472 с. Т. 3. 458 с.
- Rogulin N. G. *«Polkovoe uchrezhdenie» A. V. Suvorova i pehotnye instrukcii ekaterininskogo vremeni [“Regimental establishment” by A. V. Suvorov and infantry instructions of Catherine's time]*. St-Petersburg: DB, 2005. 247 p. (In Russian)

Рогулин Н. Г. «Полковое учреждение» А. В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб.: ДБ, 2005. 247 с.

Rogulin N. G. *Suvorov: anekdoty, mify, zabluzhdenija [Suvorov: jokes, myths, misconceptions]*. St-Petersburg: LEMA, 2020. 437 p. (In Russian).

Рогулин Н. Г. Суворов: анекдоты, мифы, заблуждения. СПб.: ЛЕМА, 2020. 437 с.

Rostunov I. I. *Generalissimus A. V. Suvorov: Zhizn' i polkovodcheskaja dejatel'nost'*. Moscow: Voenizdat, 1989. 494 p. (In Russian)

Ростунов И. И. Генералиссимус А. В. Суворов: Жизнь и полководческая деятельность. М.: Воениздат, 1989. 494 с.

Чепик Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Нового и новейшего времени, СПбГУ.

E-mail: v.chepik@spbu.ru

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1968 ГОДА

В рецензии на книгу профессора СПбГУ О. Ю. Пленкова посвященной «молодежной революции» 1968 года анализируется вклад, который внес автор в изучение проблем социальных конфликтов на Западе и их дальнейших последствий¹. Молодежные протесты 1960-х гг. как против норм общественной морали, так и капиталистического государства с его концепцией индивидуализма часто попадали в поле зрения исследователей, но рассматривались, главным образом, в рамках молодежных субкультур. Автору монографии удалось найти общий знаменатель для определения цели протестов различных групп молодежи, объединив их под одним названием «революция». Парадокс этой «революции» заключается в том, что она происходила в экономически благополучных государствах, коренным образом отличаясь от предшествующих событий революционного характера. В рецензии подтверждается истина вывода о том, что экономическое благополучие и достаток не являются единственным содержанием человеческой жизни.

Ключевые слова: молодежная революция 1968 года, «новые левые», сексуальная революция, субкультура.

V. N. Chepik

Chepik Viktor Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Modern and Contemporary History, St. Petersburg State University.

E-mail: v.chepik@spbu.ru

A MODERN INTERPRETATION OF THE "YOUTH REVOLUTION" OF 1968

In a review of the book by Professor of St. Petersburg State University O. Y. Plenkov dedicated to the "youth revolution" of 1968, the author analyzes the contribution that the author made to the study of the problems of social conflicts in the West and their further

¹ Пленков О. Ю. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СПб.: Владимир Даль, 2023. 474 с.

consequences.²Youth protests of the 1960s, both against the norms of public morality and the capitalist state with its concept of individualism, often came to the attention of researchers, but were considered mainly within the framework of youth subcultures. The author of the monograph managed to find a common denominator for determining the purpose of the protests of various groups of young people, combining them under one name "revolution". The paradox of this "revolution" is that it took place in economically prosperous states, radically different from previous events of a revolutionary nature. The review confirms the truth of the conclusion that economic well-being and prosperity are not the only content of human life.

Key words: youth revolution of 1968, "new left", sexual revolution, subculture.

На фоне большого количества противоречивых интерпретаций студенческих беспорядков и инцидентов, происходивших в развитых и экономически благополучных странах Запада в 1960-е гг. можно задаться вопросом о наличии общих причин и составляющих элементов тех «загадочных событий». Именно такую попытку предпринял профессор СПбГУ Олег Юрьевич Пленков в своей новой книге «"Революция" 1968-го: эпоха, феномен, наследие». Для автора «68-й» не более, чем символ, такой же какими стали для истории 1789, 1848, 1914, 1917, 1933 годы. Он не очень точен, поскольку на деле рассматриваемые события и перемены носили характер конфликта поколений и охватывают значительно больший период времени, чем один год, если быть более точным, то период в течение сорока лет после окончания Второй мировой войны. Понятие «революция» употребляется в кавычках не потому, что автор «относится с иронией к этим событиям и людям», а потому, что они без каких-либо политических или структурных перемен, поспособствовали трансформации представлений о морали в западном обществе. Главной же особенностью событий является их интернациональный, практически глобальный характер.

В историографии молодежные протесты обычно рассматривались в контексте молодежных субкультур, историографических исследований молодежных протестов³, но О. Ю. Пленкову удалось выявить их причины и

² *Plenkov, O. Yu.* The "Revolution" of 1968: Epoch, Phenomenon, Heritage. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2023. 474 p.

³ *Фирсова М. Г.* Обзор западных молодежных субкультур: 1950-наши дни // Культура и образование. Июнь 2014. № 6. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/06/1914>; *Агеева А. Д., Гребенюков В. И.* Протестное молодежное движение США в 1960-е гг.: историографический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Всероссийская научно-практическая конференция г. Нижневартовск, 22 марта 2022. С. 4-13.

проанализировать результаты в более широком контексте, объединив их под общим названием «революция». Однако в этом нет еще никакой новизны.

В 2018 г. к пятидесятой годовщине начала мощных социальных протестов и выступлений, которые прокатились по странам Запада, в Великобритании была опубликована монография профессора лондонского Королевского колледжа Ричарда Вайнена «Долгий '68: Радикальный протест и его враги. Затем она вышла в США, а спустя два года после первого своего издания была опубликована в России⁴. Издание книги стало «первой попыткой рассмотреть в транснациональной перспективе всю совокупность протестных движений и восстаний, разворачивавшихся в благополучных индустриальных странах — Соединенных Штатах Америки, Франции, Великобритании и Западной Германии»⁵. В рецензии на эту книгу, подготовленную известными профессорами Санкт-Петербургского университета Барышниковым В.Н., Борисенко В.Н. при участии и самого Олега Юрьевича Пленкова, признается, что происходившее в то время «можно уподобить мировой революции»⁶.

Новизна работы О. Ю. Пленкова заключается в том, что он в первую очередь учел и исправил в своей монографии все претензии высказанные Р. Вайнену. А именно, игнорирование ситуации, сложившейся в Италии⁷, событий, происходивших в Японии⁸, в странах⁹ и Латинской Америке¹⁰. В целом, профессор Пленков предпринял смелую попытку систематизировать имеющиеся разрозненные представления о «молодежной революции» 1968 года на основе широкого круга источников и литературы художественного, философского, социологического и исторического направлений. В результате удалось объединить в рамках одной монографии разрозненные и порой противоречивые оценки различных аспектов общественно-политической жизни ведущих стран Запада, стран третьего мира, Латинской Америки и Японии.

Структура исследования достаточно хорошо продумана. Монография состоит из семи глав, часть которых посвящена проблемным вопросам, а часть — специфике 1968 г. в отдельных странах.

⁴ Вайнен Р. Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М., 2020.

⁵ Там же. С. 1.

⁶ Барышников В. Н., Борисенко В. Н., Пленков О. Ю. Культурные итоги молодежной революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 1012.

⁷ Там же. С. 1015.

⁸ Там же. С. 1016.

⁹ Там же. С. 1017.

¹⁰ Там же. С. 1017.

Как ни парадоксально это звучит, но в качестве главного условия «революции» выступает беспрецедентный подъем экономики в ведущих странах Запада. Это наглядно демонстрируется на примере продвижения США к Великому обществу во главе с Л. Джонсоном; экономического чуда Л. Эрхарда в ФРГ; политической стабилизации в Италии; обстановке во Франции и Испании. Анализируя «государство благоденствия» (или «благосостояния»), автор справедливо замечает, что «люди становились в растущей степени готовыми к сотрудничеству и общественному согласию, менее агрессивными, поскольку всякий кому не нужно беспокоиться о крыше над головой, о питании, образовании и медицинской помощи, ведет себя в жизни уже иначе»¹¹. Однако, как показала практика, «государство благоденствия» не идеально и решая экономические вопросы оно забывало о других, в частности о глубокой социальной проблеме — «органической социализации»¹². Полагая, что для государства достаточно роли отца, с ограниченными обязанностями — обеспечивать безопасность и предоставлять средства для существования (путем создания рабочих мест), оно самоустранилось от воспитательной функции, особенно востребованной в обществе с возрастающим количеством неполных семей. Как справедливо отмечает О.Ю. Пленков, это же относится и к престарелым людям, «нуждающимся в родственном общении», а не только формальной материальной помощи.

Материальное благополучие привело к сдвигу, при котором чувство идентичности, уважение и свободный выбор стали более значимыми. По мнению автора, сдвиг к постматериальным ценностям — лишь часть более широкого процесса структурных общественных трансформаций, в рамках которых меняются политические предпочтения, религиозные убеждения, гендерные роли и сексуальные нормы развитых индустриальных обществ. Новое мировоззрение постепенно заменяет традиционные нормы, особенно те, что препятствовали самовыражению¹³.

Другой предпосылкой «революции», по словам О.Ю. Пленкова, стала консолидация демократии на основе «быстрой и полной интеграции побежденных Германии, Италии и Японии в новый международный порядок. Как справедливо замечает автор, европейские демократии, в межвоенный период не находившие согласия, теперь под давлением настоящей или мнимой «советской угрозы» смогли довольно быстро договориться о принципах взаимоотношений. «Неожиданно быстро произошла демократизация этих

¹¹ Пленков О. Ю. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. С. 34.

¹² Там же. С. 41.

¹³ Там же.

стран, и они включились в концерт держав как будто фашизма и нацизма вовсе и не было»¹⁴.

Действительно угроза распространения коммунизма поспособствовала ускорению европейской интеграции на основе ценностей либеральной демократии. По словам О.Ю. Пленкова весьма значимым фактором примирения и консолидации на Западе было создание нового морального климата, отказ от старых взаимных претензий и ненависти, обращение к христианскому прощению, в чем большую роль сыграло движение Нравственного Перевооружения (НП), цель которого состояла в том, чтобы «изменить человеческие мотивы и межличностные отношения, а не в том, чтобы привить идеологемы»¹⁵. В рамках НП начали широко практиковать всевозможные программы обмена — школьниками, студентами, что также способствовало росту взаимопонимания и имело большое политическое значение.

Так, масштабные программы обмена школьниками способствовали распространению опыта работы американской школы, знаний об американской политике, а также формировали политическую элиту в Германии. В частности, из 16 министров правительства Гельмута Шмидта в 1974 году 7 министров, будучи школьниками, принимали участие в таких программах. Это важно, по мнению О.Ю. Пленкова, поскольку «старшие школьники также были активны в “68-м”»¹⁶.

Кризис модели «государства благосостояния» на смену которому в 1970-80-е гг. придет неоконсервативная модель автор объясняет «Усталостью от власти и сдвигом влево». В частности, он утверждает, что «благоепие при старых консервативных лидерах, однако, не было продолжительным — с середины 1960-х центр тяжести политики начал смещаться влево. Вероятно, это произошло вследствие естественной усталости от власти, поэтому «оборонеспособные» демократии Аденауэра, Де Гаспери, де Голля воспринимались новым поколением европейцев как автократические правления»¹⁷.

Следует признать, что это весьма абстрактное и обобщенное толкование, которое нуждается в дополнении экономическими и политическими причинами кризиса «государства бладенствия». К сожалению, автор не упоминает, что рецепт выхода из был предложен также молодежью «60-х», в

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 62.

частности «молодыми консерваторами», как, например, в Великобритании, уже в середине 1960-х гг.¹⁸.

Исследование причин «революции» продолжается и во второй главе, которая называется «Составляющие феномена 68-го». На первом месте здесь фигурирует «кризис системы образования, связанный с переменами в структуре занятости»¹⁹, демографическими особенностями, связанными с увеличением доли молодежи среди общей численности населения. Причем данное утверждение наглядно подтверждается цифрами. Так, по отношению к количеству взрослых и детей молодежь преобладала в нескольких странах, среди которых Япония (64 % по отношению к взрослому населению), США (45 %), Франция (44 %), Италия (44 %), Великобритания (42 %). Такая тенденция вела к многократному увеличению численности студентов, к чему система образования не была готова. Конкретизируя собственный вывод О.Ю. Пленков справедливо утверждает, что одной из причин бурного «68-го» были переполненные университеты, кампусы, нехватка учебных аудиторий, преподавателей, персонала, устаревшие учебные планы и архаическая авторитарная организация учебного процесса и аттестаций. Особенностью складывавшейся «революционной ситуации» профессор Пленков называет то, что только «ядро студенческого движения преследовало политические цели», а остальные студенты «думали только об университетских реформах»²⁰. Тем не менее, по заявлению автора, именно в «68-м» молодежь впервые проявила себя в качестве организованной социальной группы в глобальном масштабе.

Бесспорно утверждение автора о том, что молодежь в это время подвергала сомнению легитимность власти, ее раздражали любые ограничения, даже объективно необходимые. Целью становилась максимальная личная свобода без оглядки на ответственность перед другими людьми. Самым поразительным в этой «революции» было то, что она практически никак не была мотивирована социально-экономически или политически. Это время характеризовалось небывалым ростом благосостояния самых широких масс народа на Западе, что, по словам О.Ю. Пленкова, совершенно противоречило мысли Аристотеля о том, что «матерью революции и преступлений является нищета»²¹.

¹⁸ *Chepik V. N. A Quiet Revolution of Edward Heath // Вестник Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, изд-во Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2. Том 62. Выпуск 4. 2017. С. 856.*

¹⁹ *Пленков О. Ю. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. С. 67.*

²⁰ Там же. С. 70.

²¹ Там же. С. 73.

Непременным достоинством работы, о котором нельзя не упомянуть, является использование в качестве источников воспоминаний непосредственных участников событий. Так, удачное цитирование одного из лидеров американских «новых левых» Джерри Рубина помогло раскрыть одну из сторон протестов, а именно, их бессмысленность. Для убедительности приведу некоторые из таких цитат: «Выполните наши требования, и мы тут же выдвинем дюжину новых... Мы всегда выдвигаем свои требования в столь оскорбительной манере, что властные структуры не могут удовлетворить нас. Если же наши требования не выполняются, мы кричим, мы орём, исполнившись праведного гнева... Цель не имеет никакого значения. Тактика, реальные действия — вот что важно»²².

Последующие воспоминания того же Рубина помогли автору наглядно продемонстрировать, что из себя представляла часть т.н. «революционеров»: «Грязные, вонючие, угрюмые, шумные, свихнутые от наркоты, безрассудные, одетые в кожаные куртки, мы являли публике образ грязи и убогости, воплощая в себе отрицание стандартов, принятых средним классом. Мы испражнялись и занимались любовью на глазах у всех, мы переходили улицы на красный свет, мы открывали бутылки с кока-колой зубами. Мы торчали на всех наркотиках, известных людям. Мы были отрядом американских изгоев, взобравшихся на всемирные подмостки и заявивших о себе во всеуслышание»²³. Что касается идеалов, то их довольно ясно изложила американская студентка в октябре 1967 года в журнале «Harper's Magazine». Она отмечала «неадекватность ранее привитых ценностей», которые рухнули при первом соприкосновении с пониманием того, что действительно важно и какой стиль жизни действительно достойный. ... И довершил все Вьетнам, который открыл нам всю ложность ценностей, которые нам внушали дома и в школе»²⁴.

Как справедливо замечает О.Ю. Пленков, молодые люди хотели всего и сразу: их лозунгом был «сегодня», а не «завтра». Они жили в конфликте с родителями и перенесли это на государство. В этом смысле автор предлагает переформулировать высказывание Маркса в «Манифесте коммунистической партии»: «История всех существовавших до сих пор обществ – есть история борьбы классов» как «История всех существовавших до сих пор обществ – есть история борьбы разных поколений»²⁵.

²² Там же. С. 74.

²³ Там же. С. 74.

²⁴ Там же. С. 75.

²⁵ Там же. С. 78.

Среди же составляющих феномена «68-го» автор называет: ситуационистский интернационал; американизацию Европы; рок-музыку; коммуны; антикапитализм «новых левых»; несостоятельность буржуазной морали и культуры; новую трактовку роли идеологии: маоизма и ленинизма; критику колониализма; сексуальную революцию; ЛГБТ сообщества; феминизм. Все эти составляющие всесторонне освещены во второй главе монографии. При этом, по мнению О.Ю. Пленкова, самым многослойным, протекавшим в несколько этапов, было движение в США: сначала литераторы обусловили протест против буржуазного общества и его нравов (битники), затем неидеологизированное насилие мотоциклетных банд, затем наивноидеологическое движение за гражданские права черных, потом политическая организация SDS (Студенты за демократическое общество) и, наконец, протесты против войны во Вьетнаме²⁶.

Весьма абстрактно, а порой и противоречиво определяется мотивация протестного движения молодежи в Великобритании, как «выражение совершенно неоспоримого и важного для англичан либерализма»; во Франции, как «привязанность к традиции 1789 года»; в Италии, как «продолжением антифашистского движения», обусловившего терпимое отношение к терроризму «Красных бригад»; в Японии, как «выражение стремления элиты молодежи к лидирующим позициям в политике и бизнесе»; в ФРГ, как «стремление к преодолению наследия нацизма». Как представляется, действительно, по-революционному звучит риторический вопрос самого автора: «Может быть, наша сегодняшняя вера в демократию и права человека когда-то станет столь же нелепой»²⁷.

О.Ю. Пленков известен как историк-германист. Не удивительно, что в своей монографии он уделяет значительное место событиям в ФРГ. Любопытный взгляд инсайдера на причины немецкого «68-го» приводит О.Ю. Пленков на страницах своей монографии. Так, в интервью журналу «Der Spiegel» Беттина Рёль, дочь видных «революционеров» «68-го» Клауса Рёля и Ульрики Майнхоф (они вместе основали журнал «konkret», а Майнхоф была лидером террористической «Фракции Красной армии»), заявила, что «68-й» не был катализатором перемен, это чепуха: денацификация, женская эмансипация, либерализация семьи уже были частью повседневности. Участники «революции» «68-го» были скорее первыми пользователями этих новшеств²⁸.

²⁶ Там же. С. 83.

²⁷ Там же. С. 135.

²⁸ Там же. С. 325.

Даже в преодолении нацизма, по ее мнению, «68-й» не сыграл значительную роль. Молодежь тогда боролась не против нацизма, а против мелкобуржуазной семьи и против капитализма, «68-й» просто выражал «невыносимую легкость бытия», свою внутреннюю пустоту они заполнили затхлым марксизмом-ленинизмом, маоизмом, троцкизмом. Молодым людям нужен был смысл, и «революция» стала его заменителем. Интересно, утверждение О.Ю. Пленкова, что только в ФРГ и США имели место левая идеология и протесты студенческой элиты, создавшие обширную сеть приверженцев, повлиявших на развитие событий в «68-м»²⁹.

Интересен параграф «Феномен Руди Дучке в немецком “68-м”» с точки зрения наличия плана действий по захвату власти и революционных преобразований. Он включал в себя следующие постулаты 1) поскольку рабочий класс сам не в состоянии осуществить революцию, следовательно «потребна (требуется – автор) революционная партия»; 2) поскольку в современной ФРГ подавление человека осуществлялось путем манипулирования массами, а рабочий класс полностью интегрирован буржуазным обществом, то роль революционного авангарда переходила просвещенным студентам³⁰. Результатом революции должна была стать национализация капитала, переход к демократической плановой экономике, организация основанных на прямой демократии коммун и советов «как самой важной структурной части будущего свободного общества, в котором не будет места эксплуатации человека и его отчуждению»³¹.

Автору удалось продемонстрировать успешные действия правительства ФРГ в отличие от США, где провалился проект «великого общества». В частности, по словам О.Ю. Пленкова, Вилли Брандту удалось привлечь значительную часть протестного движения к проекту внутренних реформ. Образование социал-либеральной коалиции открыло новые возможности, чем и воспользовался Брандт. Он тактически точно настоял на снижении избирательного возраста с 21 до 18 лет, чем привлек на свою сторону избирателей, обещал сделать принятие правительственных решений более открытыми, удовлетворить критическую потребность в информации, а также заявил, что каждый гражданин мог бы содействовать реформированию государства и общества». Избрание Брандта и в целом реформы социал-либеральной коалиции содействовали интеграции молодежи в демократическую систему ФРГ. Число молодых людей, вступивших в СДПГ,

²⁹ Там же. С. 327.

³⁰ Там же. С. 367.

³¹ Там же. С. 369.

выросло в 1969—1972 годы с 46 499 до 160 тысяч³². В США же протесты 68-го привели в политике всего лишь к дезинтеграции Демократической партии.

Итогам исследования посвящен эпилог, который автор, как и все предыдущие главы начинает с эпиграфа. В частности, цитата непосредственного участника событий 1960-х гг. Абби Хоффмана говорит о том, что участники тех «революционных» событий «не положили конец расизму, но отменили узаконенную сегрегацию, ...положили конец мысли о том, что можно послать полмиллиона солдат на войну, которую не поддержал народ, ... положили конец мнению, что женщины — люди второго класса, ... поставили ребром вопрос об окружающей среде», да и в целом призывает не «закрывать глаза на победы, которые мы одержали». Однако автор, задаваясь вопросом «Что это было?» предлагает все забыть. По словам О.Ю. Пленкова, задача историка состоит «не только в том, чтобы помнить события прошлого и уметь толковать их, но и в том, чтобы указать в прошлом на то, о чем следует забыть». «Забыть не в смысле просто игнорировать идеи и устремления «революционеров» «68-го», а в том, чтобы показать тупиковый квазиреволюционный характер их идеологии и практики»³³. Другими словами, О.Ю. Пленков призывает современную молодежь забыть о безрассудном поведении своих сверстников в 1960-е гг.

Таким образом, исследование характеризуется преемственностью, побуждает к переосмыслению событий, имевших место в «68-м» и претендует (наряду с «холодной войной» и процессами деколонизации) на то, чтобы сформировать новые рамки объяснения процессов мировой истории после Второй мировой войны, в частности, ее социальной составляющей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Ageeva A. D., Grebenjukov V. I. Protestnoe molodezhnoe dvizhenie SShA v 1960-ee gg.: istoriograficheskiy aspekt [The US youth protest movement in the 1960s: a historiographical aspect], in *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferencija* g. Nizhnevartovsk, 22 marta 2022. P. 4-13. (In Russian)

Агеева А. Д., Гребенюков В. И. Протестное молодежное движение США в 1960-е гг.: историографический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Всероссийская научно-практическая конференция г. Нижневартовск, 22 марта 2022. С. 4-13.

Baryshnikov V. N., Goncharova T. N., Kipnis B. G., Sidorenko L. V., Steckeovich E. S., Steckeovich M. S., Plenkov O. Ju., Chepik V. N. *Fenomen kontrrevoljucii v istorii: Sravnitel'nyj analiz postrevoljucionnykh praktik v Evrope Novogo i novejshego vremeni* [The phenomenon of

³² Там же. С. 389.

³³ Там же. С. 426.

counter-revolution in history: Comparative analysis of post-revolutionary practices in Europe of Modern and Contemporary times]. St-Petersburg: Izd-vo RHGA, 2021. 521 p. (In Russian)

Барышников В. Н., Гончарова Т. Н., Купнис Б. Г., Сидоренко Л. В., Стецкевич Е. С., Стецкевич М. С., Пленков О. Ю., Чепик В. Н. Феномен контрреволюции в истории: Сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2021. 521 с.

Baryshnikov V. N., Borisenko V. N., Plenkov O. Ju. Kul'turnye itogi molodezhnoj revoljucii [Cultural results of the youth revolution], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2021. T. 66. Vyp. 3. P. 1012–1026. (In Russian)

Барышников В. Н., Борисенко В. Н., Пленков О. Ю. Культурные итоги молодежной революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 1012–1026.

Baryshnikov V. N., Borisenko V. N., Plenkov O. Yu. The student riots in Germany and their aftermath, in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2022. T. 67. Vyp. 4. P. 1212–1230.

Baryshnikov V. N., Borisenko V. N., Plenkov O. Yu. The student riots in Germany and their aftermath // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1212–1230.

Чепик В. Н. A Quiet Revolution of Edward Heath, in *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Санкт-Петербург, изд-во Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2. Том 62. Выпуск 4. 2017. С. 855-864.

Firsova M. G. Obzor zapadnyh molodezhnyh subkul'tur: 1950-nashi dni [Overview of Western youth subcultures: 1950–present], in *Kul'tura i obrazovanie*. Ijun' 2014. № 6. (In Russian)
Фирсова М. Г. Обзор западных молодежных субкультур: 1950-наши дни // Культура и образование. Июнь 2014. № 6. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/06/1914>.

Plenkov O. Ju. «Revoljucija» 1968-go: jepoha, fenomen, nasledie [“Revolution” of 1968: era, phenomenon, legacy]. St-Petersburg: Vladimir Dal', 2023. 474 p. (In Russian)

Пленков О. Ю. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СПб.: Владимир Даль, 2023. 474 с.

Plenkov O. Ju. Chto ostalos' ot Gitlera? Istoricheskaja vina i politicheskoe pokajanie Germanii [What's left of Hitler? Historical guilt and political repentance in Germany]. St-Petersburg: Russkij mir, 2019. 511 p. (In Russian)

Пленков О. Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб.: Русский мир, 2019. 511 с.

Vajnen R. Dolgij '68: Radikal'nyj protest i ego vragi [Long'68: Radical protest and its enemies]. Moscow: Al'pina nonfikshn, 2020. 627 p. (In Russian)

Вайнен Р. Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М.: Альпина нонфикшн, 2020. 627с.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ

Тексты научных статей, предлагаемые для публикации в журнале Труды кафедры истории Нового и новейшего времени, должны быть оригинальными, ранее не опубликованными произведениями по исторической тематике или смежным дисциплинам.

Рекомендуемый объем статьи – до 40 000 знаков (включая пробелы и сноски), для аспирантов – до 20 000 знаков.

Текст статьи представляется в электронном виде: Документ Word, шрифты группы Times New Roman, основной текст – выравнивание по ширине, 12 кегль, интервал полуторный, абзацный отступ 1,27. Сноски постраничные (внизу страницы), нумерация сквозная по всему тексту, выравнивание по ширине, шрифты группы Times New Roman, 10 кегль, интервал одинарный, отступ/выступ отсутствует.

Оформление сносок:

- фамилия автора выделяется курсивом;
- для обозначения промежутка между страницами используется НЕ ДЕФИС, а короткое тире: С. 33–58;
- в случае первой ссылки на работу приводятся ее полные данные, во второй и последующих – сокращенные. Использование обозначений Указ. соч., Op. cit. применительно к монографиям и статьям НЕ ДОПУСКАЕТСЯ. При повторных ссылках употребляется сокращенное название, например:

¹*Пленков О. Ю.* Третий Рейх. Арийская культура. СПб., 2005. С. 25.

⁷*Пленков О. Ю.* Третий Рейх... С. 40.

Использование Там же, Ibid. возможно при нескольких ссылках подряд на один и тот же источник или литературу.

Указание редактора или составителя сборника в сносках является желательным.

- образцы оформления ссылок:

На монографию: *Пленков О. Ю.* Истоки современности (динамика и логика развития Запада в новейшее время). СПб., 2014. С. 55.

На статью в журнале: *Барышников В. Н.* О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонительного союза северных стран // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2000. Вып. 2 (№ 9). С. 18–29.

На статью в издании: *Ушаков В. А.* К вопросу о социальном составе лоялистов (Массачусетс) // Американский ежегодник 1986. М., 1986. С. 202–220.

На статью в сборнике: *Возгрин В. Е.* Настоящее и будущее гренландских эскимосов // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная этнографическая наука / Под ред. Ю. В. Маретина и Б. Н. Путилова. Л., 1979. С. 177–184.

Ссылка на источник, документ: *Бобринский А. Г.* Дневник. 1779–1786 // Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения / Отв. ред. Н. В. Кирющенко. СПб., 2003. Т. 1. С. 356–447.

Ссылка на публикацию в Интернете: *Бovyкин Д. Ю.* Веронская декларация Людовика XVIII // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 118–129. Режим доступа: <https://annuaire-fr.narod.ru/Revolution.html> (дата обращения 25.05.14).

Статья подается в сопровождении информации, которая будет обработана и размещена в наукометрических базах данных для индекса цитирования и т.д. Она включает в себя:

- ссылку на грант, если работа выполнена по гранту или программе;
- автор: фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы или учебы, должность, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- резюме статьи на русском языке не менее 200 слов (200–250), рекомендуемый объем – от 0,3 до 0,5 стр.;
- ключевые слова (5–6 слов);
- литература, использованная в статье. Приводится перечень в алфавитном порядке ВСЕХ статей, монографий и др. произведений научной литературы, на которые в статье были ссылки или которые использовались при подготовке публикации. ПЕРЕЧЕНЬ НЕ НУМЕРУЕТСЯ.

Описание каждого издания делается следующим образом:

Фамилия автора, (ЗАПЯТАЯ) инициалы. ВСЕ ВЫДЕЛЯЕТСЯ КУРСИВОМ.

Заголовок работы.

Выходные данные: Место издания (ПОЛНОСТЬЮ, БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ): (двоеточие) ИЗДАТЕЛЬСТВО или ТИПОГРАФИЯ, (запятая) год издания.

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ или НОМЕРА СТРАНИЦ, на которых напечатана статья.

Образец списка:

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2012. 200 с.

Евдокимова Н. П. Просветы и тупики во франко-германских отношениях середины 1920-х годов: Туари. 17 сентября 1926 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 106–123.

Bouche D. Quatorze millions de Français dans la Fédération de l'Afrique occidentale française? //Revue française d'histoire d'outre-mer. 1982. № 255. P. 97–113.

La fracture coloniale. La société française au prisme de l'héritage colonial / Sous la direction de P. Blanchard, N. Bancel et S. Lemaire. Paris: Editions La Découverte, 2006. 315 p.

Low D. A. Eclipse of Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 375 p.

Статья подается также в сопровождении той же самой информации, но в переводе на английский язык.

- ссылка на грант на английском языке;
- сведения об авторе, например, Author: Petrova Ariadna Alexandrovna, Ph.D. in History, Ass. Prof. of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, a.petrova@spbu.ru;
- перевод заголовка статьи на английский (Title);
- резюме статьи на английском (Abstract). Это должен быть перевод вышеприведенного русского резюме или его расширенный вариант;
- ключевые слова на английском (Key words);
- References – список использованной литературы, транслитерированный на латиницу и сопровождаемый переводом названия публикации на английский язык (в случае, если оригинал названия – на кириллице), дается в квадратных скобках. Для транслитерации рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru>.

Например:

Baryshnikov V. N. *Finny na sluzhbe v vojskakh SS v gody Vtoroj mirovoj vojny* [*Finns in service in the Waffen SS during the Second World War*]. Sankt-Petersburg: RHGA Publ., 2012. 200 p.

Evdokimova N. P. Prosvety I tupiki vo franko-germanskih otnoshenijah serediny 1920-h godov: Tuari. 17 sentjabrja 1926 goda [Clarifications and deadlocks in the French-German relations in the middle of 1920-s years], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2013. № 11. P. 106–123.

ОБРАЩАЕМ ВАШЕ ВНИМАНИЕ, ЧТО В
ТРАНСЛИТЕРИРОВАННОЙ ВЕРСИИ ЗНАК // ЗАМЕНЯЕТСЯ НА:
IN.

Все выпуски журнала находятся в свободном доступе на Интернет-сайте кафедры истории Нового и новейшего времени:
<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

Авторы несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий и прочих сведений, гарантируют наличие разрешения на публикации архивных и прочих материалов.

Все статьи проходят двойное рецензирование, осуществляемое членами Редакционного совета и независимыми специалистами. Редколлегия оставляет за собой право отбора материалов. Статьи, не соответствующие тематике журнала и не удовлетворяющие требованиям редколлегии, на рассмотрение не принимаются.

Научное издание

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

23 (1)

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет: Т. Н. Гончарова

Подписано в печать с готового оригинал-макета 25.06.2023.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Заказ 921.

Усл. печ. л. 9. Тираж 300 экз.

Издательство

Русской христианской гуманитарной академии

им. Ф. М. Достоевского

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15

Тел.: (812)310-79-29, +7(981)699-65-95;

e-mail: rhgapublisher@gmail.com

URL: <http://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134